

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ЛИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

LOMONOSOV
LINGUISTICS
AND INTERCULTURAL
COMMUNICATION
JOURNAL

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и меѓукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturní komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и междукултурна комуникация

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал Издательство
Основан в 1946 году Московского
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

19

Л
ИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

№ 1 • 2026

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
факультет иностранных языков и регионоведения МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Молчанова Г.Г. (главный редактор), и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, д.ф.н., проф., зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Сахнина Е.Л. (отв. секретарь)**

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Богданова Л.И., д.ф.н., проф. кафедры сопоставительного изучения языков; **Бубнова Г.И.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения; **Джек Ричардс (Jack Richards)**, Сиднейский ун-т (Австралия), Оклендский ун-т (Новая Зеландия); **Загряжкина Т.Ю.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой французского языка и культуры; **Запольская Н.Н.**, д.ф.н., доц., зав. кафедрой славянских языков и культур; **Калуцков В.Н.**, д.г.н., проф. кафедры региональных исследований; **Карташева Н.В.**, к.культ., доцент, зав. кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур; **Ксензенко О.А.**, к.ф.н., доц. кафедры теории преподавания иностранных языков; **Левицкий А.Э.**, д.ф.н., проф. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Павловская А.В.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой региональных исследований; **Полубиченко Л.В.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языка для естеств. ф-тов; **Прошина З.Г.**, д.ф.н., проф. кафедры теории преподавания иностранных языков; **Раевская М.М.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой испанского языка; **Ренате Ратмайр (Renate Rathmayr)**, Ин-т славянских языков Венского ун-та экономики и бизнеса (Австрия); **Роберт Геккель (Robert Goeckel)**, Ун-т штата Нью-Йорк, Колледж в Дженесео (США); **Роберт Илсон (Robert Ilson)**, Ун-т колледжа Лондона (Великобритания); **Робустова В.В.**, к.ф.н., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Роланд Сассекс (Roland Roly) Sussex**, Ун-т Квинсленда (Австралия); **Сафонова В.В.**, д.п.н., проф. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Титова С.В.**, д.п.н., проф., зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Устинова Т.В.**, д.ф.н., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Чжэн Тиу (Zheng Tiwu)**, Ин-т мировой литературы Шанхайского ун-та иностранных языков (КНР); **Шевлякова Д.А.**, д.культ., доц., зав. кафедрой итальянского языка; **Ян Кэ (Yang Ke)**, Ин-т европейских языков и культур Гуандунского ун-та иностранных языков и международной торговли (КНР)

Редактор И.Г. Игумнова

СОДЕРЖАНИЕ

Лингвокогнитивные исследования текста/дискурса

- Молчанова Г.Г.* Коммуникативные принципы сотрудничества и негативной вежливости в художественном тексте/дискурсе. 9
- Грецкая С.С.* Этноспецифические концепты и конструирование смешанной идентичности в художественном тексте 25
- Козловский Д.В.* Языковое моделирование эвиденциальной семантики в медиадискурсе 37

Информационно-коммуникационные технологии в образовании

- Сафонова В.В.* Лингводидактический взгляд на нормативно-правовые аспекты использования ИИ в языковом образовании высшей школы 50
- Воевода Е.В., Корнев А.А.* Модель профессионально ориентированной языковой подготовки и развития преподавателя иностранного языка 73
- Басова И.А., Толстухин А.В., Щедромирская А.И.* Формирование профессиональных и информационно-коммуникационной компетенций у будущих специалистов в области репрезентации культурного наследия. 86

Лингвистика и уровни языка

- Бубнова Г.И.* Дискурсивный потенциал просодии в процессе гибридации устной и письменной форм языка. 99

История, традиции и современные тенденции культуры

- Калуцков В.Н.* «От Волги до Енисея»: к понятию образа-карты. 120
- Шевлякова Д.А.* Актуализация национального культурного кода в итальянской моде 139

Перевод и переводоведческие исследования

- Устинова Т.В.* Нарративно-синтаксическая организация малой прозы Дмитрия Бакина: эквивалентность и идиоматичность перевода. 150
- Горбачевская С.И.* Православный мир рассказов А.П. Чехова в немецких переводах 167

Язык и межкультурная коммуникация

Щербаков О.В., Прошина З.Г. Стратегии создания символических ресурсов лингвистических ландшафтов в маркетинговых целях (на материале Москвы и Санкт-Петербурга). 179

Сравнительное изучение культур

Джабер М.Х. Градиентный семантический сдвиг в синонимических рядах прилагательных в русском и китайском языках 195

CONTENTS

Linguocognitive Studies of Text / Discourse

- Molchanova G.G.* Communicative cooperation and negative politeness maxima — condicio sine qua non of literary text/discourse. 9
- Gretskaya S.S.* Ethnospecific concepts and mixed identity construction in fiction 25
- Kozlovskii D.V.* Language modeling of evidential semantics in media discourse 37

Information and Communication Technologies in Education

- Safonova V.V.* A linguodidactic perspective on the regulatory and legal aspects of using AI in tertiary language education 50
- Voevoda E.V., Korenev A.A.* Professionally oriented language training model for pre-service and in-service language teachers 73
- Basova I.A., Tolstukhin A.V., Shchedromirskaja A.I.* Development of professional and ICT competencies in future specialists in the field of cultural heritage representation 86

Linguistics and Levels of Language

- Bubnova G.I.* The discursive potential of prosody in the process of hybridization of oral and written forms of language 99

History, Traditions and Modern Trends in Culture

- Kalutskov V.N.* “From the Volga to the Yenisei”: to the concept of the image-map. 120
- Shevliakova D.A.* Activation of the national cultural code in Italian fashion 139

Translation and Translation Studies

- Ustinova T.V.* Narrative and syntactic organization of Dmitry Bakin’s small prose: equivalence and idiomaticity of translation 150
- Gorbacevskaja S.I.* The Orthodox world of Chekhov’s short stories in German translations 167

Language and Intercultural Communication

- Shcherbakov O.V., Proshina Z.G.* Strategies for creating symbolic resources in linguistic landscapes for marketing purposes (a case study of landscapes from Moscow and St. Petersburg). 179

Comparative Cultural Studies

- Dzhaber M.Kh.* Gradient semantic shift in synonymous adjective series in Russian and Chinese. 195

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА/ДИСКУРСА

Г.Г. Молчанова

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ/ДИСКУРСЕ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; dean@fl.msu.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению коммуникативных максим сотрудничества Пола Грайса и принципов вежливости Джона Лича как необходимого условия успешного функционирования этих постулатов в художественном тексте и речевом дискурсе. В центре анализа — стратегии дифференциации «позитивной» и «негативной» вежливости в процессе их текстовой имплементации. Наибольшее внимание уделяется «негативной вежливости» как относительно новому феномену в контексте коммуникации. Реализация ее в современном англоязычном тексте/дискурсе осуществляется посредством специфических речевых тактик (соблюдение речевых формальностей и коммуникативной дистанции; намеренная неопределенность и расплывчатость высказываний; противопоставление собственных достижений негативным ожиданиям оппонента; демонстрация успеха в выполнении своих обещаний; самопрезентация). Представляется уместным и необходимым дополнить этот список феноменом т.н. «политкорректности», непосредственно соотносящимся с явлением «негативной вежливости». Результаты исследования могут быть применены в разработке языкового инструментария, позволяющего эффективно донести скрытые смыслы художественного текста/дискурса.

Ключевые слова: принципы сотрудничества, постулаты вежливости, политкорректность, негативная вежливость, позитивная вежливость, речевые тактики

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-1

Молчанова Галина Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; dean@fl.msu.ru

© Молчанова Г.Г., 2026

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Молчанова Г.Г. Коммуникативные принципы сотрудничества и негативной вежливости в художественном тексте/дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 1. С. 9–24. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-1

Художественный текст может быть представлен как контаминация по меньшей мере трех субстанций. Во-первых, это разновидность *коммуникативного* акта — имитационного, или превращенного, позволяющего коммуникации из отдельного акта превращаться в акт общественного сознания, имитировать реально-вымышленный мир по соглашению между автором и читателем, соблюдающими так называемые принципы сотрудничества. Во-вторых, это *когнитивная* структура, подчиняющаяся всем когнитивным принципам и установкам хронологической, казуальной, пространственной, социально-обусловленной упорядоченности элементов текста, отражающей упорядоченность восприятия реальности (т.н. принцип иконизма). Одной из основных функций текста является когнитивная функция — общее название для совокупности процессов и способностей внимания, восприятия, усвоения, сохранения и вспоминания знаний, а также формирования понятий и мышления. И, наконец, в-третьих, это *прагматическая*, интенционально ориентированная функциональная установка, подчиняющая своим целям языковую организацию текста и стремящаяся реализовать себя наиболее эффективным и наименее затратным способом (т.н. принцип языковой экономии). Борьба этих трех «конкурирующих» мотиваций — *коммуникативной, прагматической и когнитивной* — приводит к увеличению емкости смысловых блоков без увеличения их границ (т.н. «свертке смысла»). Текст включает в себя все три ракурса, рассматриваемых с позиций коммуникативных принципов сотрудничества и вежливости (как позитивной, так и негативной).

Современное *коммуникативно-ориентированное* изучение текста/дискурса предполагает рассмотрение его как процесса социально обусловленного речевого взаимодействия. В основе прагматического подхода к описанию речевого акта лежит теория максимумов (постулатов, принципов) коммуникативного сотрудничества Пола Грайса (1985), который полагал, что коммуникативное намерение говорящего может быть правильно понято, даже если оно выражено

не прямо, а скрытно, имплицитно. Непременным условием для адекватного понимания этого намерения адресату недостаточно только языковых знаний, необходимо знание контекстных условий реализации высказывания. Целью прагматико-лингвистического анализа является описание того, как участники коммуникации устанавливают связь между буквальным значением высказывания и «значением говорящего» как при порождении, так и при восприятии этого высказывания в условиях «превращенного» речевого акта, каким является художественный текст.

Коммуникативно-прагматический подход к лингвистике художественного текста/дискурса ведется с разных методологических и частных теоретических позиций, однако в центр внимания всегда ставится коммуникативный акт и опора делается на общие принципы теории речевого общения. Прагматический анализ дискурса исходит из того, что всякое высказывание, обладающее интенциональностью (а в художественном тексте других и нет!), может рассматриваться в качестве «превращенного» речевого акта, а само дискурсивное взаимодействие представляет собой последовательность речевых иллокутивных актов.

В социолингвистическом ракурсе дискурс понимается как часть коммуникативного события, имеющего место в рамках более сложного процесса социального взаимодействия между людьми [см.: Dijk T.E. van, 1988; Карасик, 2002]. С позиций теории интеракции социолингвистическое описание дискурсивного текста предполагает, помимо определения микросоциального коммуникативного контекста, в рамках которого реализуются статусные роли участников интеракции, дистантные и социально-психологические отношения между ними.

Одним из основополагающих моментов процесса извлечения скрытого смысла текста является процедура импликационного поиска, ведущего к обнаружению (и заключению) адекватного вывода, что можно считать целевой установкой анализа художественного текста. Его отправной точкой является проблемная ситуация в языковой ткани текста. Там, где информационные потребности партнера по коммуникации не полностью удовлетворяются эксплицитным уровнем текста, когда он ощущает потребность найти какие-то дополнительные сведения о сообщаемом, спровоцированную «смысловыми скважинами», «лакунами», «странными сближениями» (А. Пушкин), «структурными скандалами», «семантическими жестами» и другими отклонениями от внутренней нормы текста, там необычная сортировка знаков образует при восприятии сдвиг по

отношению к читательскому тезаурусу, сигналом которого является «эстетическое недовольство» [Мукаржовский, 1967], ибо нарушен принцип сотрудничества, лежащий в основе прозрачности речевого акта.

Постулаты, предложенные П. Грайсом [Grice, 1985] в его известной статье о логике и разговоре, сформулированы под углом зрения именно адресата и оберегают коммуникативные интересы потребителя речи от попраiania их говорящим. Считается, что при реализации того или иного речевого акта оба коммуниканта ориентируются на некий общий принцип, который обеспечивает не столько саму возможность коммуникации, сколько ее социальную значимость. Следует отметить, что особые правила или условия осуществления речевых актов предлагались и Дж. Остином [Austin, 1986], и Дж. Серлем [Searle, 1972], но формулировки, предложенные П. Грайсом, наиболее распространены.

Основной принцип, названный *максимой сотрудничества*, заключается в требовании делать свой вклад в речевое сообщение соответствующим принятой цели и направлению разговора. Этому принципу подчинены четыре категории максим: 1) *максима количества* — «излагай не меньше и не больше информации, чем следует», «делай свой вклад в речевое общение настолько информативным, насколько необходимо»; 2) *максима качества* — «не говори ложного», «не говори того, в чем сомневаешься»; «излагай только проверенную информацию»; 3) *максима отношения* — «не отходи от темы»; «будь релевантен»; «стремись к соблюдению всех максим для поддержания внимания собеседника»; «учитывай баланс известного и неизвестного для аудитории». И хотя постулат сформулирован очень кратко, с ним связаны некоторые проблемы, вызывающие серьезные затруднения, а именно: какие бывают различные типы и фокусы релевантности, как они смещаются в процессе речевого общения, как описать законную смену предмета разговора и т.п.; 4) что касается четвертой *максимы манеры*, то она касается не того, что говорится (как остальные категории), а скорее того, как это говорится. К этой категории относится только один общий постулат — «выражайся ясно» — и несколько частных постулатов, типа: «будь последовательным», «избегай неясности и двусмысленности», «будь краток и систематичен». Приведенные требования определяют коммуникативные обязанности говорящего по отношению к адресату. Таким образом, роль адресата не только определяет социально-этикетную сторону речи, но и заставляет говорящего заботиться о ее организации, ибо всякое превышение предела не-

брежности сказывается на его интересах, нарушая прозрачность сообщаемого.

Следует отметить тот факт, что введение в прагматику самой идеи максимы сотрудничества оказало необычайно сильное влияние на всю дисциплину, поскольку сразу же дало очень мощный инструмент описания и объяснения человеческой коммуникации. По сути, представление о нем зачастую спасает при анализе особо сложных случаев, поскольку оно дает обоснование переходу от высказываемых, зачастую мало связанных и представляющихся недостаточно осмысленными, реплик к логично и последовательно построенному дискурсу, каким он должен быть на взгляд исследователя.

Формулируя принципы сотрудничества, П. Грайс исходил из того, что следует ввести основной принцип, соблюдение которого ожидается (при прочих равных условиях) от участников диалога: «твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Grice, 1985].

Однако этим анализируемая концепция не исчерпывается.

Следует отметить, что принцип сотрудничества Грайса много раз подвергался критике в лингвистической литературе в связи с той ролью, которую он занимает в коммуникации. Вообще говоря, можно сформулировать три главных позиции по отношению к этой проблеме.

1. *Отрицающая позиция.* Исследователи, стоящие на этой позиции, прежде всего склонны отрицать сам факт наличия у коммуникантов общих целей при общении или, по крайней мере, утверждают, что наличие таких целей слишком редко, чтобы быть нормой. По их мнению, принцип сотрудничества слишком гипертрофирован, поскольку он опирается на допущение существования сотрудничества и разделяемых коммуникантами общих целей, а не на более слабое допущение координации действий и независимых целей.

2. *Редукционистская позиция.* Согласно этой точке зрения, то количество максим, которое предложено П. Грайсом, совершенно избыточно. Так, например, в некоторых работах утверждается, что единственной действительно значимой максимой является *максима отношения*. Это связано прежде всего с тем, что подобные исследователи дают несколько иную трактовку того, что следует понимать под общими целями коммуникантов. На их взгляд, коммуниканты имеют только одну общую цель, а именно достижение успешной

коммуникации. Под этим подразумевается, что слушающий должен понять, что говорящий имел в виду.

3. *Экспансионистская позиция.* Наиболее значительным и последовательным представителем этой позиции следует, очевидно, считать Дж. Лича. Согласно теории Лича [Leech, 1977], принцип сотрудничества рассматривается лишь как одна из составляющих межличностной риторике, противопоставленной текстуальной риторике. Текстуальная риторика Дж. Лича охватывает принципы доступности обработки, ясности, экономии и экспрессивности. Межличностная риторика, наряду с принципом сотрудничества, включает в себя *принцип вежливости* (максимы такта, щедрости, благородства, одобрения, скромности, согласия, иронии). Дж. Лич показывает, что действие принципа сотрудничества может быть преодолено, скажем, действием принципа вежливости. Представляется, что все названные принципы могут находиться в сложном взаимодействии, в зависимости, например, от социокультурных особенностей. К примеру, известные явления табуирования некоторых типов речевых актов напрямую ставят препятствия применению принципа сотрудничества [см.: Кларк, Карлсон, 1986: 277; Хаймс, 1975: 42–95]. Более того, в свете современных гендерных изысканий нередко начинают говорить о том, что сам принцип сотрудничества следует формулировать в двух вариантах: мужском и женском.

С принципами коммуникативного сотрудничества П. Грайса, направленными на поддержание в разговоре осмысленности, целенаправленности, ситуативности, связности и правдоподобия, во многом перекликается презумпция уместности Цветана Тодорова, которую он сформулировал следующим образом: «Если некая речь имеет место, значит, на это есть свои резоны» [Тодоров, 1983: 350–369].

Нужно признать, что позиции всех сторон достаточно мотивированы. Тем не менее, против редуccionистской и отрицательной позиции можно привести достаточно сильные возражения. Что касается полного отрицания принципа сотрудничества, то вопрос можно поставить следующим образом: что следует понимать под общими целями? Безусловно, если здесь имеется в виду, что два человека, вступающие в беседу, совсем не обязательно ставят себе одну и ту же, при этом специальную, цель, которой они намерены добиться в ходе и посредством этой беседы, то такое возражение абсолютно справедливо: действительно, трудно предположить, что до начала коммуникации может быть достигнута такая согласован-

ность в целях. Однако если допустить, что эта цель в самой частной формулировке заявляется одним участником в самом начале коммуникации (например, получить ответ на конкретный вопрос), и тут же принимается другим (например, ответ дается), то можно сформулировать следующее положение: общая цель не задается (или не обязательно задается) до коммуникации: общая цель формируется в процессе самой коммуникации, причем она является производной от множества микроцелей, заявляемых коммуникантами, исходя из общей презумпции настроенности собеседника на общение. Это, кстати говоря, следует и из рассмотренной нами выше трактовки принципа сотрудничества как системы координат, точкой отсчета в которой является участник акта коммуникации: действительно, судить об общей цели, достигаемой в итоге общения, может только сторонний наблюдатель и только постфактум.

Редукционистская позиция менее открыта для критики. Действительно, при желании любую из максим принципа сотрудничества можно свести к максиме отношения: говорить по существу, не отклоняясь от темы в каком-то смысле и значит говорить правду, говорить обоснованно, не говорить ничего лишнего, говорить внятными образом и т.д. Вопрос здесь лишь в том, что в таком случае формулировка самого принципа оказывается неотличимой от формулировки максимы отношения. Но если беспристрастно сопоставить эти формулировки, то видно, что максима отношения имеет несколько более частный характер. Быть релевантным, собственно, означает лишь, что реплики коммуниканта должны оставаться в пределах обсуждаемой темы. Не следует понимать релевантность сообщения как его ценностную характеристику, для этого П. Грайс предлагает вполне развернутое понятие кооперативного сообщения, это следует из самой формулировки принципа сотрудничества.

Что касается экспансионистской позиции, то, пожалуй, следует признать, что она выглядит значительно более обоснованной. Дело в том, что общая цель, по П. Грайсу, это стремление к максимально четкой передаче информации. Сам П. Грайс говорит о том, что такое обобщение слишком узко и естественно, что в тех случаях, когда участники коммуникации преследуют какие-то иные цели, помимо общей, они должны придерживаться иных принципов коммуникации, помимо принципа сотрудничества, если хотят этих целей достичь.

Рассмотрение художественного текста в формате акта межкультурной коммуникации преследует, помимо коммуникативной,

другие функциональные цели, поэтому постулаты П. Грайса могут быть применимы только в сочетании с другими критериями и интерпретациями, направленными на создание адекватной процедуры поиска скрытого смысла текста. По мнению П. Грайса, соблюдение максим сотрудничества делает взаимодействие участников коммуникации возможным и результативным, но оно не всегда соблюдается и часто нарушается в силу разных причин, а поэтому могут быть дополнены правилами иного рода, например, эстетическими или культурными. Он замечает, что такими постулатами могли бы стать *Принципы вежливости* Дж. Лича. Вместе с максимами П. Грайса они составляют *коммуникативный кодекс* системы принципов построения текстового диалога. Для установления контакта с читателем автор использует принятые в данной культуре конвенции. В художественном тексте как в «превращенном» речевом акте Принципы вежливости Дж. Лича так же необходимы, как в любом другом виде коммуникации и так же предполагают взаимное приспособление, подстраивание под точку зрения автора. В лингвистическом плане они представляют собой набор формул, которые способствуют общей коммуникативной цели и контролируют речевое поведение индивидов, направленное на предупреждение конфликтных ситуаций, поддержание социального равновесия и доброжелательных отношений между собеседниками.

Особо значимым представляется то, что Дж. Лич провел различие между *абсолютной* и *относительной* вежливостью. Разные речевые акты ассоциируются с разными типами вежливости, которая имеет *негативный* и *позитивный* полюсы. Например, предложения чаще бывают вежливыми, а императивы, приказы — нет. Браун и Левинсон [Brown, Levinson, 1987] различают *позитивное лицо* (желание нравиться другим) и *негативное лицо* (желание быть независимым, иметь свободу). *Позитивная вежливость* — вежливость сближения, контакта, солидарности; *негативная вежливость* — вежливость удаления, дистанции, почтения. Суть вежливости: демонстрация солидарности и сохранение дистанции. Негативная вежливость, или, как предлагает называть ее Т.В. Ларина, «вежливость отдаления» [Ларина, 2009], в свою очередь, основана на речевом «самоограничении» коммуникантов, то есть выступает в качестве своеобразного инструмента для выражения формальности, сдержанности и дистанции между адресатом и адресантом.

С точки зрения лингвистики текст также может быть «невежливым», если он по стилю, по содержанию, по идее, отходит от текстовой нормы, что не устраивает читателя, ощущающего неуваже-

ние к себе со стороны автора. Однако нередко такие «невежливые» тексты становятся новаторскими зачинами, порождающими новые литературные направления. По Дж. Личу, «негативная вежливость», направленная на стремление избежать разногласий, более предпочтительна по сравнению с «положительной вежливостью», т.е. по поиском согласия. Модель Лича, хотя и ставит новые вопросы, все же помогает объяснить кросс-культурные вариации использования стратегий вежливости. Как отметили Браун и Левинсон, кросс-культурные вариации будут заключаться в той значимости, которая придается одной из максим по сравнению с другой. Так, например, Дж. Лич предполагает, что в японском языке *максима скромности* превалирует над *максимой согласия*, поскольку японские обычаи не позволяют согласиться с похвалой, которую о тебе высказывают другие. Т.о., негативная вежливость состоит в минимализации невежливых речевых актов, а позитивная — в усилении вежливых. Стратегии негативной вежливости следующие: 1. Подвергайте сомнению свои желания, возможности, выражайтесь косвенно. 2. Задавайте вопросы, смягчайте свои высказывания. 3. Предоставляйте возможность не совершать речевые акты, выражающие субъективную модальность, такие, как: I think, I find, I suppose. 4. Минимизируйте свои предположения о потребностях и желаниях адресата. 5. Будьте пессимистичны. Сомневайтесь в возможности выполнить действие.

В отличие от разговорного речевого акта, нарушение принципа сотрудничества (или принципа уместности) в художественном тексте не может быть случайным, оно не может быть вызвано нежеланием общаться: ведь художественный текст — это произведение, коммуникативная система, направленная на общение, в которой тщательно продуман каждый знак. «Попрашение» принципа сотрудничества входит в коммуникативное намерение автора. Отсюда выводимо общее требование, к которому могут быть сведены и коммуникативные постулаты П. Грайса, и принципы вежливости Дж. Лича, и модель Браун — Левинсона, и презумпция уместности Ц. Тодорова: «Делай все необходимое для достижения цели речевого взаимодействия, не делай ничего такого, что могло бы помешать этому взаимодействию, достижению этой цели» [Тодоров, 1983: 367]. Хотя основная доля ответственности за соблюдением коммуникативного принципа приходится на долю говорящего, определенные обязательства налагаются и на адресата, поскольку именно в случаях «проблемной ситуации» он, соблюдая названные принципы, должен стремиться к пониманию говорящего, даже в случае, когда

производимые им высказывания не сразу поддаются приемлемой адекватной интерпретации. Для того, чтобы избежать дефектного коммуникативного акта (дефектным признается коммуникативный акт, при котором конвенциональное значение высказывания отличается от смысла, вкладываемого в него отправителем-адресантом), адресат вынужден отправиться на поиск такого ракурса, который удовлетворит его информационную потребность в содержательной подтекстовой информации. Толчком к имплицативному поиску служит возникновение «проблемной ситуации» в языковой ткани текста, спровоцированное «смысловыми скважинами», «лакунами», «смысловыми зияниями», «структурными скандалами» и другими «отклонениями» от «нормы» текста, т.е., теоретически рассуждая, любым отступлением от общих принципов и ситуативных норм речи или языка. Таким образом, критериальными (прототипическими) признаками текста являются: неукоснительное соблюдение коммуникативных принципов сотрудничества Грайса; следование правилам системно-семантической организации текста (синтагматика и парадигматика), нормам коммуникативно-текстовой дистантности. В качестве единого критерия берется тип нарушаемого постулата сотрудничества с одной стороны, и тип системно-семантических отношений языковых знаков — с другой. В создании имплицатов участвуют все три типа системных отношений: синтагматический, парадигматический и гипердигматический (деривационный).

Ниже представлены обнаруженные связи и взаимозависимости, существующие между типом нарушаемого постулата и типом асимметрии между знаком и концептом, типом введения нового на синтагматической и парадигматической осях сообщаемого и типом асимметрии между ожидаемым и реализованным в тексте, а именно:

1. Нарушение синтагматических системных отношений в линейной цепи текста приводит к нарушению *постулата количества* и, как результат, к возникновению таких имплицатов, как *аллитерация, анафора, эпифора, рамка, параллелизм, хиазм, градация* и др. Такая взаимообусловленность логически оправдана: перечисленные имплицаты представляют собой стилистические приемы, основанные на различного рода повторах: а) фонетических (рифма, ритм, аллитерация), б) лексико-синтаксических (анафора, эпифора, рамка, параллелизм, хиазм), либо близких к повтору (градация, нарастание). С точки зрения информативности все они избыточны и нарушают постулат сотрудничества Грайса, гласящий: «делай свой вклад в речевое сообщение настолько информативным, насколько это

необходимо». Намеренное нагнетание одного и того же знака в речевой цепи, избыточное с точки зрения фактуальной информации, приводит к появлению имплицитной информации, побуждающей к новизне восприятия. Нарушение постулата количества приводит к асимметрии между модальностью диктума и модуса говорящего, изменяя соотношение между существующими в стандартном тезаурусе концептами, создавая скрытый, имплицитный уровень текста.

2. Нарушение коммуникативного *постулата качества* приводит к появлению в тексте импликатов, связанных с парадигматическими и гипердигматическими отношениями, с осью выбора, а не комбинаторики. К ним относятся *метафора, гипербола, мейозис*, а также *энантисемия, паронимическая аттракция, каламбур* и др. Эти импликаты представляют собой механизмы, посредством которых образуется реальность «возможных миров» литературы. С их непосредственной помощью происходит организация того качества восприятия, которого добивался автор.

Если постулаты качества и количества, а также возникающие при их нарушении импликаты достаточно хорошо изучены в лингвистической литературе, то на постулатах манеры и отношений, как наименее исследованных, следует остановиться подробнее.

3. Нарушение *постулата манеры* («говори последовательно, говори коротко, говори ясно») проявляется в художественном тексте на двух осях: а) на оси синтагматики — в плане нарушения когнитивного принципа иконичности, или «порядка упоминания». В сочетании с отклонением от коммуникативного постулата манеры это приводит к возникновению таких импликатов, как ретроспекция, проспекция, произвольная аранжировка смысловых блоков, импликация предшествования в начале повествования, открытая концовка и т.д.; б) на оси выбора (парадигматики) — в намеренном нарушении речевой категории прозрачности со стороны говорящего, приводящем к возникновению намеренной амбигуитивности, неоднозначности, так называемого «темного образа», либо к появлению импликатов, требующих у коммуниканта определенного фонового знания, лингвогносеологической компетенции для декодирования аллюзий, цитат, сентенций, декомпозиций и переосмысления фразеологических единиц, всех видов устойчивых образцов и прецедентных текстов, т.е. импликатов, апеллирующих к национальной памяти читателя, его ментально-этническому горизонту понимания.

4. Нарушение же *постулата отношений* на оси повествовательных инстанций текста как литературного коммуникативного акта

приводит к несовпадению коммуникативно-ролевых ожиданий, смене концептуализатора, сдвигу модальностей диктума и модуса.

Наиболее ярко это коммуникативно-ролевое несовпадение проявляется в явлении т.н. негативной вежливости в тексте/дискурсе, что не устраивает читателя, ощущающего под маской гипертрофированной вежливости и жалостливого сочувствия унизительное неуважение к себе со стороны автора. Особенно четко это прослеживается в ставшем чрезвычайно популярном явлении т.н. *политкорректности*. Как пишет П. Палажченко, мода началась с выражения *vertically challenged*, ставшего «политкорректным», т.е. негативно-вежливым синонимом слова *short* в значении низкорослый. Появились также политкорректные замены таких «неудобных» слов, как: *fat* — a person with alternative body image or big, differently sized; *boring* — differently interesting; *poor* — differently advantaged; *corrupt* — ethically different; *alcoholics* — persons with drink problems; *mentally subnormal* — not all there; *bold* — thin on the top, *old* — senior citizens; *criminals* — offenders; *butchers* — meat technologists; *undertakers* — funeral directors; *prostitutes* — sex workers; *dead* — metabolically changed [Палажченко, 2002]. Со временем эти выражения стали вызывать раздражение и переосмысливаться иронически. Эксперты уже составили словарь политкорректности, в который включены такие выражения, как: болтун — вербально одаренный; взятка — альтернативная зарплата; вор — человек с альтернативной экономической ориентацией; глухой — визуально ориентированный; длинноносый — назально одаренный; извращенец — человек с нестандартными биологическими потребностями; импотент — человек с альтернативной эрекцией; косоглазый — человек, имеющий разные точки зрения; лень — ограниченная потребность в труде; ложь — альтернативная версия фактов; мошенник — человек харизматической наружности; нищий — человек с ограниченными способностями к инвестированию; преступник — этически дезориентированный; старая дева — женщина, практикующая гетеросексуальное воздержание; тупой — лицо с индивидуальной скоростью восприятия знаний; урод — косметически иной, человек с альтернативной внешностью. Известный семиотик, писатель, культуролог У. Эко считает, что «политкорректность, появившаяся в Америке для того, чтобы защищать права подавляемых меньшинств, чтобы противостоять всякой расовой дискриминации, становится новым фундаментализмом. Любой фундаментализм, основанный на том, что Истина может существовать в одном-единственном виде, не обязательно нетерпим,

но, безусловно, рискует сделаться таковым, изгоняя из общества тех, кто отклоняется от «генеральной линии». Речь в данном случае не идет об уважении прав меньшинства, а, наоборот, — о защите большинства, или, скорее, о беспокойстве, как бы не создать меньшинства, обладающего преимуществами и не породить ситуацию опасной нетерпимости по отношению к каждому. С наступлением политкорректности свобода подвергается сомнению. Профессору английской литературы предлагается не делать курса по „Отелло“, потому что фигура мавра, ревнивца и убийцы, может оскорбить не западных студентов. Не говоря уже о „Венецианском купце“ — по той очевидной причине, что в этой трагедии Шекспир не свободен от бытового антисемитизма. Но мало того: прямо-таки нежелательно делать курс по Аристотелю, т.к. тем самым высказывается небрежение к философии какой-либо африканской народности. Это является такой же формой фанатизма и фундаментализма, как и та, что внушает, что только Аристотель — воплощение человеческого разума. Конечно, университету, как и всей образовательной системе, следует найти место всем точкам зрения. Но запрещать кому-либо говорить о Библии только потому, что такой дискурс исключает Коран, — это опасная форма нетерпимости, замаскированная под уважение к другим точкам зрения»¹.

Негативная вежливость в ее нынешнем унизительно-гипертрофированном воплощении в виде политкорректности все чаще воспринимается сейчас как способ отвлечения внимания от действительно насущных проблем, низводя их до анекдота. Так, известны случаи запрета на название «черный кофе» (!), вызвавшие резкую отповедь населения как «political correctness nonsense» [Thompson, 2003: 119].

Чрезмерное следование политкорректности может привести к такой нелепости, как «исправление» одной негативной вежливости на другую, еще более нелепую. В одном из детских садов Оксфорда педагоги обнаружили в стихотворении «Барашек» слово «черный»: «Ваа, baa, black sheep, have you any wool?» и, посчитав его непolitкорректным, заменили «black» на «rainbow» — «радужный». «Не знали оксфордские борцы за политкорректность, что слово rainbow — радужный — символ движения сексуальных меньшинств за свои права, и использование их пропаганды в детской книжке грех более тяжкий, чем слово black для обозначения расовой принадлежности»².

¹ Эко У. Нетерпимость к нетерпимости // “Esquire”, ноябрь 2006. С. 131–132.

² «Власть», № 10, 13 марта 2006.

Ярко проявляются нелепицы «негативной вежливости» не только в области расы или гендера человека, но и его возраста, который из биологического фактора переводится в фактор социальный: новые термины *senior citizens*, *elderly people* только подчеркивают намек на «past it» или «a burden to society». (Ср. в русском канцелярите замену термина «пенсионный возраст» на «негативно-вежливое»: «возраст доживаемости».)

Но нельзя впадать и в другую крайность, полностью отрицающая власть языка над людьми, то, что Э. Сэпир называл тиранией слова. Именно язык является тем посредником, который позволяет доминирующим группам общества ощущать свое превосходство и навязывать «негативно-вежливый» статус неполноценности, второсортности другим. Так, во время общественных дебатов в Британии о терминах «black people», «coloured people» и «people of colour», чернокожие англичане выбрали слово «black» в качестве политического термина для обозначения своей общности и отвергли термин «coloured» как искусственно навязываемый доминирующим большинством [Thompson, 2003]. «Словом можно убить, словом можно спасти, Словом можно полки за собой повести», — сказал поэт. Язык одновременно и отражает картину мира, и сам оказывает влияние на создание меняющихся ландшафтов этой картины. Поэтому и негативная вежливость должна быть облечена в позитивную и гуманную форму «linguistic sensitivity». Выбор правильного термина — всегда вопрос политический, и он действительно должен решаться как можно более корректно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б.* Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 270–321.
2. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М: Гнозис, 2002.
3. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
4. *Мукаржовский Я.* Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 406–431.
5. *Палажченко П.* Мой несистематический словарь (из записной книжки переводчика). 2-е изд., М.: Р. Валент, 2002.
6. *Тодоров Ц.* Семиотика литературы. Понятие литературы // Семиотика / Сост. и ред. Ю.С. Степанов. М.: Радуга, 1983. С. 350–369.
7. *Хаймс Д.* Этнография речи // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 42–95.
8. *Austin J.L.* How to Do Things with Words. London, 1986.

9. *Brown P., Levinson S.* Politeness: Some Universals in Language Use. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
10. *Dijk T.E. van.* Text and context: Explorations in the semantics and pragmatics of discourse. London and New York: Longman, 1988.
11. *Grice H.P.* Logic and Conversation // Syntax and semantics, vol. 3: Speech Acts, P. Cole and J. L. Morgan (eds.); N.Y., 1985. Pp. 41–58.
12. *Leech G.* Semantics. Ed. by D. Crystal. London, 1977.
13. *Searle J.R.* Les actes de langage. Paris, 1972.
14. *Thompson N.* Communication in Nation. London: Palgrave Macmillan, 2003.

Galina G. Molchanova

COMMUNICATIVE COOPERATION PRINCIPLES AND NEGATIVE POLITENESS MAXIMA — CONDITIO SINE QUA NON OF LITERARY TEXT/DISOURSE

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dean@fl.msu.ru

Abstract. The paper is devoted to a topical issue of the communicative P. Grice’s cooperation principles and J. Leach’s politeness maxima. The research is based on the theory of cooperation and politeness combined with the strategic approach to the study of communicative and pragmatic characteristics of the literary text/discourse. The subject of the analysis is the strategy of differentiation the “positive politeness” and “negative politeness” phenomena. The result of the study is the implementation of the negative politeness strategy in the modern literary text/discourse. It is carried out through specific speech tactics (such as compliance with speech formalities and communicative distance; deliberate uncertainty and vagueness of statements; contrasting of speaker’s achievements to his opponent’s negative expectations; demonstration of success in fulfilling the promises; self-presentation.) One of these negative politeness tactics is considered to be so called “political correctness.” The author comes to the conclusion that the implementation of this type of negative politeness strategy is not carried out properly. The results of the study can be used and applied in the search of the specific language tools that allow to convey literary text/discourse effectively.

Keywords: cooperation principles, politeness strategy, negative politeness; positive politeness; political correctness, speech tactics

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Molchanova G.G. (2026) Communicative cooperation and negative politeness maxima — condicio sine qua non of literary text/discourse. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(29), pp. 9–24. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-1 (In Russ.)

About the author: Galina G. Molchanova — Dr. Habil. in Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Dean of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; dean@fl.msu.ru

REFERENCES

1. Clark H.H., Carlson Th.B. 1986. Slushayushchie i rechevoi akt [Speech acts and hearers' belief]. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress, vol. 17, pp. 270–321. (In Russ.)
2. Karasik V.I. 2002. *Yazyk sotsial'nogo statusa* [Language of social status]. Moscow, Gnosis. (In Russ.)
3. Larina T.V. 2009. *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [Category of politeness and communication style: comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. (In Russ.)
4. Mukarzhovskii Ya. 1967. Literaturnyi yazyk i poeticheskii yazyk [Literary language and poetic language]. In *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok* [Prague linguistic circle]. Moscow, Progress, pp. 406–431. (In Russ.)
5. Palazhchenko P. 2002. *Moi nesistematicheskii slovar' (iz zapisnoi knizhki perevodchika)* [My unsystematic dictionary (excerpts from a translator's notebook)]. 2nd Edition. Moscow, R. Valent. (In Russ.)
6. Todorov Tz. 1983. Semiotika literatury. Ponyatie literatury [Semiotics of literature. Notion of literature]. In Stepanov Yu.S. (ed.). *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Raduga, pp. 350–369. (In Russ.)
7. Hymes D. 1975. Etnografiya rechi [Ethnography of speech]. In *Novoe v lingvistike. Vyp. 7. Sotsiolingvistika* [New in linguistics. Vol. 7. Sociolinguistics]. Moscow, Progress, pp. 42–95. (In Russ.)
8. Austin J.L. 1986. *How to Do Things with Words*. London.
9. Brown P., Levinson S. 1987. *Politeness: Some Universals in Language Use*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Dijk T.E. van. 1977. *Text and context: Explorations in the semantics and pragmatics of discourse*. London and New York: Longman.
11. Grice H.P. 1985. Logic and Conversation. In Cole P., Morgan J.L. (eds.) *Syntax and semantics, vol. 3: Speech Acts*, N.Y., pp. 41–58.
12. Leech G. 1977. *Semantics*. D. Crystal (ed.). London.
13. Searle J.R. 1972. *Les actes de langage*. Paris.
14. Thompson N. 2003. *Communication in Nation*. London, Palgrave Macmillan.

Статья поступила в редакцию 02.11.2025;
одобрена после рецензирования 08.12.2025;
принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 02.11.2025;
approved after reviewing 08.12.2025;
accepted for publication 15.12.2025.

С.С. Грецкая

ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ И КОНСТРУИРОВАНИЕ СМЕШАННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; gnole_fungle@mail.ru

Аннотация. В предлагаемой работе на материале романа «Беда» («Wahala», 2022) англо-нигерийской писательницы Н. Мэй анализируется актуализация в художественном тексте ряда этноспецифических концептов, позволяющих автору продемонстрировать формирование идентичности героинь бирасового происхождения по гипо-, гипер- и нормальной траекториям.

В фокусе внимания настоящего исследования находится конструирование смешанной идентичности персонажей, которые осознают свою культурную гибридность, но по-разному позиционируют себя в её русле. Под позитивной (нормальной) смешанной идентичностью в работе понимается оптимальный баланс толерантности по отношению к своей и иным этническим группам. Осознанное профилирование и намеренное нивелирование значимости культуры одного из родителей при неизменном соотношении себя с группой представителей смешанной расы рассматриваются в данном исследовании как проявление гипер- и гипоетничности в рамках смешанной идентичности соответственно.

В результате анализа функционирования в романе «Беда» Н. Мэй таких концептов, как WAHALA, AFRO, ASO EBI, делается вывод о том, что они позволяют автору следующим образом представить развитие смешанной идентичности бирасовых героинь: гипоетническая траектория проявляется в максимальном дистанцировании личностью себя от афрополовины своей идентичности; гиперэтническая валентность связана с преувеличением значимости афрополовины смешанной идентичности; конструирование же смешанной идентичности по нормальной траектории связано с подчёркиванием морально-этических установок представителей своей группы и готовностью судить о людях на основании не их происхождения, а личных качеств и заслуг.

Грецкая Софья Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; gnole_fungle@mail.ru

Ключевые слова: этноспецифический концепт; актуализация концепта в художественном тексте; смешанная идентичность; гибридная идентичность; нормальная этническая идентичность; гиперэтничность; гипоэтничность; конструирование идентичности в художественном тексте

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-2

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Грецкая С.С. Этноспецифические концепты и конструирование смешанной идентичности в художественном тексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 1. С. 25–36. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-2

Позади четверть XXI века, и в современном мире не вызывает удивления не только многообразие культур как таковое, но и различные способы взаимодействия между их представителями. Начало серьёзного научного освещения проблем, связанных с идентичностью выходцев из межрасовых семей, возводят к исследованиям в области психологии и социологии 70-х годов XX века [Brunsma, Rockquemore, 2001]. Обращение к достижениям лингвистики и лингвокультурологии в рамках изучения идентичности, в том числе культурной, тоже имеет свою историю [Енина, 2010] и отличается разнообразием ракурсов и приёмов, среди которых составление речевого портрета и изучение языковой личности представителей той или иной национальной и/или профессиональной группы [см., например, Седых, Бузинова, 2019; Мучкина и др., 2018.]; изучение «мотивов, устойчиво повторяющихся в значении <...> лексических единиц» [Шмелев, 2002: 17], являющихся специфичными для видения мира представителями конкретной культуры; «форс-слов», то есть образующих референтные сети исторически изменчивых лексем, отражающих культуру и ценности коллектива, обладающих эмоциональной силой [Загрязкина, 2024: 108]; исследование вербализации базовых представлений разных народов о жизни, в том числе в сопоставительном ракурсе [см., например, Доу Чуньяо, 2022] и т.п. Отдельно следует отметить изучение наполнения этноспецифических концептов, актуальных для того или иного народа (здесь нельзя не упомянуть ставшие классикой работы Ю.С. Степанова [Степанов, 1997] и А. Вежбицкой [Wierzbicka, 1997]), и их функционирования в мультикультурных художественных текстах, что позволяет составить представление

не только о мировидении и мироощущении представителей определённой культуры, но и о том, как подобные ментальные образования позволяют автору осмысливать и транслировать в тексте и посредством текста свою культурную и личностную идентичность [Грецкая, 2024].

В рамках данной работы через призму актуализируемых в художественном произведении этноспецифических концептов рассматривается конструирование культурной идентичности бирасовых персонажей по трём траекториям: гипо-, гипер- и нормальной. Цель настоящего исследования — продемонстрировать эффективность использования автором художественного текста одних и тех же этноспецифических концептов для высвечивания различных видов валентности смешанной культурной идентичности героинь.

Как известно, взаимодействие с представителями своей и иных этнических групп включает «оценочный аспект, аффективная сторона которого привносит неадекватность соотносённости в сторону как гиперболизации (преувеличения), так и литотизации (преуменьшения)» [Хотинец, 2002: 57]. Отсюда различные формы этнической идентичности. Под нормальной (позитивной) этнической идентичностью, способствующей мирному межкультурному взаимодействию в полиэтническом мире, в этнической и кросс-культурной психологии понимается положительное отношение к своей группе в совокупности с высокой толерантностью к иным группам и готовностью к межэтническим контактам [Солдатова, 1998]; под гипозтничностью — негативное эмоционально-оценочное отношение к ингруппе при позитивном отношении к аутгруппе, которое может проявляться как в избегании демонстрации своей принадлежности к определённому народу, так и в полном отрицании феномена этничности как такового; в то время как под гиперэтнической идентичностью подразумевается этническая идентичность, характеризующаяся сверхпозитивным эмоционально-оценочным отношением к ингруппе и крайне негативным — к аутгруппе [Хотинец, 2002]. Применительно к смешанной ввиду бирасовости этнической идентичности индивидов мы будем говорить о нормальной траектории развития этнической идентичности, имея в виду не критичное предпочтение по отношению к собственной группе и положительное восприятие представителей культур обоих родителей. Под гипер- и гипозтничностью в контексте смешанной идентичности будут иметься в виду намеренное высвечивание и нарочитое затушёвывание культуры одного из родителей при осознании своей связи одновременно с двумя культурами.

В качестве материала данного исследования был использован опубликованный в 2022 году роман «Беда» (“Wahala”)¹ англо-нигерийской писательницы Н. Мэй (N. May). Бирасовость и опыт функционирования в двух культурах (автор родилась в Бристоле, но выросла в Лагосе и переехала жить и работать в Великобританию в двадцатилетнем возрасте) позволяют Н. Мэй реалистично представлять в своём творчестве разные варианты осмысления и конструирования смешанной идентичности. Сюжет выбранного для работы романа построен вокруг трёх принадлежащих к смешанной расе подруг, Симисолы (Сими), Ронке и Буколы (Бу), чьи отцы — нигерийцы, а матери — британки. Женщины проживают в Лондоне, дружат со студенческих лет, проведённых в Бристоле, и, отдавая себе отчёт в собственной культурной гибридности, по-разному воспринимают и позиционируют себя в её русле.

Рассмотрим, как актуализация в романе «Беда» Н. Мэй ряда этноспецифических концептов позволяет автору конструировать смешанную культурную идентичность главных героинь. В произведении таких концептов немало, поэтому, имея в виду ограничения, накладываемые требованиями к объёму статьи, остановимся на наиболее ярких, на наш взгляд, примерах.

Первый этноспецифический концепт, заслуживающий внимания, очень важен для различных культур Нигерии. Его имя, вынесенное в заглавие романа, — “wahala”. Данный вербализатор является принадлежностью нигерийского пиджина (найджа) и, согласно Оксфордскому словарю английского языка, используется в англоязычных текстах, начиная с 60-х годов XX века (в связи с появлением произведений Чинуа Ачебе, Воле Шойинки и других деятелей нигерийской литературы)². Происхождение данной лексемы возводят то к языку йоруба, то к хауса, то к арабскому. Последней точки зрения придерживается сама Н. Мэй, связывающая её с арабским обозначением страха и ужаса³. Концепт с именем “wahala” покрывает целый комплекс трудностей, проблем, хлопот, с которыми на регулярной основе сталкивается в жизни любой человек. Как отмечает в своих интервью автор выбранного для исследования романа, вербализатор “wahala” в Западной Африке можно услышать повсеместно как

---

¹ *May N. Wahala. E-book ed. Transworld, 2022.*

² URL: https://www.oed.com/dictionary/wahala_n?tl=true&tab=meaning_and_use (accessed: 01.11.2025).

³ *May N. Nikki May Shares the Cultural Significance of Her Book Title ‘Wahala’ // Novel Suspects. URL: <https://www.novelsuspects.com/author-essay/nikki-may/>* (accessed: 01.11.2025).

минимум десять раз в день, причём произносят его со стоном или тяжёлым вздохом, сопровождают покачиванием головы. Н. Мэй намеренно осыпает своих героинь сложностями, с которыми им приходится справляться, но, что примечательно, делает это не для того, чтобы показать личную драму каждой из них, а с тем, чтобы дать читателю надежду, уверить в том, что препятствия преодолимы и люди действительно могут помочь друг другу на жизненном пути. Произведение позиционируется писательницей как лёгкое чтение для ценителей юмора, сюжетов о женской дружбе, интересующихся нигерийской культурой и кухней, в частности, влюблённых в Лондон, а также просто представительниц смешанной расы, которые смогут хотя бы частично увидеть себя в персонажах. Концепт WAHALA как фрагмент идиоконцептосферы писательницы запускает сосредоточенное осмысление Сими, Ронке и Бу их личностной и культурной идентичности.

Следующий этноспецифический концепт, который служит как бы лакмусовой бумажкой для одной из героинь — Буколы — в части осмысления ею своей смешанной идентичности, — это концепт AFRO. Имя рассматриваемого концепта в авторитетных лексикографических источниках трактуется как разновидность причёски, в особенности у представителей негроидной расы, отличающейся округлой формой, напоминающей шлем или облако благодаря мелким упругим завиткам: “a style for curly hair, particularly Black people’s hair, in which it is allowed to grow naturally into a thick, rounded shape”⁴; “a hair style originating with Black persons, in which the hair grows out in a full, rounded shape”⁵. Примечательно, что в соответствии со словарными дефинициями, форма афропричёски обусловлена природными особенностями структуры волос и тем, что на них не оказывается никакое воздействие, однако на практике под афрокудрями понимаются разнообразные манипуляции с волосами вплоть до наращивания искусственных прядей на каркас⁶. Так, Бу, подстрекаемая новоиспечённой подругой, а на деле немезидой Исо, решает внести разнообразие в утомившую её своей рутинностью жизнь домохозяйки и наряду с маникюром, обновлением гардероба и ре-

---

⁴ URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/afro> (accessed: 01.11.2025).

⁵ URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/afro> (accessed: 01.11.2025).

⁶ *Irvine M.* The Afro Strikes Back // FoxNews.Com, 2002. URL: <https://web.archive.org/web/20110528174334/http://www.foxnews.com/story/0,2933,47473,00.html> (accessed: 01.11.2025).

шением принять ухаживания начальника выбирает причёску афрокудри. Данный шаг она оценивает как рискованный, потенциально опасный для её репутации на работе («Was an Afro professional?»), но при этом освобождающий, дающий ей возможность переосмыслить свою женственность и привлекательность («Jumpsuit. New red heels (not Simi high, but high enough for Boo). Red shiny nails. And massive Afro. The old dull Boo had been sloughed off. This was new cool Boo. No, new hot Boo. Confident and in control.»⁷).

Решение Буколы нарастить афрокудри подружки воспринимают исключительно как причуду (сумасшедшую афропричёску — «the bonkers Afro»⁸, почти карикатурный образ в духе фильмов жанра блэксплотейшн — «she was set on a full-on blaxploitation/Pam Grier/Foxy Cleopatra Afro. Ronke wondered if Boo would shave off her eyebrows if Isobel suggested it.»⁹), а не как стремление подчеркнуть свою связь с культурой отца. Поскольку нигериец оставил мать Бу еще до её рождения, она привыкла считать, что из-за него лишена половины культурной идентичности, в связи с чем на вопросы о происхождении родных с негодованием всегда отвечает, что они из Йоркшира, чем вводит в недоумение малознакомых людей («‘Where are your people from, Miss Boo?’ ‘My people are from Yorkshire,’ snapped Boo.»¹⁰). Через некоторое время осознав этическую недопустимость тех поступков, которые совершила под воздействием эмоций и под влиянием Исо, Бу начинает испытывать угрызения совести, которые усугубляют ощущения от непривычной афропричёски: «Boo reached for her ponytail and felt frizz instead. <...> Her Afro felt heavy; it was weighing her down.»¹¹; «She made it back to their start at the outdoor gym long before Isobel, where she patted her Afro as she stretched — the sweat made it itchier, if that was possible. She couldn’t wait to get rid of it. Boo couldn’t believe people kept a weave in for months.»¹²; «She’d got rid of the dreadful Afro and was back in her leather mini.»¹³. Невзирая на очевидные для неё самой и окружающих внешние данные и опыт многолетнего пребывания в привычной афропейской компании подруг, после травматичного опыта в образе роковой афрокрасавицы она сильнее акцентирует дистанцию между собой и нигерийской культурой, так как последняя теперь связана в её сознании

⁷ May N. Wahala. E-book ed. Transworld, 2022. Chapter 11.

⁸ Ibid. Chapter 12.

⁹ Ibid. Chapter 10.

¹⁰ Ibid. Chapter 20.

¹¹ Ibid. Chapter 11.

¹² Ibid. Chapter 17.

¹³ Ibid. Chapter 18.

не только с действиями отца, но и с собственным неподобающим поведением. Она осознанно вычёркивает афрополовину из своей афропейскости.

Далее следует уделить внимание концепту ASO EBI. Ключевые слова «aso ebi» происходят из языка йоруба — буквально «семейное полотно», однако концепт актуален на всей территории Нигерии. Имеется в виду одежда из одинаковой ткани, которую специально шьют для важных, часто семейных мероприятий. Виновник торжества или хозяин вечеринки заранее выбирает полотно и уведомляет близких и друзей, чтобы все важные для него люди успели подготовиться¹⁴. Ашо эби маркирует принадлежность к группе («The *aso ebi* be like entry ticket — it shows you belong.»¹⁵), например, подчёркивает тесную связь между её членами, помогает различить сторону жениха и сторону невесты на свадьбе, выделяет наиболее значимых для хозяина мероприятия гостей.

В романе «Беда» героини оказываются приглашены на грандиозное празднество — «owambe» — по случаю шестнадцатилетия племянницы Исо. Исобель знает о предубеждении Ронке по отношению к себе, а также о трепетном отношении героини к нигерийской кухне и традициям (которое органично вытекает из тесного общения и прочных отношений Ронке с её тетушкой), поэтому успешно приманивает её тем, что организуемое мероприятие обязательно будет соответствовать нигерийской традиции: «‘And you’ll love this, Ronke — there’s *aso ebi*.’ <...> ‘Oh my God! I haven’t worn *aso ebi* for years. Not since Aunty K’s sixtieth.’ <...> ‘It’s like a uniform. So, say it’s a wedding, the bride’s family are all in one fabric and the groom’s in another. Cloth is *aso*, family is *ebi*. Family cloth. Get it? You make it into whatever you want — so everyone looks different but the same.’»¹⁶. Ронке наслаждается не только возможностью надеть одежду традиционного фасона, но и поучаствовать в мероприятии, которое максимально вписано в систему координат культуры, частью которой ей очень приятно быть. Хотя мысль о безусловном превосходстве нигерийской культуры над прочими не застилает ей глаза, её развлекает некомфортная ситуация, в которой оказалась гостя, не одетая в ашо эби: «One lift was reserved for *aso ebi* wearers. Ronke gave the long queue of ‘not so important’ guests a sheepish smile. They glared back. <...> Ronke mouthed a ‘sorry’ at the poor woman as they

---

¹⁴ Okoye S. Aso Ebi — A Lesson on Identity // CBN Africa. 2018. URL: https://cbnafrica.org/nigeria-fr/2018/09/aso_ebi/ (accessed: 01.11.2025).

¹⁵ May N. Wahala. E-book ed. Transworld, 2022. Chapter 20.

¹⁶ Ibid. Chapter 18.

were ushered past. She felt bad but couldn't help being amused. It wasn't a proper Nigerian party if someone didn't play the *Do you know who I am?* card. <...> It's the *aso ebi* — anyone wearing it must be close to the family.»¹⁷. Героиню прельщает не перспектива выпить бокал дорогого шампанского в мезонине для гостей категории VIP, а возможность провести время там, где подают блюда нигерийской кухни. Налицо ярко выраженное предпочтение по отношению к культуре отца, которое подчёркивается лёгкостью, с которой Ронке переключается на пиджин при общении с нигерийцами или как минимум начинает говорить с акцентом: «Her accent had become Nigerian. Her voice louder, her syntax altered. It always happened when she was with Auntie K.»¹⁸, а также неизменный выбор (невзирая на опасения и предостережения подруг) в качестве партнера для романтических отношений мужчины негроидной расы.

В отношении Симисолы концепты ASO EBI и AFRO функционируют несколько иначе: когда они входят в её жизнь, проявляются не вполне отчётливо осознаваемые предпочтения по отношению к одной или другой из двух культур, частью которых она технически является как дочь нигерийца и англичанки. Например, узнав о намерении Бу носить афрокудри, Сими снисходительно списывает его на дурное влияние новой подружки — Исо — и вспоминает, как в её жизни наступил и естественным образом завершился этап афропричёски. Она с юных лет следит за модными трендами, меняя образы, акцентируя разные аспекты своей внешности, иногда даже нарочито, на взгляд подруг, однако именно в этом состоит её индивидуальность. Так, Симисола думает, что выглядела весьма эффектно с афрокудрами в подростковом возрасте, однако эта стадия её юности сменилась следующей, озаглавленной использованием выпрямителя для волос, а сейчас, когда ей немногим больше тридцати лет, она работает в сфере моды и носит актуальную стрижку прямой боб: «Simi ran her fingers through her poker-straight bob. She'd rocked an Afro when she was fourteen, before she'd discovered GHD straighteners.»¹⁹. На данном этапе жизни для героини намного важнее социальный статус и признание в профессии, чем наличие или отсутствие ярлыка, связанного с её расовой принадлежностью, поэтому её глубоко задевают случаи завуалированной дискриминации на рабочем месте — когда Сими слышит эвфемизирующие её происхождение лексемы «urban» и «ethnic» из уст начальницы:

---

¹⁷ Ibid. Chapter 22.

¹⁸ Ibid. Chapter 4.

¹⁹ Ibid. Chapter 12.

«I knew Simi was right for this. This brand was crying out for her urban vibe.’ *Urban* was her way of saying black. Simi had downed her champagne through gritted teeth. She wanted to win because she was good — smart, creative, persuasive — not because she was black.»²⁰; «Because according to QB, Simi’s urban (black) roots made her a shoo-in for the Chitrita Phaishan launch. <...> ‘I don’t know anything about Indian fashion,’ said Simi. ‘It’s ethnic. Right up your street,’ QB said breezily.»²¹.

Ашо эби для Симисолы — признак не ценности нигерийской культуры как части её культурной идентичности, а статуса — на вечеринке в честь человека, в реальности никак с ней не связанного, в платье в стиле Лупиты Нионго из ткани ашо эби она комфортно чувствует себя в зоне для очень важных гостей, наслаждается отдыхом и дорогим алкоголем: «Simi reached for a glass of champagne, downed it in one and picked up another. ‘Cristal,’ she announced. ‘Downstairs it was prosecco. Equality is a foreign concept in Nigeria.’ <...> ‘You go,’ said Simi. ‘Boo and I are quite happy being segregated.’»²². Ей удобно в роли женщины смешанной расы в Великобритании, поскольку тандем культур своих родителей она воспринимает как маркер принадлежности к группе, у представителей которой не может быть склонности к расистскому поведению, поскольку их идентичность по умолчанию гибридна. Отсюда нотка превосходства, пронизывающая ощущения Сими в связи с осознанием своей принадлежности к этой группе («It was natural — you had an affinity, a bond — there was nothing prejudiced about it. Simi believed it was impossible to be racist if you were mixed. The more of us the better.»²³).

Таким образом, этноспецифические концепты, актуализируемые в художественном тексте, позволяют автору высвечивать валентность культурной идентичности героинь англо-нигерийского происхождения: развитие смешанной идентичности по гипоэтнической траектории в их случае проявляется в максимальном дистанцировании личностью себя от афрополовины своей идентичности; гиперэтническая валентность связана с преувеличенно трепетным отношением к афрополовине смешанной идентичности; конструирование и поддержание смешанной идентичности по нормальной траектории проявляется в осознании и демонстрации не критичного предпочтения по отношению к собственной группе — бирасовых женщин — на основании присущих её членам морально-этических установок.

---

²⁰ Ibid. Chapter 6.

²¹ Ibid. Chapter 15.

²² Ibid. Chapter 22.

²³ Ibid. Chapter 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грецкая С.С. Когнитивно-матричный анализ в контексте изучения культурной идентичности автора художественного текста (на материале романа М. Портер “A Grandmother Begins the Story”) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 2. С. 125–138.
2. Доу Чуньяо. Лексические средства вербализации возраста человека в русской и китайской картинах мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 131–137.
3. Енина Л.В. Идентичность в лингвистических исследованиях: когнитивный подход // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 4 (81). С. 162–168.
4. Загряжкина Т.Ю. Аспекты культурной идентичности французов сквозь призму языка (на примере лексем *pays-paysage-terroir-village*) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 106–123.
5. Мучкина Е.С., Битнер М.А., Немчинова Н.В., Цыкина А.О. Речевой портрет американского ученого-антрополога: фонетические характеристики // Современные исследования социальных проблем. 2018. № 10 (4). С. 109–122.
6. Седых А.П., Бузинова Л.М. Французская языковая личность: Академический и хроматический дискурс. М.: Ленанд, 2019.
7. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997.
9. Хотиниц В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
10. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.
11. Brunstma D.L., Rockquemore K.A. The New Color Complex: Appearances and Biracial Identity // Identity: An International Journal of Theory and Research. 2001. 3(1). Pp. 29–52.
12. Wierzbicka A. Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Sof’ya S. Gretskaya

ETHNOSPECIFIC CONCEPTS AND MIXED IDENTITY CONSTRUCTION IN FICTION

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; gnole_fungle@mail.ru

Abstract. The present paper explores WAHALA, AFRO and ASO EBI as ethnospecific concepts which operate in the novel “Wahala” by N. May, an Anglo-Nigerian writer, and allow her to depict identity construction in biracial female characters along the normal, hyperethnic and hypoethnic trajectories.

The type of hybrid identity constructed by a mixed-race person is a function of one's perception of their own group and other groups. An optimum level of tolerance towards one's group and other ethnicities is referred to as normal identity among mixed individuals within the framework of this research. Hyperethnicity manifests itself in hybrid identity through foregrounding one of the cultures of one's parents, whereas eliminating a culture as unimportant compared to the other one is a marker of hypoethnicity.

The results obtained through a study of the abovementioned concepts as represented in N. May's novel show that the protagonists' mixed identity develops along the hypoethnic trajectory when they reject the African half of their hybrid self. Hyperethnicity develops alongside giving more prominence to that very part of their cultural identity. Normal hybrid identity in its turn is constructed due to emphasizing the moral anchors of one's mixed-race group and putting their personal qualities and deeds before their roots.

Keywords: ethnospecific concept; concept as actualized in fiction; mixed identity; hybrid identity; normal ethnic identity; hyperethnicity; hypoethnicity; identity construction in fiction

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

For citation: Gretskaya S.S. (2026) Ethnospecific concepts and mixed identity construction in fiction. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(29), pp. 25–36. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-2 (In Russ.)

About the author: Sof'ya S. Gretskaya — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; gnole_fungle@mail.ru

REFERENCES

1. Gretskaya S.S. 2024. Kognitivno-matrichnyi analiz v kontekste izucheniya kul'turnoi identichnosti avtora khudozhestvennogo teksta (na materiale romana M. Porter "A Grandmother Begins the Story") [Cognitive-matrix Analysis as a Tool for Exploring Cultural Identity of a Fiction Author: a Study of M. Porter's "A Grandmother Begins the Story"]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 2, pp. 125–138. (In Russ.)
2. Dou Chunyao. 2022. Leksicheskie sredstva verbalizatsii vozrasta cheloveka v russkoi i kitaiskoi kartinakh mira [Lexical Means of Verbalization of Human Age in Russian and Chinese Worldviews]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 131–137. (In Russ.)
3. Enina L.V. 2010. Identichnost' v lingvisticheskikh issledovaniyakh: kognitivnyi podkhod [Identity in Linguistic Research: a Cognitive Approach]. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, no. 4 (81), pp. 162–168. (In Russ.)

4. Zagryazkina T.Yu. 2024. Aspekty kul'turnoi identichnosti frantsuzov skvoz' prizmu yazyka (na primere leksem pays-paysage-terroir-village) [Cultural Identity of the French through the Prism of Language, as Exemplified by the Lexemes Pays-Paysage-Terroir-Village]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1, pp. 106–123. (In Russ.)
5. Muchkina E.S., Bitner M.A., Nemchinova N.V., Tsykina A.O. 2018. Rechevoi portret amerikanskogo uchenogo-antropologa: foneticheskie kharakteristiki [Speech Particularities of American Anthropologists: Focus on Phonetics]. *Russian Journal of Humanities*, vol. 10, no. 4, pp. 109–122. (In Russ.)
6. Sedykh A.P., Buzinova L.M. 2019. *Frantsuzskaya yazykovaya lichnost': Akademicheskii i khromaticheskii diskurs* [French Language Personality: Academic and Chromatic Discourse]. M., Lenand. (In Russ.)
7. Soldatova G.U. 1998. *Psikhologiya mezhetnicheskoi napryazhennosti* [Psychology of Interethnic Tension]. M., Smysl. (In Russ.)
8. Stepanov Yu.S. 1997. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury*. [Constants: A Dictionary of Russian Culture]. M., Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)
9. Khotinets V.Yu. 2002. *Etnicheskaya identichnost' i tolerantnost'* [Ethnic Identity and Tolerance]. Ekaterinburg, Ural University Press. (In Russ.)
10. Shmelev A.D. 2002. *Russkaya yazykovaya model' mira: Materialy k slovaryu* [Russian Language Model of the World: Towards a Dictionary]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
11. Brunnsma D.L., Rockquemore K.A. 2001. The New Color Complex: Appearances and Biracial Identity. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, no. 3(1), pp. 29–52.
12. Wierzbicka A. 1997. *Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford: Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 06.11.2025;
 одобрена после рецензирования 08.12.2025;
 принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 06.11.2025;
 approved after reviewing 08.12.2025;
 accepted for publication 15.12.2025.

Д.В. Козловский

ЯЗЫКОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия; kozlovskydv@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию модусной категории эвиденциальности в медиадискурсе с применением метода языкового моделирования. Основное внимание уделяется построению нейросетевой языковой модели, позволяющей предсказывать развитие эвиденциальных высказываний (ЭВ) в соответствии с коммуникативными целями автора или субъекта коммуникации. Обращение к лингвосинергетическому подходу позволило разграничить базовую и добавочную эвиденциальную семантику, а также описать взаимосвязь эвиденциальности с другими модусными категориями, такими как авторизация, аппроксимация, восприятие, модальность, отрицание, оценочность, персональность, персуазивность, экспрессивность, эмотивность и темпоральность. Исследование опирается на корпус англоязычного медиадискурса (BNC), размеченный в соответствии с фазовой структурой ЭВ. Выявленные в результате проведения комбинаторного анализа типовые сочетания модусных категорий легли в основу обучения языковой модели, способной прогнозировать модусное развитие высказываний в дискурсивном контексте и эффективно распознавать как эксплицитные, так и имплицитные случаи эвиденциальности. Полученные результаты подтверждают эффективность применения метода языкового моделирования в задачах распознавания, описания и интерпретации полимодальной семантики, а также подчеркивают перспективность нейросетевых методов в лингвистическом анализе сложных дискурсивных структур. Предложенная методика может быть использована при разработке систем автоматизированной лингвистической экспертизы медиатекстов, включая обнаружение манипулятивных стратегий.

Ключевые слова: эвиденциальность, модусные категории, медиадискурс, языковое моделирование, лингвосинергетика, искусственный интеллект, проффаза, эпифаза, синергетическая модель

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-3

Козловский Дмитрий Валентинович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и переводоведения института иностранных языков МГПУ; kozlovskydv@yandex.ru

© Козловский Д.В., 2026

Для цитирования: Козловский Д.В. Языковое моделирование эвиденциальной семантики в медиадискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 1. С. 37–49. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-3

Эвиденциальность — это языковая категория, обозначающая источник информации и степень осведомленности субъекта коммуникации о передаваемых сведениях. Эвиденциальность позволяет выразить, каким образом говорящий получил информацию о событии: являлся его непосредственным свидетелем, услышал о нем от других лиц, сделал выводы на основе косвенных признаков или получил сведения из другого источника [Aihenvald, 2018: 150; Brugman, Macaulay, 2015: 202]. Категория эвиденциальности занимает важное место в современных лингвистических исследованиях. Особое внимание уделяется изучению ее функционирования в медиадискурсе, где она выступает инструментом формирования доверия, манипуляции и убеждения. В медийных текстах используются различные типы эвиденциальных маркеров — от прямых указаний на источник информации до косвенных формулировок, позволяющих автору явно или скрыто обозначать источник с целью оказания определенного воздействия на адресата [Семенова, 2020: 123; Lin, Aolan, Zhu, Miao, 2025: 49]. В условиях цифровизации медиaprостранства возрастает значимость как эксплицитной, так и имплицитной эвиденциальности, особенно в кризисных ситуациях (например, в контексте пандемии *COVID-19*), где отбор и подача информации напрямую влияют на восприятие достоверности и степень убежденности аудитории в обоснованности транслируемых выводов и оценок [Козловский, 2022: 29; Тарева, 2022: 5].

В целом, репрезентация эвиденциальности в медиадискурсе отличается высокой степенью вариативности, что делает традиционные методы лингвистического анализа (структурные, описательные, сравнительно-исторические) недостаточными для ее всестороннего описания [Сулейманова, 2004]. Это обуславливает необходимость применения нейросетевых методов, способных выявлять скрытые паттерны и корреляции в больших объемах текстовых данных, учитывать прагматические и дискурсивные особенности употребления эвиденциальных маркеров, а также адаптироваться к типовым, жанровым и стилистическим особенностям медиатекстов. Исследование модусной категории эвиденциальности с применением нейросетевых методов связано с задачей моделирования и прогнозирования специфики формирования эвиденциальных высказываний

(ЭВ) (дискурсивных единиц в структуре которых обнаруживаются модусная и диктумная части), а также выявления скрытых смысловых связей между модусными категориями в сложном и полимодальном пространстве медиадискурса [Козловский, 2023; Shao, Dou, Pan, 2024]. Одним из наиболее перспективных инструментов в данном контексте выступает языковое моделирование (*Language Modeling*) — метод, составляющий основу современных нейросетевых архитектур обработки естественного языка. Языковое моделирование позволяет формировать вероятностные представления о структуре и содержании медиатекстов, а также выявлять типичные и атипичные паттерны употребления различных языковых единиц, включая маркеры эвиденциальности [Goldberg, 2017].

Современные исследования (С.В. Иванова, Г.Ш. Хакимова [Иванова, Хакимова, 2024], О.А. Кобрина [Кобрина, 2021], З.З. Чанышева [Чанышева, 2016] и др.) заложили основы описания эвиденциальности как модусной категории. Вместе с тем остаются недостаточно формализованными процессы синергетического сцепления эвиденциальности с другими модусами, ее фазовая динамика и возможности автоматической интерпретации в медиадискурсе.

Настоящая статья направлена на восполнение данного пробела. Целью исследования является моделирование фазовой структуры эвиденциальных высказываний (ЭВ) и прогнозирование специфики их модусного развертывания на основе языкового моделирования в рамках лингвосинергетического подхода. Выбранный лингвосинергетический ракурс анализа позволяет рассматривать ЭВ как динамическую семантическую систему, актуализирующуюся в пространстве медиадискурса в соответствии с базовыми лингвосинергетическими принципами взаимодополнения, взаимопроникновения и самоорганизации [Пономаренко, 2022; Khranchenko, 2023]. Принцип взаимодополнения реализуется с помощью включения в структуру ЭВ дополнительных модусных показателей; принцип взаимопроникновения — через дополнение эвиденциальной семантики смыслами других модусных категорий; принцип самоорганизации — посредством формирования устойчивых категориальных синергетических моделей сцепления.

К задачам исследования относятся:

1. Определение фазовой структуры ЭВ.
2. Описание двухуровневой структуры эвиденциальной семантики (базовой и добавочной).
3. Выведение комбинаторной модели сцепления эвиденциальности с другими модусами.

4. Обучение языковой модели для прогнозирования модусного развертывания ЭВ.

5. Выявление типовых синергетических паттернов и механизмов фазового развития ЭВ.

Материалом исследования послужил англоязычный медиакорпус на основе подвыборки из *British National Corpus*¹, включающей около 15 млн слов. В корпус вошли новостные и публицистические тексты, содержащие как эксплицитную, так и имплицитную эвиденциальную семантику.

На первом этапе анализа из общего массива данных были вручную отобраны и аннотированы 2000 эвиденциальных высказываний (ЭВ), в структуре которых выделялись два ключевых компонента:

1. Профаза — семантический каркас ЭВ, задающий его интенциональную и тематическую направленность. В состав профазы входят эвиденциальный маркер (оператор) и указание на говорящего (субъект коммуникации).

2. Эпифаза — компонент, развивающий и конкретизирующий содержание ЭВ, раскрывающий модусные смыслы других категорий. Эпифаза включает передаваемый материал и обеспечивает расширение эвиденциальной семантики за счет включения в структуру ЭВ дополнительных модусных маркеров, репрезентирующих соответствующие категории.

На втором этапе проводился комбинаторный анализ сцепления эвиденциальности с модусными категориями авторизации (*A*), аппроксимации (*Aprx*), восприятия (*Ap*), модальности (*M*), отрицания (*D*), оценочности (*Evl*), персональности (*Ps*), персуазивности (*P*), эвиденциальности (*Ev*), экспрессивности (*Ex*), эмотивности (*Emt*) и темпоральности (*T*), на основе лингвосинергетических принципов взаимодополнения, взаимопроникновения и самоорганизации. Разработанный алгоритм позволил определить все возможные категориальные сочетания по принципу полного перебора комбинаций, а также соотнести каждый маркер с конкретной модусной категорией. В результате анализа были выделены 128 возможных синергетических моделей сцепления, различающихся как по количеству элементов (от 1 до 8), так и по набору входящих в них категорий. Были определены:

1. Базовая эвиденциальная семантика:

$$Evs = Ev + A + Ap + Ps + T.$$

2. Добавочная семантика:

синергетическое сцепление *Evs* с *Aprx*, *D*, *Emt*, *Ex*, *Evl*, *M*, *P*.

---

¹ The British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 10.04.2025).

Немаловажно, что метод комбинаторного анализа не предусматривал применения нейросетевых алгоритмов. Он осуществлялся посредством статистического сопоставления и типологической классификации модусных сочетаний, выявленных в размеченных ЭВ, и сформировал эмпирическую основу для последующего обучения языковой модели.

На третьем этапе применялся метод языкового моделирования (*Language Modeling*), реализованный через нейросетевую архитектуру *GPT2-medium*, дообученную на размеченной выборке из BNC. Обучение модели проводилось с целью формирования у нее способности распознавать и воспроизводить как базовую, так и добавочную эвиденциальную семантику в рамках фазовой структуры ЭВ. Разметка включала выделение профазы и эпифазы, а также маркировку модусных смыслов, актуализированных в каждой из фаз.

По завершению этапа обучения модель использовалась для генерации ЭВ: на вход подавалась заранее заданная профаза, содержащая эвиденциальный оператор и указание на субъект коммуникации, при этом отдельно определялись предполагаемые коммуникативные цели автора высказывания. Задачей модели было сгенерировать модусное продолжение (эпифазу), соответствующее заданному вектору интерпретации — оценочному, экспрессивному, эмотивному и т.д. Классификация сгенерированных эпифаз осуществлялась на основе формируемых добавочных модусных смыслов. Обработка данных осуществлялась с использованием библиотек *transformers*, *nltk*, *spaCy*, *pandas* и *scikit-learn*.

Основная задача этапа заключалась в том, чтобы определить, каким образом базовая эвиденциальная семантика (*Evs*), выступающая смысловой платформой ЭВ, развивается в модусном аспекте в зависимости от коммуникативных целей говорящего в медиадискурсе. В центре внимания находился механизм прагматического развертывания сообщения, при котором автор или субъект коммуникации, исходя из интенции, использует эвиденциальный оператор в профазе как отправную точку, а затем дополняет его модусной семантикой, соответствующей желаемому вектору интерпретации [Zheltukhina, Vikulova, Mikhaylova, 2017].

В качестве гипотезы выступало утверждение о том, что языковая модель, обученная на размеченном корпусе, способна не только прогнозировать развитие эпифазы ЭВ в соответствии в соответствии с коммуникативными целями и задачами автора или субъекта коммуникации, но и воспроизводить устойчивые модели сцепления модусных категорий, ранее выявленные в ходе комбинаторного анализа.

Проверка гипотезы предусматривала сопоставление сгенерированных моделью модусных сочетаний с типовыми синергетическими паттернами, зафиксированными в эмпирических данных. Реализация данной цели потребовала проведения экспериментальной проверки эффективности языкового моделирования при прогнозировании модусного развертывания ЭВ. Центральной задачей этапа стало выявление типичных траекторий развития базовой эвиденциальной семантики (*Evs*) в структуре эпифазы, содержащей эвиденциальный оператор и указание на субъект коммуникации. При этом развитие ЭВ рассматривалось не как случайный акт «доставления», а как реализация прагматически обусловленного модусного потенциала, заданного интенцией субъекта.

На основании результатов генерации ЭВ языковой моделью были выявлены характерные случаи сцепления эвиденциальной базы с различными модусными категориями. Специфика сформированных моделей определялась доминирующей модусной семантикой, актуализированной в эпифазе высказывания.

Таблица 1

Актуализация добавочных модусных смыслов в структуре ЭВ

№	Профаза (ввод в модель)	Сгенерированная эпифаза (модель GPT-2)	Добавочная модусная семантика	Синергетическая модель сцепления
1	<i>It is reported that</i>	<i>the minister made a reckless decision</i>	Оценочность	<i>Evs + Evl</i>
2	<i>Sources claim</i>	<i>the figures are likely overestimated</i>	Аппроксимация	<i>Evs + Aprx</i>
3	<i>Eyewitnesses state</i>	<i>the blast caused panic and screaming</i>	Эмотивность	<i>Evs + Emt</i>
4	<i>They say</i>	<i>the speech triggered a fierce public backlash</i>	Экспрессивность	<i>Evs + Ex</i>
5	<i>It is said that</i>	<i>no valid explanation was provided</i>	Отрицание	<i>Evs + D</i>
6	<i>Officials confirmed</i>	<i>the plan was designed to reassure skeptical voters</i>	Персуазивность	<i>Evs + P</i>
7	<i>Reports suggest</i>	<i>the agreement might require further approval</i>	Модальность	<i>Evs + M</i>

В таблице 1 представлены все модусные категории, формирующие добавочную эвиденциальную семантику, а также соответствующие

ющие типы сцепления данных категорий с *Evs*. Каждый пример иллюстрирует специфическое модусное расширение: языковая модель достраивает ЭВ на основе эвиденциального оператора профазы и дополняет данное высказывание модусными смыслами, в соответствии с заранее заданной интенцией автора или субъекта коммуникации. Такое представление позволяет проследить, как именно языковая модель реализует фазовую динамику ЭВ: от инициализации сообщения через эвиденциальный импульс к его модусному развертыванию, отражающему те или иные оценочные, эмоциональные, риторические или интерпретативные смыслы (см. таблицу 1).

Как видно из таблицы 1, языковая модель демонстрирует способность прогнозировать фазовое развитие ЭВ на основе заданной профазы. Представленные примеры иллюстрируют типовое расширение *Evs* посредством модусных смыслов категорий, составляющих добавочную эвиденциальную семантику. При этом каждое продолжение отражает определенную интенцию автора или субъекта коммуникации, реализуемую посредством различных модусных категорий. Данное обстоятельство указывает на то, что модель не просто генерирует и логически завершает ЭВ, а воспроизводит прагматическую стратегию говорящего, формируя направленное модусное развитие сообщения.

Таким образом, результаты анализа подтверждают, что языковая модель позволяет:

1. Конструировать фазовую структуру ЭВ, где профаза задает источник информации и субъектную позицию, а эпифаза — ее модусное развитие.

2. Выявить доминирующий модусный вектор эпифазы ЭВ, актуализирующий коммуникативную цель говорящего.

3. Формализовать механизмы модусного взаимодействия в рамках устойчивых категориальных моделей.

Полученные паттерны подтверждают гипотезу о существовании устойчивых синергетических моделей сцепления эвиденциальности с другими модусными категориями. Модель достраивает ЭВ в соответствии с двухфазной схемой профаза-эпифаза, реализуя заложенные в профазе коммуникативные установки автора или субъекта коммуникации.

С целью визуализации фазовой природы ЭВ, представим схемы синергетического сцепления, отражающие:

1. Иерархическую структуру ЭВ с разграничением семантических уровней профазы и эпифазы.

2. Профазу как основание ЭВ.

3. Добавочную модусную семантику, интегрируемую в структуру ЭВ.

4. Конкретную реализацию указанной семантики в эпифазе ЭВ (см. таблицу 2).

Таблица 2

Схемы реализации моделей *Evs + X*

№	Схема синергетического сцепления <i>Evs + X</i>	Синергетическая модель сцепления
1	<p>[It is reported that]</p> <p>+-----+-----+</p> <p> </p> <p>[Оценочность (Evl)] "the minister made a reckless decision"</p>	<i>Evs + Evl</i>
2	<p>[Sources claim]</p> <p>+-----+-----+</p> <p> </p> <p>[Аппроксимация (Aprx)] "the figures are likely overestimated"</p>	<i>Evs + Aprx</i>
3	<p>[Eyewitnesses state]</p> <p>+-----+-----+</p> <p> </p> <p>[Эмотивность (Emt)] "the blast caused panic and screaming among the crowd"</p>	<i>Evs + Emt</i>
4	<p>[They say]</p> <p>+-----+-----+</p> <p> </p> <p>[Экспрессивность (Ex)] "the speech triggered a fierce backlash"</p>	<i>Evs + Ex</i>
5	<p>[It is said that]</p> <p>+-----+-----+</p> <p> </p> <p>[Отрицание (D)] "no valid explanation was provided"</p>	<i>Evs + D</i>
6	<p>[Officials confirmed]</p> <p>+-----+-----+</p> <p> </p> <p>[Персуазивность (P)] "the plan was designed to reassure skeptical voters"</p>	<i>Evs + P</i>
7	<p>[Reports suggest]</p> <p>+-----+-----+</p> <p> </p> <p>[Модальность (M)] "the agreement might require further approval"</p>	

Содержащиеся в таблице 2 схемы отражают иерархическую фазовую структуру ЭВ, а также раскрывают механику дополнения базовой эвиденциальной семантики модусными смыслами других категорий. Очевидно, что развитие ЭВ не является произвольным — оно встроено в семантическую организацию высказывания и отражает коммуникативные намерения автора или субъекта коммуникации. Тем самым представленные схемы служат не только иллюстрацией, но и инструментом аналитической верификации фазовой модели ЭВ.

Как показало моделирование модусного развертывания ЭВ, языковая модель способна не только предсказывать продолжение текста, но и встраивать его в прагматически обусловленную фазовую рамку высказывания. Профаза выполняет роль смыслового импульса, задающего источник информации и субъектную перспективу ЭВ, тогда как эпифаза реализует его модусное наполнение, формируя коммуникативный эффект воздействия на адресата или читателя — от убеждения, выражения оценки и побуждения к тем или иным действиям до пробуждения сомнений или вызова определенного эмоционального отклика.

Применение языкового моделирования к анализу актуализации эвиденциальности в медиадискурсе позволило расширить методологический инструментарий лингвосинергетики и предложить интерпретационную модель, основанную на фазовой структуре ЭВ. В основе данной модели лежит идея о том, что специфика развертывания ЭВ определяется не случайными языковыми паттернами, а коммуникативными целями автора или субъекта коммуникации.

Базовая эвиденциальная семантика (*Evs*), включающая категории эвиденциальности (*Ev*), авторизации (*A*), восприятия (*Ap*), персональности (*Ps*) и темпоральности (*T*), функционирует как смысловой каркас, на который в процессе дискурсивной реализации накладываются добавочные модусные смыслы категорий аппроксимации (*Aprx*), отрицания (*D*), эмотивности (*Emt*), экспрессивности (*Ex*), оценочности (*Evl*), модальности (*M*) и персуазивности (*P*). Указанные смыслы формируют модусное развитие ЭВ и определяют характер прагматического воздействия автора или субъекта коммуникации на адресата или читателя. Языковая модель демонстрирует способность предсказывать типичные траектории такого модусного расширения в соответствии с коммуникативными установками говорящего.

Полученные результаты подтверждают научную продуктивность применения лингвосинергетического подхода и нейросетево-

го моделирования к анализу функционирования эвиденциальности в медиадискурсе. Выбранный ракурс позволяет не только описывать сложные типы категориального взаимодействия, но и автоматически выявлять скрытые механизмы воздействия на адресата или читателя, стилистические сдвиги в коммуникативной стратегии автора и определять идеологическую направленность медиатекстов.

Практическая применимость исследования заключается в возможности разработки экспертных систем лингвистического анализа, ориентированных на медиапросвещение, фактчекинг, судебную и политическую лингвистику. Дальнейшие исследования предполагают расширение материала анализа за счет включения многоязычных и мультимодальных данных, а также адаптацию предложенной модели к различным типам и жанрам медиадискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванова С.В., Хакимова Г.Ш.* Эвиденциальность и эпистемическая модальность: сопряжение на уровне семантики слова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21. № 4. С. 802–824.
2. *Кобрин О.А.* Модусная составляющая лингво-коммуникативной категории // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики: Сборник материалов Второй всероссийской конференции с международным участием. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2021. С. 50–56.
3. *Козловский Д.В.* Реализация категории эвиденциальность в дискурсивном пространстве массмедиа: лингвосинергетический аспект. Саратов: Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2023.
4. *Козловский Д.В.* Реализация модусной категории «эвиденциальность» в условиях цифровизации дискурсивного пространства // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14. № 2. С. 27–35.
5. *Пономаренко Е.В.* Функциональный синергизм текста как объект функциональной лингвосинергетики // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28. № 4. С. 106–114.
6. *Семенова Т.И.* Управление знанием в новостном дискурсе: социокognитивный взгляд // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2020. Т. 19. № 5. С. 122–132.
7. *Сулейманова О.А.* Гипотетико-дедуктивный метод в современной семантике // Лингвистика на рубеже эпох: доминанты и маргиналии. Вып. 2. М.: Московский городской педагогический университет, 2004. С. 6–17.
8. *Тарева Е. Г.* Языковое образование: векторы трансформации // Иностранные языки в школе. 2022. № 10. С. 5–10.
9. *Чанышева З.З.* Репрезентация модусной категории эвиденциальности в модальной рамке переводного текста // Вестник Башкирского университета, 2016. Т. 21. № 2. С. 402–408.
10. *Aikhenvald A. Y.* Oxford Handbook of Evidentiality // Oxford Handbooks in Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2018. Pp. 148–172.

11. *Brugman C.M., Macaulay M.* Characterizing evidentiality // *Linguistic Typology*. 2015. No. 19(2). Pp. 201–237.
12. *Goldberg Y.* *Neural Network Methods for Natural Language Processing // Synthesis Lectures on Human Language Technologies*. Morgan & Claypool Publishers, 2017.
13. *Khramchenko D.S.* The power of synergy in discourse: exploring persuasive language in English mass media // *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. 2023. Vol. 13. No. 2. Pp. 368–379.
14. *Lin Q., Aolan M., Zhu Z., Miao Y.* Evidentiality in News Discourse: A Study of Western Mainstream Media // *International Journal of Frontiers in Sociology*. 2025. No. 7(2). Pp. 43–51.
15. *Shao Z., Dou W., Pan Y.* Dual-level Deep Evidential Fusion: Integrating multimodal information for enhanced reliable decision-making in deep learning // *Information Fusion*. 2024. Vol. 103. Pp. 1–9.
16. *Zheltukhina M.R., Vikulova L.G., Mikhaylova S.V.* Communicative theatre space in the linguistic and pragmatic paradygm // *XLinguae*. 2017. Vol. 10. No. 2. Pp. 85–100.

Dmitrii V. Kozlovskii

LANGUAGE MODELING OF EVIDENTIAL SEMANTICS IN MEDIA DISCOURSE

Moscow City University, Moscow, Russia; kozlovskydv@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the study of the modus category of evidentiality in media discourse using the method of language modeling. Particular attention is given to the development of a neural network model capable of predicting the progression of evidential statements (ES) in accordance with the communicative intentions of the author or speaker. The application of the linguosynergetic approach enabled the differentiation between basic and extended evidential semantics, as well as the description of the interrelation between evidentiality and other modal categories, such as authorization, approximation, perception, modality, negation, evaluativity, personal reference, persuasiveness, expressivity, emotivity, and temporality. The research is based on a corpus of English-language media discourse (BNC), annotated according to the phasal structure of EUs. The typical combinations of modal categories identified through combinatorial analysis served as the foundation for training the language model, which is capable of predicting modal development in discourse context and effectively recognizing both explicit and implicit cases of evidentiality. The results confirm the effectiveness of language modeling in tasks related to the recognition, description, and interpretation of polymodal semantics and highlight the potential of neural network methods for the linguistic analysis of complex discursive structures. The proposed methodology can be applied in the development of automated linguistic expertise systems for media texts, including the detection of manipulative strategies.

Keywords: evidentiality, modus categories, media discourse, language modeling, linguosynergetics, artificial intelligence, prophase, epiphase, synergetic model

For citation: Kozlovskii D.V. (2026) Language modeling of evidential semantics in media discourse. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(29), pp. 37–49. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-3 (In Russ.)

About the author: Dmitrii V. Kozlovskii — Dr. in Philology, Associate Professor, Professor, Department of Linguistics and Translation Studies, Institute of Foreign Languages, Moscow City University; kozlovskydv@yandex.ru

REFERENCES

1. Ivanova S.V., Khakimova G.Sh. 2024. Evidentsial'nost' i epistemicheskaya modal'nost': sopryazhenie na urovne semantiki slova [Evidentiality and epistemic modality: Overlap view within word semantics]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, vol. 21, no. 4, pp. 802–824. (In Russ.)
2. Kobrina O.A. 2021. Modusnaya sostavlyayushchaya lingvo-kommunikativnoi kategorii [Modus constituent of the lingvo-communicative category]. In *Aktual'nye problemy filologii i lingvodidaktiki: Sbornik materialov Vtoroi vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Nizhnii Novgorod, pp. 50–56. (In Russ.)
3. Kozlovskii D.V. 2023. *Realizatsiya kategorii evidentsial'nost' v diskursivnom prostranstve massmedia: lingvosinergeticheskii aspekt* [Realization of the category of evidentiality in the discursive space of mass media: linguosynergetic aspect]. Saratov. (In Russ.)
4. Kozlovskii D.V. 2022. Realizatsiya modusnoi kategorii «evidentsial'nost'» v usloviyakh tsifrovizatsii diskursivnogo prostranstva [Realization of the modus category of evidentiality in the context of digitalization of discourse]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, vol. 14, no. 2, pp. 27–35. (In Russ.)
5. Ponomarenko E.V. 2022. Funktsional'nyi sinergizm teksta kak ob'ekt funktsional'noi lingvosinergetiki [Functional synergy of the text as an object of functional linguosynergetics]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*, vol. 28, no. 4, pp. 106–114. (In Russ.)
6. Semenova T.I. 2020. Upravlenie znaniem v novostnom disкурсе: sotsiokognitivnyi vzglyad [Knowledge management in news discourse: a socio-cognitive view]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, vol. 19, no. 5, pp. 122–132. (In Russ.)
7. Suleimanova O.A. 2004. Gipotetiko-deduktivnyi metod v sovremennoi semantike [Hypothetico-deductive method in modern semantics]. In *Lingvistika na rubezhe epokh: dominanty i marginalii. Vypusk 2* [Linguistics in between epochs: dominants and marginalia. Volume 2]. Moscow, Moscow City University, pp. 6–17. (In Russ.)
8. Tareva E.G. 2022. Yazykovoe obrazovanie: vektory transformatsii [Language education: vectors of transformation]. *Inostrannye yazyki v shkole*, no. 10, pp. 5–10. (In Russ.)
9. Chanysheva Z.Z. 2016. Reprezentatsiya modusnoi kategorii evidentsial'nosti v modal'noi ramke perevodnogo teksta [Representing the modus category of evi-

dentiality in modal frame of target text]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 21, no. 2, pp. 402–408. (In Russ.)

10. Aikhenvald A.Y. 2018. Oxford Handbook of Evidentiality. In *Oxford Handbooks in Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, pp. 148–172.

11. Brugman C.M., Macaulay M. 2015. Characterizing evidentiality. *Linguistic Typology*, no. 19(2), pp. 201–237.

12. Goldberg Y. 2017. Neural Network Methods for Natural Language Processing. In *Synthesis Lectures on Human Language Technologies*. Morgan & Claypool Publishers.

13. Khranchenko D.S. 2023. The power of synergy in discourse: exploring persuasive language in English mass media. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, vol. 13, no. 2, pp. 368–379.

14. Lin Q., Aolan M., Zhu Z., Miao Y. 2025. Evidentiality in News Discourse: A Study of Western Mainstream Media. *International Journal of Frontiers in Sociology*, no. 7(2), pp. 43–51.

15. Shao Z., Dou W., Pan Y. 2024. Dual-level Deep Evidential Fusion: Integrating multimodal information for enhanced reliable decision-making in deep learning. *Information Fusion*, vol. 103, pp. 1–9.

16. Zheltukhina M.R., Vikulova L.G., Mikhaylova S.V. 2017. Communicative theatre space in the linguistic and pragmatic paradygm. *Xlinguae*, vol. 10, no. 2, pp. 85–100.

Статья поступила в редакцию 21.07.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025;
принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 21.07.2025;
approved after reviewing 05.12.2025;
accepted for publication 15.12.2025.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ

В.В. Сафонова

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА НОРМАТИВНО- ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИИ В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; safonova.ffl.msu@mail.ru

Аннотация. К числу нерешенных вопросов в теории и методике обучения ИЯ относятся нормативно-правовые аспекты использования искусственного интеллекта /ИИ/ в университетском языковом образовании, что ведет к фрагментарности, бессистемности и неэффективности языкового образования с поддержкой ИИ. В статье предлагаются пути лингводидактического осмысления содержания нормативно-правовых документов, включающих пункты об использовании ИИ в образовании, а также обобщаются теоретические и прикладные результаты исследований о рисках использования ИИ в вузовском образовании при отсутствии научно обоснованной и экспериментально апробированной методики предметного образования. Проведенный автором анализ «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» подчеркивает важные моменты для разработчиков, создающих нормативную базу для применения ИИ в языковом образовании. В ней доказывается необходимость, во-первых, лингводидактического осмысления нормативно-правовой базы использования ИИ при изучении языков и культур в высшей школе, во-вторых, учета не только возможного позитивного дидактического потенциала инструментария ИИ (как это делается в работах многих отечественных исследователей), но и психолого-педагогических и этических рисков, которые особенно часто возникают при использовании зарубежных технологий ИИ в отечественном языковом образовании. Предлагаются пути минимизации психолого-педагогических рисков.

Сафонова Виктория Викторовна — доктор педагогических наук, профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; safonova.ffl.msu@mail.ru

© Сафонова В.В., 2026

Ключевые слова: высшее языковое образование, ИИ, нормативно-правовая база, психолого-педагогические риски, социокультурные риски, этические риски, минимизация ИИ рисков

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-4

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Сафонова В.В. Лингводидактический взгляд на нормативно-правовые аспекты использования ИИ в языковом образовании высшей школы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 1. С. 50–72. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-4

Растущий интерес отечественных и зарубежных исследователей к изучению диапазона целесообразного использования искусственного интеллекта /ИИ/ в разных сферах жизнедеятельности человека, в том числе в образовании и науке за последние пять лет находит отражение в наукометрических показателях публикационной активности по этой тематике и проблематике в Китае, США, Индии, Японии, Британии, Германии, Франции, Италии, Канаде, Испании, Австралии, Южной Корее, Тайване, Бразилии, Иране, Нидерландах, Индонезии, Турции, России и Малазии¹ [Николаев, 2025], хотя научное качество целого ряда из них далеко не бесспорно. Однако до настоящего времени в большинстве педагогических публикаций продолжает доминировать исследовательская эйфория об инструментальной ценности искусственного интеллекта /ИИ/ [см., напр., Иностранные языки в школе, № 2, 2025]. В то же время, особенно за последние годы, в целом ряде научно-методических изданий обращается внимание на важность осмысления как образовательного потенциала ИИ, так и образовательных рисков использования того или иного инструментария ИИ в разных сегментах специализированного профессионального образования [Гельфанд и др., 2025; Харабаджах, 2022; Современная {цифровая} дидактика, 2024; Шефиева, 2020; Hüllermeier, 2023]. Между тем, если обратиться к анализу отечественных работ в области обучения иностранному языку и воспитания средствами иностранного языка /ИЯ/ в РФ, то наблюдается тенденция на перечисление и неаргументированное декларирование преимущественно позитивных образовательных

---

¹ Страны перечислены в порядке занимаемого ими места среди 20 стран с публикационной активностью по тематике исследовательских работ, сопряженных с ИИ.

достоинств использования ИИ для формирования и отработки речевых навыков [см., напр., ИЯ в школе, № 2, 2025: 27–32, 54–58] или речевых умений [см., напр., ИЯ в школе, № 2, 2025: 75–83] в языковом образовании, причем порой, к сожалению, без предоставления надежных экспериментальных исследовательских результатов, которые можно было бы принять как необходимую и достаточную доказательную базу для выдвижения конкретных педагогических постулатов. Более того, риски использования ИИ, особенно в профессиональном гуманитарном образовании (включая языковое образование), не только весьма редко выступают предметом тщательного междисциплинарного изучения в лингводидактике, но в ней даже и не верифицируются зарубежные исследовательские результаты по этой проблематике, не говоря о том, что наблюдается неоправданная идеализация и абсолютизация зарубежных исследовательских результатов, методические положения, сформулированные в процессе изучения диапазона внедрения ИИ в научно-естественных науках, механически переносятся в сферу гуманитарных наук. В силу вышесказанного представляется немаловажным понятие, от каких именно объективных и субъективных факторов зависит качество лингвокультурного высшего образования в России при использовании инструментария ИИ в университетском языковом образовании /ЯО/. Именно поэтому в этой статье хотелось бы остановиться на некоторых из них, наиболее значимых для педагогического моделирования образовательных систем подготовки студентов-лингвистов при со-изучении языков и культур.

Как показывает лингводидактический анализ отечественной научной литературы об использовании ИИ в вузовском ЯО, к числу основных факторов, которые могут негативно сказаться на степени эффективности ЯО, включающего взаимодействие с ИИ, относятся:

- отсутствие полноценной нормативно-правовой базы использования технологий ИИ в отечественном ЯО с учетом геополитических, социокультурных, этических и психолого-педагогических факторов, а также аналитического осмысления международного опыта использования ИИ в ЯО высшей школы;
- неоднозначное отношение к стремительному, а порой непродуманному включению ИИ в учебный процесс, о чем свидетельствуют многочисленные научные и общественные дискуссии в российской гуманитаристике и обществе²;

---

² См. Материалы выступления В.В. Путина и его дискуссии с участниками конференции по вопросам использования ИИ в образовании на X Международной

- недостаточный уровень переводческой образованности у многих отечественных исследователей, существенно препятствующий выбору адекватного переводческого приема передачи англоязычного термина на русском языке (*против вместо запроса*) и корректной интерпретации на русском языке понятийного содержания зарубежного термина, что ведет к лингвотоксичности [о лингвотоксичности см.: Молчанова, 2016] терминологического пространства лингводидактики;

- недооценка необходимости интеграции системного, компетентностного, коммуникативно-деятельностного, проблемного и аксиологического подходов в цифровой дидактике при моделировании учебного процесса и проектировании его учебно-методического обеспечения;

- фрагментарность как теоретических познаний, так и реального практического опыта лингводидактов и педагогов-практиков по оцениванию образовательного потенциала инструментария ИИ в терминах коммуникативно-когнитивного развития личности обучающихся и обогащения его мировосприятия средствами ИЯ, необходимых для эффективного межкультурного взаимодействия с представителями разных культурно-языковых, геополитических сообществ в профессионально значимых сферах жизнедеятельности выпускника в условиях мира, отягощенного информационными и ментальными войнами, прокси-войнами, различными культурно-языковыми конфликтами и ценностными столкновениями вплоть до противостояния;

- дефицит исследований, ориентированных на реализацию идей многоуровневости цифрового языкового образования для эффективного развития коммуникативно-когнитивной культуры пользователей ИИ;

- узость круга специалистов, вовлеченных в исследования по определению образовательных достоинств и рисков использования ИИ в разных сегментах ЯО.

Как свидетельствует анализ исследований Р.А. Абдусаламова [2024], А.Э. Памирского и др. [2023], создание даже общей нормативно-правовой базы для эффективного использования ИИ в высшей школе пока не находится даже на этапе становления, а скорее на этапе оживленного обсуждения в вузовском сообществе, что, естественно, затрудняет создание нормативно-методической научно обоснованной и экспериментально апробированной базы, не-

---

конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению 19 ноября 2025 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78498> (фонограмма).

обходимой и достаточной для целесообразного использования ИИ в отдельных предметных сферах образования, как то в языковом образовании. Между тем без определения этой базы весьма сомнительно, чтобы можно было решать сложнейшие задачи создания методологии и методики взаимодействия преподавателей и студентов с ИИ в процессе со-изучения языков и культур. Как следствие такого положения дел, в России в области цифровой лингводидактики наблюдается появление исследований, в которых текстовая «методическая лозунговость» превалирует над планированием и последовательным осуществлением теоретико-экспериментальных исследований с целью получения научно-обоснованных и экспериментально-апробированных результатов [Иностранные языки в школе, № 2, 2025: 22–26, 27–32, 41–26, 54–58 и др.], т.е. предлагаются некачественные исследовательские продукты.

Создание полноценной нормативно-методической базы моделирования системы языкового образования в вузе предполагает *лингводидактическое осмысление нормативно-правовых аспектов содержания* правовых федеральных документов РФ, при этом в фокусе лингводидактического внимания являются те положения, которые непосредственно относятся к сфере высшего образования. Однако вместо этого исследователи в области цифровизации языкового образования не выходят за рамки простого перечисления тех или иных правовых федеральных документов, федеральных проектов и программ касательно места, роли и образовательного потенциала ИИ в образовании без раскрытия степени важности того или иного положения в них именно для ЯО. Так, в статье «Опыт интеграции технологий искусственного интеллекта в иноязычное высшее образование: от цифровизации к автоматизации» [Авраменко и др., 2024: 56–57] к нормативно-правовой базе иноязычного образования отнесены:

1. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы».
2. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
3. Федеральный проект «Искусственный интеллект».
4. Перспективная программа стандартизации по приоритетному направлению «Искусственный интеллект» на период 2021–2024 годы от 22 декабря 2020 г. [Авраменко, Фадеева, Терновский, 2024: 56–57].

Очевидно, что авторы цитируемой статьи исходят из достаточно субъективной трактовки содержания термина «норматив-

но-правовая база» образования и демонстрируют непонимание существенных различий между этим понятием и понятием «нормативно-методическая база языкового образования», поскольку только документы в пунктах 1 и 2 действительно относятся к рангу нормативно-правовых документов. Более того, тексты этих документов используются этими и другими исследователями даже в 2024–2025 гг. преимущественно для подтверждения лишь актуальности исследований, сопряженных с включением ИИ в систему предметного образования, что уже не требуется, начиная с 2017 года³. А самое главное, этими авторами совершенно не обращается должного внимания на риски использования ИИ в языковом образовании в зависимости от уровня информационной и технологической культуры пользователей, степени дидактической целесообразности использования ИИ студентами с конкретным уровнем владения ИЯ, наличия теоретико-экспериментальных данных о рисках использования ИИ в образовании в целом, а также при конкретной профессионально-профильной подготовке выпускников высшей школы.

Традиционно, нормативно-правовая база высшего образования в России включает в себя ряд законов, постановлений, приказов и других документов, *регулирующих* образовательную деятельность в отечественных высших учебных заведениях. Основным законом, определяющим основы государственной политики в сфере образования, является Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»⁴, определяющий основные принципы государственной политики в сфере образования, устанавливающий правовые основы организации и осуществления образовательной деятельности, права и обязанности участников образовательных отношений, а также понятийный аппарат, который предназначен для использования в образовательных стандартах и других документах со стандартизирующей функцией (статья 2). Помимо этого документа в отечественную нормативно-правовую базу образования входят: приказы Министерства науки и высшего образования РФ, локальные нормативные акты высших учебных заведений, федеральные государственные стандарты и образовательные стандарты, самостоятельно устанавливаемые рядом ведущих университетов, которым дано это право, например, СУОС МГУ имени М.В. Ломоносова.

---

³ См. Статью 36 в Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1> (дата обращения: 28.10.2025).

⁴ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ об образовании в Российской Федерации — Редакция от 28.02.2025 — (с изменениями на 23 мая 2025 года).

Однако проблема состоит в том, что традиционная нормативно-правовая база системы высшего образования в целом и системы ЯО в частности пока еще не дополнена необходимыми положениями, касающимися образовательных норм и кодекса этики взаимодействия субъектов образования и ИИ. В этом случае, на первый взгляд, создание нормативно-правовой базы системы высшего языкового образования с поддержкой ИИ предполагает всего лишь своеобразную интеграцию традиционной нормативно-правовой базы высшего образования с нормативно-правовыми документами, сопряженными с привлечением ИИ в сферу высшего образования, включающими соответствующие указы Президента РФ, постановления Министерства высшего образования и науки, локальные акты вузов и некоторые другие документы с регулятивной образовательной функцией. Однако, хотя Россия является одним из лидеров в отношении законодательства в отдельных областях правового регулирования разработки и взаимодействия с ИИ⁵, тем не менее управленческая ситуация в России в разных сферах использования ИИ не так проста, как кажется, поскольку многие управленческие решения пока еще являются предметом не только теоретического, но и экспериментального осмысления [см. подробнее: Маслова и др., 2022]. Причем первоначально необходимо определить *правовую* базу использования ИИ в образовании в принципе, а затем детализировать ее в *нормативно-правовой* базе и *нормативно-методической основе* ЯО как конкретного предметного образования с использованием ИИ.

При обращении к вопросам регулирования использования ИИ в ЯО, имеет смысл обратить внимание на положение о наличии трех вариантов моделей регулирования ИИ⁶ и необходимости определить, какой именно вариант регулирования следует отнести к образовательной сфере. Поиски подобного рода решений до настоящего момента не были предметом специального детального рассмотрения в лингводидактике.

Необходимым предварительным условием в разработке нормативно-правовой базы основы использования ИИ в языковом

---

⁵ Россия занимает второе место по количеству принятых за пятилетний период законов, касающихся ИИ, согласно Стэнфордскому Индексу ИИ от 2022 года (The AI Index 2022 Annual Report, AI Index Steering Committee, Stanford Institute for Human-Centered AI, Stanford University, March 2022).

⁶ Три варианта моделей правового регулирования в области ИИ включают: а) применение моделей «мягкого» правового регулирования (характерного для США), б) применение моделей «жесткого» варианта правового регулирования (которому следуют в Китае), в) применение смешанной модели [подробнее, см. Арзамасов, 2023].

образовании является выделение тех правовых положений в указах Президента, федеральных законах и федеральных программах, которые непосредственно относятся к использованию⁷ ИИ именно в сферах е-образования в целом и образования в высшей школе, в частности. При этом следует всегда учитывать, что тексты президентских Указов являются предметом постоянного уточнения и внесения изменений или даже удаления каких-то подразделов в них, поскольку целенаправленное включение ИИ в жизнедеятельность человека — это пока еще социокультурный процесс со многими неизвестными; человеческая цивилизация и Россия как ее часть находятся в положении глобального социокультурного эксперимента, в условиях которого необходимо сделать выбор: или стать его активными осознанными участниками-исследователями и в какой-то мере понять, каким образом возможно управлять развитием технологий ИИ во благо человека, или оставаться пассивными участниками с непредсказуемыми результатами для бытия индивида и всего человечества.

А теперь перейдем к лингводидактическому осмыслению Указа Президента РФ 2019 г. в новой редакции 2024 г., фокусируясь на «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (Указ Президента РФ 2019 г. в новой редакции 2024 г.), в дальнейшем Стратегия. В ней в 2024 г. выделяются такие разделы, как:

- I. Общие положения.
- II. Развитие искусственного интеллекта в России и в мире.
- III. Основные принципы развития и использования технологий искусственного интеллекта.
- IV. Цели и основные задачи развития искусственного интеллекта.
- V. Механизмы реализации настоящей Стратегии.

В разделе «Общие положения», во-первых, определяются цели и основные задачи развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, а также меры, направленные на его использование в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов, во-вторых, дается перечень правовых документов, которые легли в правовую основу рассматриваемой Стратегии, в-третьих, определено функциональное назначение последней как инструмента правового регулирования

---

⁷ В указах Президента РФ, федеральных законах и программах речь идет одновременно как о разработке ИИ, в том числе и для сферы образования, так и о целях использования ИИ в нем. Для лингводидактов особую важность приобретает второе.

в разработке и использовании технологий ИИ в РФ в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов (что до сих пор отнюдь не является предметом рассмотрения лингводидактов в России), в-четвертых, сформулированы положения Стратегии, которые должны учитываться при доработке или разработке правовых и нормативно-правовых документов, и, наконец, в этот раздел включены и 18 основных терминов и терминологических словосочетаний с их понятийной трактовкой, которыми следует оперировать при создании нормативно-правовой базы и нормативно-методической основы использования технологий ИИ в РФ в сфере образования, следовательно и в языковом образовании. В число этих понятий входят: *искусственный интеллект, технологии искусственного интеллекта, перспективные методы искусственного интеллекта, набор данных, разметка данных, вычислительная система, архитектура вычислительной системы, открытая библиотека искусственного интеллекта, технологическое решение, большие генеративные модели, большие фундаментальные модели, исходные данные, модель искусственного интеллекта, отказоустойчивость, параметры модели искусственного интеллекта, промышленные данные, решение в области искусственного интеллекта, доверенные технологии искусственного интеллекта*. Среди них ключевыми понятиями для разработки нормативной базы использования ИИ в языковом образовании являются такие, как: *искусственный интеллект, сильный ИИ, технологии ИИ, доверенные технологии ИИ, большие генеративные модели*.

Первостепенное значение имеет понятийная трактовка термина «**искусственный интеллект**», определяемый как «искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»⁸ (выделено В.В. Сафоновой). У лингводидактов, которые не обратили внимания на выделенные выше существенные характеристики ИИ, возникают концептуальные иллюзии, ведущие к ненаучному «очеловечиванию» ИИ [см. Иностранные языки в школе, 2025. № 2: 2, 6], поскольку выдвигается предположение,

---

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124. «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»).

что «по мере дальнейшего развития и расширения своих дидактических способностей ИИ может выступать в качестве полноценного субъекта образовательного процесса, что потребует пересмотра многих традиционных взглядов на методологию обучения» [Иностранные языки в школе, 2025. № 2: 2], тем самым формируются ненаучные представления у читателей журнала о роли, месте и возможностях ИИ в ЯО (который как имитационный инструмент по своей сути не может быть таковым!) и содержания понятия «субъект образования», что ведет к концептуальной путанице в лингводидактике.

Регламентированность объема статьи как жанра не позволяет остановиться на каждом из понятий, сопряженных с созданием нормативно-правовой базы использования ИИ в ЯО. Все же представляется очень важным обратиться к терминологическому словосочетанию **«доверенные технологии искусственного интеллекта»**, которые трактуются в Стратегии как «технологии, отвечающие стандартам безопасности, разработанные с учетом принципов объективности, недискриминации, этичности, исключающие при их использовании возможность причинения вреда человеку и нарушения его основополагающих прав и свобод, нанесения ущерба интересам сообщества и государства»⁹.

Степень эффективности практической реализации этого положения при создании нормативно-правовой базы и нормативно-методической основы использования ИИ в системе вузовского ЯО зависит от научного осмысления как позитивных дидактических последствий вовлечения конкретных технологий ИИ в процесс изучения ИЯ, так и рисков использования того или иного технологического инструментария ИИ либо преподавателями в конкретном дидактическом контексте (изучения ИЯ как специальности или в специальных целях), а также обучающимися при овладении первым или вторым ИЯ, для решения конкретных задач обучения ИЯ и воспитания средствами ИЯ в вузе, либо при использовании ИИ для самообразовательных целей студентами с конкретным уровнем коммуникативно-когнитивного владения языком, уровнем сформированности у них универсальных и общепрофессиональных компетенций, уровнем социокультурной образованности и сформированности общегуманитарных компетенций¹⁰.

---

⁹ Там же: Раздел 1.

¹⁰ К общегуманитарным компетенциям лингвиста и лингводидакта относятся поликодовая, билингвальная, коммуникативно-когнитивная, эмпатическая, анти-манипуляционная, риторическая и полемическая, конфликтологическая, лингво-экологическая и экодидактическая компетенции.

Следует попутно заметить, что в подавляющем большинстве отечественных лингводидактических и методических изданий фактически не обращается серьезного внимания на риски использования ИИ в языковом образовании. При этом анализ работ в области использования ИИ в языковом образовании [Авраменко, 2024; Иностранные языки в школе», № 2, 2025; Борисова и Румянцева, 2024; и многие другие] показывает, что вне исследовательских интересов их авторов возможны риски использования ИИ в ЯО, частично это объясняется тем обстоятельством, что ЯО не рассматривается ими как неотъемлемая часть гуманитарного образования, и, соответственно, вне их исследовательского поля зрения остаются научные результаты исследований психологов, педагогов, философов, культурологов и других гуманитариев о возможных рисках использования ИИ в гуманитаристике.

Общеизвестно, что в число основных групп рисков внедрения ИИ в бытие современного человека выделяют этические, правовые, социальные, экономические, технические и технологические, образовательные (академические) и психологические. В схеме, представленной на рис. 1 выделяются 3 группы рисков использования ИИ, возникающих в образовании безотносительно его предметной/предметно-профильной принадлежности: психолого-педагогические, этические и технические риски [Hüllermeier, 2023; Сове-

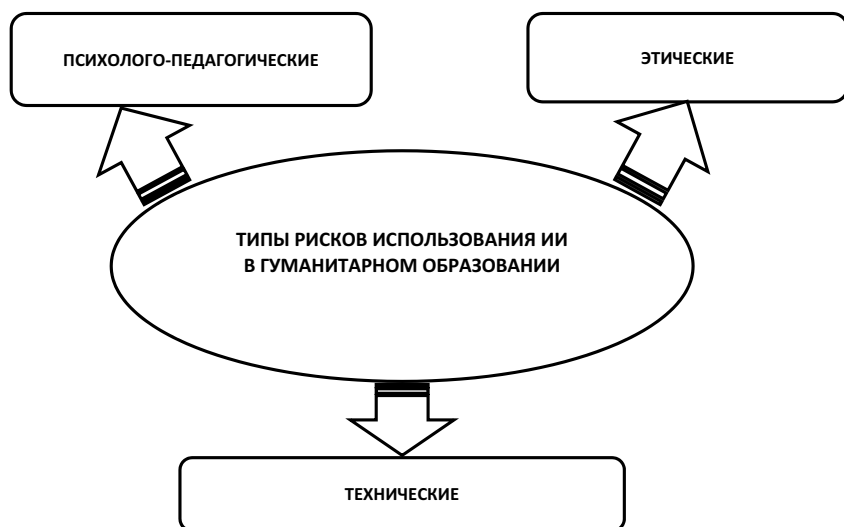

Рис. 1

менная {цифровая} дидактика, 2024]. Оставляя за рамками этой статьи технические риски, поскольку исследовательские вопросы их преодоления не являются прерогативой именно специалистов в области цифровой лингводидактики, остановимся прежде всего на психолого-педагогических и этических рисках использования ИИ в образовании как результате отсутствия у пользователей необходимого уровня культуры взаимодействия с ИИ в лично значимых и профессионально-профильных целях. При изучении нормативно-правовых аспектов вузовского языкового образования важнейшее значение приобретает лингводидактическое осмысление результатов исследования психолого-педагогических рисков использования ИИ в высшей школе. Исходя из этих результатов в настоящее время в группу **психолого-педагогических рисков** следует включить типы рисков, указанных ниже и учитывать их при создании нормативно-методической основы языкового образования в высшей школе и его моделировании при взаимодействии субъектов образования с ИИ. А именно:

1) негативное влияние на психические свойства и состояние личности при длительном взаимодействии с ИИ, включая:

а) ухудшение показателей рабочей памяти [Даггэн, 2020];

б) снижение роли человеческого межличностного взаимодействия в педагогическом общении ввиду нарушения педагогически целесообразного баланса учебного времени, предназначенного для взаимодействия преподавателей и студентов [Гельфанд, и др., 2025; Харабаджах, 2022 и др.];

в) замедление развития у обучающихся интеллектуальных способностей при интенсивном использовании ИИ в процессе выполнения вузовских учебных работ, включая появление такой отрицательной черты у индивида, как когнитивная лень [Гельфанд и др., 2025; Харабаджах, 2025];

2) появление психологической зависимости от ИИ в процессе чрезмерного использования студентами ИИ в их учебной деятельности [Кряжева, 2024; Aly et al., 2025; Hüllermeier et al., 2023] и у преподавателей при неоправданной постоянной опоре на ИИ в их профессиональной деятельности [Aly et al., 2025; Hüllermeier et al., 2023];

3) возникновение негативного социализирующего воздействия ИИ на ценностную систему пользователя посредством погружения в информационное поле дискриминационного, расистского, чело-веконенавистнического характера, включая риски манипулятивных действий со стороны ИИ [Гельфанд, 2025; Цвык, 2022; Hüllermeier, 2023 и др.];

4) дидактические или методические сбои, препятствующие достижению необходимого качества образования как следствие неадекватного выбора дидактического/методического подхода и/или технологии ИИ [Гельфанд и др., 2025];

5) неадекватное оценивание высшего учебного заведения как социального института при осуществлении цифрового маркетинга [Алешина, 2021] того или иного университета.

При осмыслении нормативно-методических аспектов моделирования ЯО с использованием технологий ИИ желательно на теоретико-экспериментальной основе ранжировать психолого-педагогические группы рисков в процессе как коммуникативно-когнитивного овладения студентами ИЯ. Среди категорий психолого-педагогических рисков представляется особенно важным для лингводидактов обратить внимание на *группы рисков, связанных с опасностью возникновения явлений негативной социализации* студентов в процессе коммуникативного образования средствами ИЯ, учитывая существующие информационные войны недружественных элит в целом в ряде западных стран в условиях ценностного противостояния европейских атлантистов-глобалистов и приверженцев традиционных ценностей человечества.

Основными идеологическими инструментами западной элиты атлантистов-глобалистов в борьбе за мировое господство являются продукты СМИ и Сетевого взаимодействия, для которых характерны манипулятивность, дезинформация, фейковость, русофобия и т.п. В этой связи необходим социокультурный анализ тематики и ценностных акцентов вербального и визуального материала на ИЯ, которые могут быть предложены ИИ и планируются к использованию в учебном процессе и/или созданию иноязычной учебной литературы. В связи с этим представляется полезным обратить внимание на отечественные и зарубежные работы, в которых отражены результаты исследования проявления культурно-языковой экспансии в ЯО [Сафонова, 1996: 21–22] или лингвистический империализм Филлипсона [Phillipson, 1992, 2010], что является следствием доминирования зарубежных, а не отечественных средств обучения иностранным/вторым языкам. Это негативное социокультурное явление проявляется в:

- открытой или скрытой социально-культурной ассимиляции (посредством вестернизации, франколизации, германизации, англолизации¹¹), ведущей к разрушению культурной самобытности

---

¹¹ В 21 веке к этим социокультурным явлениям примыкает и евроатлантизация.

и культурного кода обучающихся до ее полного уничтожения у представителей тех или иных социальных страт страны [Tsuda, 1986];

- социально-языковой дискриминации (посредством соединения лингвистической экспансии с интеллектуальным терроризмом, культурным тоталитаризмом и различными разновидностями дискриминации [Phillipson R., 1992, 2010]);

- ценностно-ориентационном манипулировании сознанием носителей языка, при котором идеологическое манипулирование является одной из его разновидностей;

- языковом загрязнении речевой среды обитания носителей других языков, в том числе терминологической научной речи [Сафонова, 2025] (напр., неоправданное использование англицизмов, нарушающее экологию русского языка и ведущее к лингвотоксичности в русской речи).

Эти негативные социокультурные явления наблюдались и до появления ИИ в образовательной, научной-образовательной и научной деятельности участников педагогического общения на ИЯ, а с появлением ИИ они могут значительно и стремительно усиливаться, если в образовательном пространстве России будут преимущественно использоваться зарубежные генеративные модели и при этом студенты не будут целенаправленно вовлекаться в:

- *аналитическое осмысление* социокультурных (включая ценностное) особенностей картины мира (заложенной теми или другими зарубежными конструкторами ИИ);

- *социокультурную ценностно-ориентированную интерпретацию* вербальных и визуальных продуктов ИИ, а затем и социокультурного портрета ИИ;

- определение степени информационной объективности и непредвзятости в вербальных продуктах ИИ по социально-заостренной гуманитарной тематике межкультурного взаимодействия.

Помимо возможности возникновения психолого-педагогических рисков в языковом образовании появляются и *этические риски* в сфере ИИ, к которым относят:

- 1) необеспечение конфиденциальности и защиты персональных данных пользователей ИИ [Коровникова, 2021; Кряжева, 2024; Holmes W., Miao F., 2023; Hüllermeier, 2025 и др.] — угроза *глобального коннекционизма* [Харабаджа, 2022];

- 2) предложение пользователю псевдоинформативных и фейковых продуктов генеративного ИИ [Сафонова, 2023; Holmes W., Miao F., 2023], в терминологии зарубежных исследователей «галлюцинации ИИ»;

3) наличие случаев дискриминации, ущемления и нарушения прав человека [Шитова, 2022; Holmes W., Miao F., 2023], возникновение даже социальных рисков [Фурс, 2023]: навязывание негативных социальных и культурных стереотипов [Дагген, 2020] в процессе взаимодействия пользователя ИИ и ИИ в силу «пристрастности» заложенного алгоритма в саму технологию ИИ [Фурс, 2023];

4) отсутствие прозрачности, объяснимости алгоритмов, лежащих в основе действий ИИ и ведущих к психолого-педагогическим сбоям, и как следствие неподконтрольность систем искусственного интеллекта [Кузнецов, 2020; Шитова, 2022];

5) наличие случаев рассогласованности этических представлений и технических понятийных систем ИИ [Кузнецов, 2020] в силу наличия существенных исследовательских трудностей в осуществлении процедуры верификации ИИ на соответствие конкретным этическим нормам [Карпов, 2018];

6) возникновение цифрового неравенства [Гельфанд, 2025] — «социальный цифровой разрыв» [Коровникова, 2021].

7) сокрытие сведений о применении технологий ИИ и невозможность осуществления качественного контроля их учебной деятельности [Харабаджа, 2022].

Если для устранения или хотя бы минимизации психолого-педагогических рисков использования ИИ в сфере языкового образования необходимо моделирование способов и содержания взаимодействия преподавателя и студента с ИИ в контексте системного, компетентностного, проблемного, коммуникативно-когнитивного и социокультурного подходов, то для минимизации этических рисков требуется междисциплинарное сотрудничество всех участников, задействованных в сфере ИИ для неукоснительного следования «Кодексу этики в сфере искусственного интеллекта» РФ, устанавливающего общие этические принципы и стандарты проведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере ИИ в своей деятельности, а также механизмы реализации положений настоящего Кодекса¹² и возлагающего социальную и профессиональную ответственность за правомерную деятельность в этой сфере (см. структуру Кодекса на рис. 2). Соответственно это относится и к проектировщикам нормативно-методических основ взаимодействия с ИИ в ЯО, авторов учебной литературы для изучения языков и культур и управленцев, обеспечивающих организацию ЯО и оценивание его качества, чтобы технологии ИИ

---

¹² Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. 2021. URL: <https://digital.avto.ru/-/kodeks-etiki-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 28.10.2025).

в последнем стали «прорывными, а не подрывными», по меткому замечанию С.П. Фурс [2024], в языковом образовании.

При исследовательском поиске путей минимизации образовательных рисков представляется целесообразным понять, какими принципами должны руководствоваться пользователи ИИ в академических целях. Для этого обратимся к лингводидактическому осмыслению Раздела III «Основные принципы развития и использования технологий искусственного интеллекта» Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Что же особенно важно для нас в этом разделе Стратегии?

Во-первых, в нем специально обращается внимание на два подхода: *гуманистический подход* (использование ИИ во благо человека, права и свободы которого должны рассматриваться как высшая ценность¹³) и *риск-ориентированный подход* (уровень). И если в отношении с первым подходом он не только теоретически разработан в лингводидактике, но и практически реализован в обучении ИЯ в РФ, то в отношении второго подхода следует сказать, что он требует глубоких теоретико-экспериментальных исследований в области лингводидактики и лингвокультурной педагогики. Во-вторых, в этом разделе дается перечень принципов с их понятийным толкованием для пользователей и разработчиков ИИ, включающий следующие принципы: *безопасность, уважение автономии и свободы воли человека, недискриминация, ответственность и квалифицированная экспертная оценка*¹⁴. Лимиты объема статьи не позволяют остановиться на трактовке каждого из них, но все же позволим себе обратиться к трактовке *принципа ответственности*, который приобретает исключительное значение в процессе со-изучения языков и культур в современной высшей школе: *не допускается делегирование системам искусственного интеллекта ответственного нравственного выбора (в том числе принятие любых решений, способных оказать влияние на жизнь или здоровье человека), а также делегирование ответственности за последствия принятия решений. Ответственность за все последствия работы систем искусственного интеллекта всегда несет физическое или юридическое лицо, признаваемое субъектом ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации*¹⁵.

---

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124). Национальная стратегия... Раздел III.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

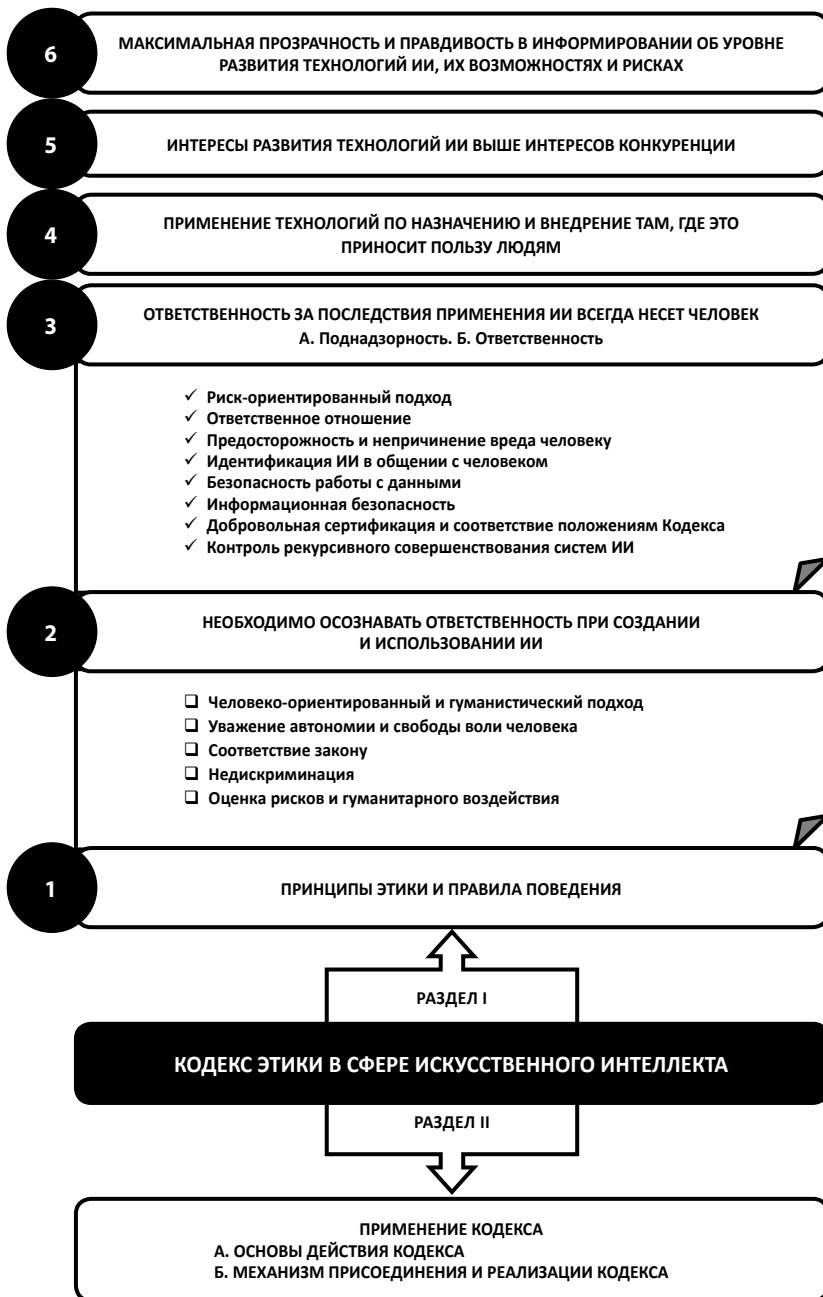

Рис. 2

Безусловно, что все принципы, выдвигаемые в Разделе III Стратегии должны войти в нормативно-правовую базу использования ИИ и в языковом образовании. Другое дело, что они должны быть интегрированы с современными принципами коммуникативного образования средствами со-изучаемых языков и культур (принцип овладения ИЯ в контексте диалога культур и цивилизаций, принцип дидактической целесообразности, принцип создания проблемно-ориентированной образовательной среды, принцип многоуровневости, принцип билингвальности и кросс-культурности, принцип межкультурного учебного и внеучебного сотрудничества, принцип гуманитарного содружества в развитии поликультурного потенциала личности). Лингводидактические осмысление правовых и нормативно-правовых аспектов использования ИИ в высшем образовании создает необходимые предпосылки для последующей разработки нормативно-методических рекомендаций по взаимодействию субъектов языкового образования с ИИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдусаламов Р.А.* Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в сфере высшего образования // Юридический вестник ДГУ. 2024. Т. 52, № 4 (72). С. 135–143.
2. *Авраменко А.П.* Искусственный интеллект в преподавании иностранных языков: учебное пособие. М.: «КДУ», «Добросвет», 2022.
3. *Авраменко А.П., Фадеева В.А., Терновский В.В.* Опыт интеграции технологий искусственного интеллекта в иноязычное высшее образование: от цифровизации к автоматизации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 2. С. 55–67.
4. *Алешина И.В.* Маркетинг университета эпохи цифровой глобализации // Вестник университета. 2021. № 1. С. 20–27.
5. *Арзамасов Ю.Г.* Оптимальная модель правового регулирования в сфере искусственного интеллекта // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2023. № 2 (53). Информационное право. Цифровизация. Искусственный интеллект. С. 135–148.
6. *Борисова Л.Е., Румянцева Е.Н.* Искусственный интеллект в обучении специалистов иностранному языку сегодня и в перспективе // Ученые записки Орловского государственного университета. 2024. № 4 (105). С. 284–286.
7. *Гельфанд А.М., Голубева Г.Ф., Казаков Ю.М., Логвинов Д.В., Савкин С.С.* Использование искусственного интеллекта в образовательном процессе высшей школы // Эргодизайн. 2025. № 1. С. 3–13.
8. *Дагэн С.* Искусственный интеллект в образовании: изменение темпов обучения. // Аналитическая записка ИИТО ЮНЕСКО / под ред. С.Ю. Князева; пер. с англ.: А.В. Паршакова. М.: Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2020.
9. *Иностранные языки в школе.* 2025. № 2. Тема номера: Опыт интеграции искусственного интеллекта в иноязычном образовании. С. 98.

10. Карнов А.М., Готовцев П.М., Ройзензон Г.В. К вопросу об этике и системах искусственного интеллекта // *Философия и общество*. 2018. № 2. С. 84–104.
11. Коровникова Н.А. Искусственный интеллект в образовательном пространстве: проблемы и перспективы // *Социальные новации и социальные науки*. Москва: ИНИОН РАН, 2021. № 2. С. 98–113.
12. Кряжева Е.В., Домбровский Я.А., Нимый С.Ю. Искусственный интеллект как психолого-педагогическая проблема // *Проблемы современного педагогического образования*. 2024. № 85-1. С. 199–202. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-psihologo-pedagogicheskaya-problema> (дата обращения: 28.10.2025).
13. Кузнецов А.Г. Туманности нейросетей: «черные ящики» технологий и наглядные уроки непрозрачности алгоритмов // *Социология власти*. 2020. Т. 32. № 2. С.157–182.
14. Лавренова Е.В. (под ред.) Современная {цифровая} дидактика. Т. 3 / коллектив авторов / МГПУ. Москва: Издательство «Интеллект-Центр», 2024.
15. Маслова Е.А., Самойловская Н.А., Сорокова Е.Д., Чеков А.Д. Регулирование искусственного интеллекта в России: эклектика подходов и акторов // *Сравнительная политика*. 2022. Т. 13. № 4. С. 65–84.
16. Молчанова Г.Г. Когнитивная лингвоэкология и лингвотоксичность: как защитить язык от человека // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2016. № 2. С. 7–14.
17. Николаев А.А., Николаев В.А. Искусственный интеллект: тренды международной научно-публикационной активности // *Управление образованием: теория и практика*. 2025. Т. 15. № 1-1. С. 179–191.
18. Памирский А.Э., Маслова Е.Н., Жирова Е.А., Памирский И.Э. Голохваст К.С. Виртуальные технологии в образовании: проблемы нормативно-правового регулирования // *Профессиональное образование в современном мире*. 2023. Т. 13. № 4. С. 724–735.
19. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 1996.
20. Сафонова В.В. Методика обучения специализированному переводу в высшей школе: актуальные вопросы и направления развития // *Язык. Культура. Перевод. Коммуникация*. Выпуск 6. М.: КДУ, 2025. С. 418–428.
21. Сафонова В.В. Искусственный интеллект стучится в дверь: в какой степени современная лингводидактика готова с ним эффективно взаимодействовать? // *Шатиловские чтения. Научное методическое наследие и перспективы развития иноязычного образования: сборник научных трудов*. Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2023. С. 43–49.
22. Шефиева Э.Ш., Исаева Т.Е. Использование искусственного интеллекта в образовательном процессе высших учебных заведений (на примере обучения иностранным языкам) // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2020. № 10 (78). С. 84–89.
23. Щитова А.А. Правовое регулирование информационных отношений по использованию систем искусственного интеллекта: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2022.
24. Фурс С.П. Искусственный интеллект в сфере образования — помощник педагога или «подрывная» технология? // *Преподаватель XXI век*. 2023. № 1. Ч. 1. С. 40–49.

25. *Харабаджах М.Н.* Преимущества и риски использования искусственного интеллекта в высшем образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-1. С. 295–298.

26. *Цвык В.А., Цвык И.В.* Социальные проблемы развития и применения искусственного интеллекта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 1. С. 58–69.

27. *Aly A.H., Setiadi S., Zuriyati Z.* Exploring AI's Ethical Impact on Teacher-Student Dynamics in English Language Learning // Journal La Edusci. 2025. Vol. 6. No. 1. Pp. 1–16.

28. *Holmes W., Miao F.* Guidance for Generative AI in Education and Research. Paris: UNESCO, 2023.

29. *Hüllermeier E., Krusche St., Kutyniok G.* ChatGPT for Good? On Opportunities and Challenges of Large Language Models for Education // Learning and Individual Differences. 2023. No. 30. Pp. 213–224.

30. *Phillipson R.* Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 1992.

31. *Phillipson R.* Linguistic imperialism continued. New York, NY: Routledge, 2010.

32. *Tsuda Yu.* Language Inequality and Distortion in Intercultural Communication: A Critical Theory Approach. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1986.

Victoria V. Safonova

A LINGUODIDACTIC PERSPECTIVE ON THE REGULATORY AND LEGAL ASPECTS OF USING AI IN TERTIARY LANGUAGE EDUCATION

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; safonova.fll.msu@mail.ru

Abstract. The absence of regulatory frameworks for artificial intelligence (AI) in education negatively impacts AI-supported language education in Russia, resulting in inefficiency and a lack of systemic integration. So, it is crucial to consider the regulatory implications of AI-assisted FLT & FLL. To tackle this issue, what must be done is to evaluate theoretical and applied researches on AI in language education, alongside a linguodidactic analysis of Russian regulations governing AI in education. Current studies indicate that many linguodidactic specialists mostly emphasize the positive aspects of AI in language education while overlooking significant educational risks faced by university teachers and learners interacting with AI for teaching and learning purposes. This paper examines the psychological, pedagogical, educational, and ethical risks associated with AI-driven FLT and FLL. The author's analysis of the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030" highlights important considerations for developers creating a regulatory framework for AI in language education. A scientifically grounded and experimentally validated framework is essential for university settings, ensuring that developers address both the potential benefits of AI tools and the associated psychological, pedagogical, and ethical risks.

Keywords: tertiary education, FLT & FLL, AI, regulatory conceptual framework, psychological, sociocultural, academic & ethical risks, limitations of AI risks

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Safonova V.V. (2026) A linguodidactic perspective on the regulatory and legal aspects of using AI in tertiary language education. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(29), pp. 50–72. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-4 (In Russ.)

About the author: Victoria V. Safonova — Dr. Habil in Pedagogical Sciences, Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; safonova.ffl.msu@mail.ru

REFERENCES

1. Abdusalamov R.A. 2024. Osnovnye napravlenija pravovogo regulirovanija ispol'zovanija iskusstvennogo intellekta v sfere vysshego obrazovanija [The main directions of legal regulation of the use of artificial intelligence in higher education]. *Juridicheskij vestnik DGU*, vol. 52, no. 4 (72), pp. 135–143. (In Russ.)
2. Avramenko A.P. 2022. Iskusstvennyj intellekt v prepodavanii inostrannyh jazykov: uchebnoe posobie [Artificial intelligence in foreign language teaching: a study guide]. M., «KDU», «Dobrosvet». (In Russ.)
3. Avramenko A.P., Fadeeva V.A., Ternovsky V.V. 2024. Opyt integracii tehnologij iskusstvennogo intellekta v inojazychnoe vysshee obrazovanie: ot cifrovizacii k avtomatizacii [Integrating artificial intelligence technologies in foreign language higher education: from digitalization to automation]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 2, pp. 55–67. (In Russ.)
4. Aleshina I.V. 2021. Marketing universiteta jepohi cifrovoj globalizacii [University marketing in an age of digital globalization]. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 20–27. (In Russ.)
5. Arzamasov Ju.G. 2023. Optimal'naja model' pravovogo regulirovanija v sfere iskusstvennogo intellekta [Artificial intelligence: concept, management decision-making capabilities, regulatory models]. *Vestnik VGU. Serija: Pravo*, no. 2 (53), pp. 135–148. (In Russ.)
6. Borisova L.E., Rumjanceva E.N. 2024. Iskusstvennyj intellekt v obuchenii specialistov inostrannomu jazyku segodnja i v perspektive [Artificial intelligence using for foreign language teaching of specialists nowadays and in the future]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (105), pp. 284–286. (In Russ.)
7. Gel'fand A.M., Golubeva G.F., Kazakov Ju.M., Logvinov D.V., Savkin S.S. 2025. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v obrazovatel'nom processe vysshej shkoly [Using artificial intelligence in the educational process of higher education]. *Jergodizajn*, no. 1, pp. 3–13. (In Russ.)
8. Duggan S. 2020. Iskusstvennyj intellekt v obrazovanii: izmenenie tempov obuchenija [AI in education: change at the speed of learning]. In Knjazev S.Ju. (ed.). *Analiticheskaja zapiska IITO JuNESKO* (translated from English by A.V. Parshakov). M., Institut JuNESKO po informacionnym tehnologijam v obrazovanii. (In Russ.)

9. *Inostrannye jazyki v shkole. Tema nomera: Opyt integracii iskusstvennogo intellekta v inojazychnom obrazovanii* [Foreign languages in schools. Main topic of the issue: artificial intelligence integration into foreign-language education]. 2025. No. 2. P. 98. (In Russ.)

10. Karpov A.M., Gotovcev P.M., Rojzenzon G.V. 2018. K voprosu ob jetike i sistemah iskusstvennogo intellekta [On ethics and artificial intelligence systems]. *Filosofija i obshhestvo*, no. 2, pp. 84–104. (In Russ.)

11. Korovnikova N.A. 2021. Iskusstvennyj intellekt v obrazovatel'nom prostanstve: problemy i perspektivy [Artificial intelligence in the modern educational space: problems and prospects]. *Social'nye novacii i social'nye nauki*, Moskva: INION RAN, no. 2, pp. 98–113. (In Russ.)

12. Krjazheva E.V., Dombrovskij Ja.A., Nimyj S.Ju. 2024. Iskusstvennyj intellekt kak psihologo-pedagogicheskaja problema [Artificial intelligence as a psychological and pedagogical problem]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, no. 85-1, pp. 199–202. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyj-intellekt-kak-psihologo-pedagogicheskaja-problema> (accessed: 28.10.2025). (In Russ.)

13. Kuznecov A.G. 2020. Tumannosti nejrosetej: «chernye jashhiki» tehnologij i nagljadnye uroki neprozrachnosti algoritmov [Neural network nebulae: 'black boxes' of technologies and object-lessons from the opacities of algorithms]. *Sociologija vlasti*, vol. 32, no. 2, pp. 157–182. (In Russ.)

14. Lavrenova E.V. (ed.) 2024. *Sovremennaja {cifrovaja} didaktika* [Modern {digital} didactics]. Vol. 3. MGPU. Moskva: Izdatel'stvo «Intelekt-Centr». (In Russ.)

15. Maslova E.A., Samolovskaja N.A., Sorokova E.D., Chekov A.D. 2022. Regulirovanie iskusstvennogo intellekta v Rossii: jeklektika podhodov i aktorov [Regulation of artificial intelligence in Russia: eclecticism of approaches and actors]. *Sravnitel'naja politika*, vol. 13, no. 4, pp. 65–84. (In Russ.)

16. Molchanova G.G. 2016. Kognitivnaja lingvojekologija i lingvotoksichnost': kak zashhitit' jazyk ot cheloveka [Cognitive lingvoecology and lingvotoxicity: how to protect the language from the man?]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 7–14. (In Russ.)

17. Nikolaev A.A., Nikolaev V.A. 2025. Iskusstvennyj intellekt: trendy mezh-dunarodnoj nauchno-publikacionnoj aktivnosti [Artificial intelligence: trends in international scientific publishing activity]. *Upravlenie obrazovaniem: teorija i praktika*, vol. 15, no. 1-1, pp. 179–191. (In Russ.)

18. Pamirskij A.Je., Maslova E.N., Zhirova E.A., Pamirskij I.Je. Golohvast K.S. 2023. Virtual'nye tehnologii v obrazovanii: problemy normativno-pravovogo regulirovanija [Virtual technologies in education: problems of legal regulation]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*, vol. 13, no. 4, pp. 724–735. (In Russ.)

19. Safonova V.V. 1996. *Izuchenie jazykov mezh-dunarodnogo obshhenija v kontekste dialoga kul'tur i civilizacij* [The study of international languages within the dialogue of cultures and civilizations]. Voronezh, Istoki. (In Russ.)

20. Safonova V.V. 2025. Metodika obuchenija specializirovannomu perevodu v vysshej shkole: aktual'nye voprosy i napravlenija razvitija [Methodology of teaching specialized translation in tertiary education: critical issues & development perspectives]. In *Jazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikacija. Vypusk 6* [Language. Culture. Translation. Communication. Vol. 6], M., KDU, pp. 418–428. (In Russ.)

21. Safonova V.V. 2023. Iskusstvennyj intellekt stuchitsja v dver': v kakoj stepeni sovremennaja lingvodidaktika gotova s nim jeffektivno vzaimodejstvovat'? [Artifi-

cial intelligence is knocking on the door: to what extent is modern linguodidactics prepared to interact effectively with it?]. In *Shatilovskie chtenija. Nauchnoe metodicheskoe nasledie i perspektivy razvitiya inozazychnogo obrazovanija: sbornik nauchnyh trudov* [Shatilov Readings. Scientific and Methodological Legacy and Prospects for the Development of Foreign Language Education: a collection of research papers], Saint Petersburg, POLITEH-PRESS, pp. 43–49. (In Russ.)

22. Shefieva Je.Sh., Isaeva T.E. 2020. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v obrazovatel'nom processe vysshih uchebnyh zavedenij (na primere obuchenija inostrannym jazykam) [The use of artificial intelligence in the educational process of higher educational institutions (on the example of foreign languages teaching)]. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika*, no. 10 (78), pp. 84–89. (In Russ.)

23. Shhitova A.A. 2022. *Pravovoe regulirovanie informacionnyh otnoshenij po ispol'zovaniju sistem iskusstvennogo intellekta: avtoreferat dissertacii na soiskanie uche-noj stepeni kandidata juridicheskikh nauk* [Legal regulation of informational relations concerning the use of artificial intelligence systems]. Moscow. (In Russ.)

24. Furs S.P. 2023. Iskusstvennyj intellekt v sfere obrazovanija — pomoshhnik pedagoga ili «podryvnaja» tehnologija? [Artificial intelligence in education — teacher's assistant or disruptive technology?]. *Prepodavatel' XXI vek*, no. 1, part 1, pp. 40–49. (In Russ.)

25. Harabadzah M.N. 2022. Preimushhestva i riski ispol'zovanija iskusstvennogo intellekta v vysshem obrazovanii Advantages and risks of using artificial intelligence in higher education]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija*, no. 77-1, pp. 295–298. (In Russ.)

26. Cvyk V.A., Cvyk I.V. 2022. Social'nye problemy razvitiya i primenenija iskusstvennogo intellekta [Social issues in the development and application of artificial intelligence]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija*, vol. 22, no. 1, pp. 58–69. (In Russ.)

27. Aly A.H., Setiadi S., Zuriyati Z. 2025. Exploring AI's Ethical Impact on Teacher-Student Dynamics in English Language Learning. *Journal La Edusci*, vol. 6, no. 1, pp. 1–16.

28. Holmes W., Miao F. 2023. *Guidance for Generative AI in Education and Research*. Paris: UNESCO.

29. Hüllermeier E., Krusche St., Kutyniok G. 2023. ChatGPT for Good? On Opportunities and Challenges of Large Language Models for Education. *Learning and Individual Differences*, no. 30, pp. 213–224.

30. Phillipson R. 1992. *Linguistic Imperialism*. Oxford: Oxford University Press.

31. Phillipson R. 2010. *Linguistic imperialism continued*. New York, NY: Routledge.

32. Tsuda Yu. 1986. *Language Inequality and Distortion in Intercultural Communication: A Critical Theory Approach*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins.

Статья поступила в редакцию 03.11.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025;
принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 03.11.2025;
approved after reviewing 05.12.2025;
accepted for publication 15.12.2025.

Е.В. Воевода¹, А.А. Корнев²

МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ И РАЗВИТИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия; elenavoevoda@yandex.ru

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; studywithkorenev@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена разработке модели профессионально ориентированной языковой подготовки и развития преподавателей иностранного языка. Актуальность исследования обусловлена потребностью в повышении качества педагогического образования в России, что отражено в национальных образовательных проектах и концепциях. Авторы анализируют существующие подходы к подготовке педагогов, выделяя ключевые проблемы, такие как неравномерность качества подготовки и отсутствие единых подходов к ее реализации.

Предлагаемая модель включает пять основных блоков: нормативно-целеполагающий, методологический, содержательно-технологический, компетентностный и результативный. Нормативно-целеполагающий блок базируется на государственных образовательных стандартах и профессиональных стандартах педагога. Методологический блок опирается на личностно-деятельностный, междисциплинарный, компетентностный, коммуникативный, интегративно-рефлексивный, социокультурный и стратегический подходы. Компетентностный блок определяет базовые профессиональные компетенции языкового педагога, такие как общепедагогическая, лингводидактическая, коммуникативная, управленческая, научно-исследовательская и самообразовательная. Особое внимание уделяется профессионально-коммуникативным педагогическим стратегиям, которые рассматриваются как ключевой элемент содержания обучения. Содержательно-технологический блок включает учебно-ресурсный модуль

Воевода Елена Владимировна — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогической культуры и управления в образовании МГИМО МИД России; elenavoevoda@yandex.ru

Корнев Алексей Александрович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова; studywithkorenev@gmail.com

с программами дисциплин и повышения квалификации, а также методы и формы лично-ориентированного и смешанного обучения. Подчеркивается важность единого оценочного инструментария для сопоставления уровня подготовки студентов и действующих педагогов.

Результативность модели направлена на увеличение числа языковых педагогов с развитой профессионально-коммуникативной компетентностью, что, в свою очередь, должно способствовать повышению качества педагогического общения в стране. Опыт реализации модели в ряде ведущих вузов России подтверждает возможность ее широкого внедрения.

Ключевые слова: профессионально-коммуникативная компетенция, профессионально-коммуникативные стратегии, базовые профессиональные компетенции, языковой педагог, студенты лингводидактических профилей подготовки, компетентный подход, высшее педагогическое образование, дополнительное профессиональное образование

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-5

Для цитирования: Воевода Е.В., Корнев А.А. Модель профессионально ориентированной языковой подготовки и развития преподавателя иностранного языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 1. С. 73–85. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-5

Подготовка квалифицированных педагогов — ключевая задача трансформации российского образования. Национальный проект «Образование» (2019–2024) фокусировался на повышении квалификации и развитии компетенций учителей для современной образовательной среды. Российское образование последние 20 лет претерпевает изменения, включая обновление нормативной базы, систем оценивания и переход к новой модели высшего образования, что требует актуализации содержания и технологий высшего педагогического образования. Государственная программа «Развитие образования» до 2030 года направлена на создание современной системы подготовки педагогов, способных обеспечить образование высококвалифицированными кадрами¹. Концепция подготовки педагогических кадров до 2030 года выявляет следующие проблемы: неравномерное качество подготовки, недостаток исследований реальной педагогической деятельности выпускников педагогических профилей, несоответствие подготовки запросам отрасли и дефицит

---

¹ Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования»: стратегические приоритеты в сфере реализации до 2030 года (в ред. Постановления Правительства РФ от 07.10.2021 № 1701). URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/05b30ecb539745f84f0cd78bced92696/download/6140/> (дата обращения: 12.04.2025).

квалифицированных педагогических кадров², что требует единых подходов к оценке качества и повышению качества педагогического образования.

Стоит отметить, что в вопросах подготовки учителей и преподавателей за последнее время было проведено несколько важных исследований, описывающих профессиональную деятельность педагога в терминах компетенций, что позволяет использовать полученные результаты при создании стандартов нового поколения в рамках происходящей реформы российского высшего образования. В 2021 году исследователями из МГПУ была актуализирована и дополнена профессиограмма учителя иностранного языка [Бердичевский, Тарева, Языкова, 2021], составленная на базе более ранней профессиограммы С.Ф. Шатилова, К.И. Соломатова и Е.С. Рабунского [Шатилов, Соломатов, Рабунский, 1985]. В 2022 г. была опубликована статья С.В. Титовой «Карта компетенций преподавателя иностранных языков в условиях цифровизации образования», в которой обозначены целевые компетенции развития языкового педагога, которые далее были более подробно раскрыты в монографии «Карта компетенций педагога иностранных языков в условиях цифровизации образования» [Титова, 2023]. В том же году свое видение профессиограммы преподавателя иностранного языка представил коллектив исследователей МГИМО [Воевода, 2023]. Значимый вклад в исследование профессионально ориентированной языковой подготовки был также сделан в работах В.В. Сафоновой [Сафонова, 2023; Сафонова, 2024]. Предыдущие исследования также позволили путем анализа нормативных документов уточнить иерархию компонентов обучения в рамках компетентного подхода [Коренев, Гулов, Касаткин, 2025], выделив и обосновав профессионально-коммуникативные педагогические стратегии как компонент профессионально ориентированной языковой подготовки преподавателя иностранного языка [Коренев, 2023], определить основные профессионально коммуникативные задачи, решаемые языковыми педагогами в классе [Коренев, Михайлова, 2019] и вне класса [Korenev, Gulov, Kasatkin, 2025] и отразить происходящие в рамках развития коммуникативного подхода изменения концептуализации результатов обучения применительно к формированию

---

² Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 июня 2022 г. № 1688-п // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://static.government.ru/media/files/5hVUIZX2JMcPrHojqfohMeoToZAwA5.pdf> (дата обращения: 27.04.2025).

и развитию профессионально-коммуникативной компетенции студентов лингводидактических профилей подготовки [Коренев, 2022]. Таким образом, проведенные ранее исследования позволили создать научную базу для создания модели профессионально ориентированной языковой подготовки и развития учителей и преподавателей иностранного языка (эмпирические данные также позволили рассмотреть их как единую профессиональную группу — языковых педагогов, так как показали значительное совпадение решаемых ими профессионально-коммуникативных задач, а также то, что более половины опрошенных в рамках предыдущих исследований преподавателей иностранного языка также осуществляют педагогическую деятельность и на уровнях общего образования [Korenev, Gulov, Kasatkin, 2025]).

Предлагаемая структурно-функциональная модель профессионально-коммуникативной подготовки и развития языкового педагога включает пять основных блоков: нормативно-целеполагающий, методологический, содержательно-технологический, компетентностный и результативный и включает основные компоненты профессионально ориентированной языковой подготовки студентов лингводидактических профилей подготовки (профиль «Методика обучения иностранным языкам и культурам» по направлению подготовки «Лингвистика» и профиль «Иностранный язык» по направлению подготовки «Педагогическое образование») и профессионально-коммуникативного развития языковых педагогов в системе дополнительного профессионального образования.

Нормативно-целеполагающий блок модели базируется на основных документах, описывающих цели и содержания педагогического образования. Актуальность разработки модели профессионально ориентированной языковой подготовки будущих учителей и преподавателей иностранных языков обусловлена необходимостью устранения дисбаланса в качестве и условиях подготовки педагогических кадров, выявленного в Концепции подготовки педагогических кадров³, а также отсутствием единых подходов к оценке ее качества. Создание единой системы языковой подготовки и непрерывного развития профессионально-коммуникативной компетентности педагогических работников сферы языкового образования

---

³ Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 июня 2022 г. № 1688-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://static.government.ru/media/files/5hVUIZX2JMcPrHoJqfohMeoToZAwtA5.pdf> (дата обращения: 27.04.2025).

продиктовано положениями государственной программы «Развитие образования» до 2030 г.», предусматривающей возможности для повышения профессионального мастерства педагогов на протяжении всей карьеры⁴. Использование единой модели профессионально-коммуникативной подготовки педагогов также созвучно идеям проекта «Ядро высшего педагогического образования»⁵. Изучение ФГОС ВО и ОС МГУ по направлениям подготовки «Лингвистика» и «Педагогическое образование» также показало, что реализация базовых профессиональных компетенций происходит через коммуникативную деятельность, а следовательно, требует сформированности профессионально-коммуникативной компетентности языкового педагога [Корнев, Гулов, Касаткин, 2025].

В исследовании формирования и развития профессионально-коммуникативной компетентности языковых педагогов в качестве нормативной базы использовались профессиональные стандарты «Педагог» (для уровней дошкольного, начального, основного и среднего общего образования) и «Педагог дополнительного образования детей и взрослых». Отсутствие на момент написания статьи профессионального стандарта для преподавателей высшей школы обуславливает необходимость его учета в нормативно-целеполагающем блоке модели формирования и развития профессионально-коммуникативной компетентности языкового педагога в случае его принятия в будущем. Целью профессионально ориентированной языковой подготовки является формирование (на уровне высшего образования) и дальнейшее развитие (в системе дополнительного профессионального образования) профессионально-коммуникативной компетентности языкового педагога. Целевой аудиторией модели выступают студенты лингводидактических профилей подготовки (направления «Педагогическое образование» и «Лингвистика») и практикующие учителя/преподаватели иностранного языка (уровень ДПО).

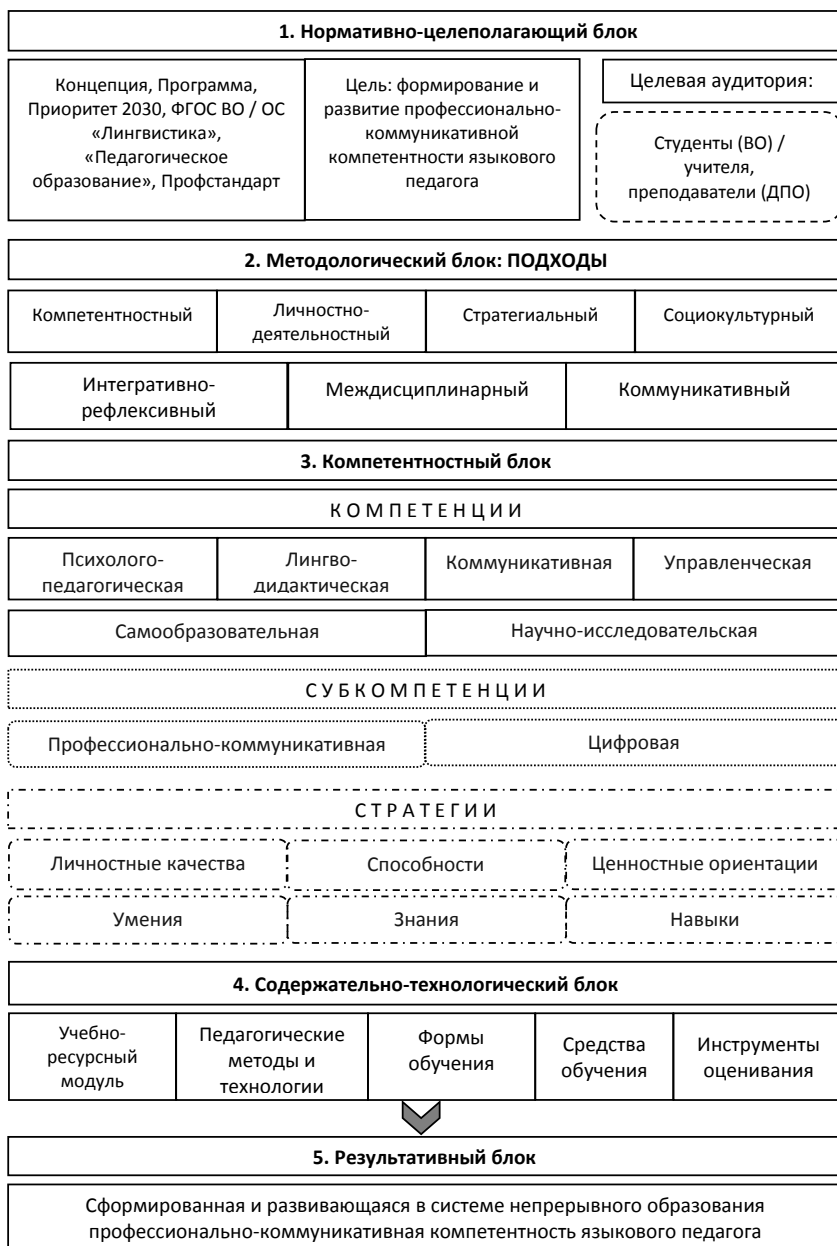
⁴ Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования»: стратегические приоритеты в сфере реализации до 2030 года (в ред. Постановления Правительства РФ от 07.10.2021 № 1701). URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/05b30ecb539745f84f0cd78bcd92696/download/6140/> (дата обращения: 12.04.2025).

⁵ Методические рекомендации по подготовке педагогических кадров на основе единых подходов к их структуре и содержанию образовательных программ высшего образования (уровень бакалавриата и (или) базового высшего образования) («Ядро высшего педагогического образования»): одобрено Коллегией Министерства просвещения Российской Федерации 29 сентября 2023 года. URL: <https://arkpro.ru/proekty/yadro-vysshego-pedagogicheskogo-obrazovaniya/> (дата обращения: 23.07.2025).

Методологический блок модели определяет ключевые подходы, лежащие в основе профессионально-коммуникативной подготовки и развития языковых педагогов. Личностно-деятельностный подход, рассматривающий педагога как целостную личность и интерпретирующий ее развитие через коммуникативную деятельность, является основополагающим для данной модели. Остальные подходы, представленные в методологическом блоке, базируются на принципах личностно-ориентированного подхода. Важнейшими инструментами реализации личностно-ориентированного подхода в рамках модели выступают диагностическое оценивание (включая самооценивание) и систематическая профессионально ориентированная рефлексия. Междисциплинарный подход позволяет комбинировать основные достижения лингвистики, педагогики, теории управления, психологии и философии при определении технологии и содержания профессионально ориентированной языковой подготовки педагогов. Компетентностный подход, доминирующий в современном высшем образовании, определяет цели и результаты образования в соответствующих терминах. Важнейшие принципы данного подхода для предлагаемой модели: формулирование целей на основе эффективного решения реальных профессионально-коммуникативных задач и критериальное оценивание результатов. Спецификация целевых элементов компетенций, модульность обучения, регулярный пересмотр программ и валидность результатов оценивания обеспечивают развитие модели. Коммуникативный подход, являясь ведущим в языковом образовании, нацелен на развитие плюрилингвальной коммуникативной компетентности личности. Модель базируется на принципах коммуникативной направленности, ситуативности, учета родного языка, интеграции и дифференциации. Интегративно-рефлексивный подход обеспечивает единство методической и языковой подготовки на уровнях высшего и дополнительного профессионального образования. Профессионально ориентированная рефлексия рассматривается как источник информации о развитии личности в педагогическом взаимодействии и как инструмент саморазвития, осознания ответственности за профессиональный рост и развитие профессионально-коммуникативной компетентности. В рамках модели рефлексия выступает как профессионально-коммуникативная задача и стратегия, обеспечивающая реализацию различных компетенций, а также как учебное задание и формат оценивания. Социокультурный подход рассматривает профессионально ориентированную коммуникацию языковых педагогов в контексте социально-политических

процессов и подчеркивает значимость базовых ценностей. Преподаватель иностранного языка, находясь на пересечении культур, должен осознанно выбирать и транслировать ценностные ориентации в соответствии с динамичным контекстом профессиональной деятельности. Наконец, стратегический подход, лежащий в основе профессионально ориентированной языковой подготовки, интегрирует положения личностно-деятельностного, компетентностного, социокультурного, коммуникативного и интегративно-рефлексивного подходов. Данный подход переносит акцент с знаний и умений на универсальные профессионально-коммуникативные педагогические стратегии, позволяющие педагогу реализовывать схожие алгоритмы решения задач, оценивая личностные ресурсы, комбинируя их и развивая при необходимости.

Компетентностный блок модели базируется на базовых профессиональных компетенциях языкового педагога: общепедагогической, лингводидактической, коммуникативной, управленческой, научно-исследовательской и самообразовательной, выделение которых было обосновано в предыдущих публикациях [Коренев, Гулов, Касаткин, 2025]. Их реализацию в современном контексте обеспечивают профессионально-коммуникативная (на стыке коммуникативной и остальных компетенций) и цифровая (пронизывающая все аспекты деятельности) субкомпетенции. Их рассмотрение именно на уровне субкомпетенций обусловлено современным контекстом профессиональной деятельности, в котором ни один из видов профессиональной деятельности не может быть реализован без сформированных профессионально-коммуникативных и цифровых знаний, навыков и умений. Ключевой инновацией модели также является рассмотрение профессионально-коммуникативных педагогических стратегий как элемента содержания обучения на уровне между субкомпетенцией и умениями. В рамках профессионально-коммуникативной деятельности педагога была выделена 31 стратегия. Все стратегии были разделены на группы в соответствии с выделяемыми коммуникативными видами деятельности: лингвистические (использование фонетических средств для достижения поставленных педагогических целей; оценивание, коррекция и саморазвитие фонологического, грамматического и лексического аспектов собственной педагогической речи; лексическая и грамматическая вариативность, гибкость и адаптация собственной педагогической речи для достижения профессионально-коммуникативных целей), рецептивные (стратегии работы с нормативными документами и должностными инструкциями; стратегии самораз-

Рис. 1. Модель формирования и развития профессионально-коммуникативной компетентности языкового педагога

вития; стратегии анализа получаемой от обучающихся информации; стратегии отбора текстовых и аудио/видео материалов для обучения иностранному языку и др.), интерактивные (стратегии организации деятельности обучающихся, стратегии активизации познавательной деятельности обучающихся, стратегии коррекции и педагогической обратной связи, стратегии построения доверительных взаимоотношений с каждым обучающимся, предотвращения и преодоления конфликтов; стратегии трудоустройства и выстраивания продуктивных взаимоотношений с коллегами), медиативные (стратегии визуализации и презентации целевого содержания обучения; стратегии адаптации педагогической речи, медиации концепций и медиации общения), продуктивные (стратегии рефлексии, публичной речи, сюжетности и предоставления развернутой письменной обратной связи). Графически модель представлена на рисунке 1.

Содержательно-технологический блок модели включает учебно-ресурсный модуль, состоящий из рабочих программ дисциплин (ВО) и программ повышения квалификации и обучения на рабочем месте (ДПО). Опыт реализации модели в МГУ имени М.В. Ломоносова и ряде других вузов демонстрирует динамическое развитие блока, обусловленное академической обратной связью. Созданы универсальные образовательные ресурсы, доступные студентам и педагогам, включая массовые открытые онлайн-курсы. Выбор методов и форм обучения определяется технологиями личностно-ориентированного и смешанного обучения, а также технологией обучения в сотрудничестве. Это обусловлено необходимостью формирования профессионально-коммуникативной компетентности в субъект-субъектной парадигме, осознания (будущим) педагогом ответственности за собственное коммуникативное поведение, эффективным использованием ограниченных ресурсов и ориентацией на взаимодействие в педагогическом и студенческом коллективе. Модульность и гибкость позволяют реализовать блок в высшем педагогическом образовании в специализированных курсах, учебных практиках или в рамках семинаров по методике обучения иностранным языкам. Специально созданным для этих целей средством обучения является УМК «Английский для учителей английского языка», включающий учебник, методическое пособие для преподавателя и обучающую онлайн-среду. В рамках дополнительного образования такие формы, как видеолекции, тренинги, мастер-классы, онлайн-тренажеры, деловые игры, симуляции, семинары используются как отдельно, так и в рамках целостных курсов повышения квалификации.

Таким образом, нормативно-целеполагающий, методологический, компетентностный и содержательно-технологический блоки обеспечивают результативность модели, направленной на увеличение числа языковых педагогов, обладающих сформированной, осознанной и развивающейся профессионально-коммуникативной компетентностью. Увеличение количества таких педагогов должно позволить решить некоторые из поставленных в Концепции развития российского образования задач, а также в целом повысить качество педагогического общения в нашей стране. В настоящий момент обучение по данной модели строится в нескольких ведущих российских вузах, среди которых МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО, СПбГУ, НГЛУ, БГУ имени академика И.Г. Петровского и другие. Консолидация усилий представителей ведущих вузов страны по повышению качества профессионально-коммуникативной подготовки и развития языковых педагогов должна позволить российской системе высшего педагогического образования сохранить лидирующие позиции по данному направлению исследований в международном образовательном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердичевский А.Л., Тарева Е.Г., Языкова Н.В. Профессиограмма современного учителя иностранного языка. М.: ФЛИНТА, 2021.
2. Воевода Е.В., Чигашева М.А., Тимченко М.В., Крячков Д.А., Махмутова Е.Н., Евтеев С.В., Баукова М.А. Моделирование профессиограммы преподавателя иностранного языка в вузе международного профиля // МНКО. 2023. № 6 (103). С. 254–260.
3. Корнев А.А., Гулов А.П., Касаткин П.И. Представление основных видов профессиональной деятельности языкового педагога в компетенциях выпускников лингводидактических профилей подготовки // Концепт. 2025. № 5. URL: <https://e-koncept.ru/2025/251081.htm>. DOI: 10.24412/2304-120X-2025-11081 (дата обращения: 25.10.2025)
4. Титова С.В. Карта компетенций преподавателя иностранных языков в условиях цифровизации образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 5. С. 133–149.
5. Сафонова В.В. Лингвокультурные основы формирования билингвальной риторической и полемической компетенций у студентов магистратуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 9–24.
6. Сафонова В.В. Медиативная подготовка в лингвокультурном образовании российской академической элиты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 4. С. 50–67.
7. Корнев А.А. Коммуникативные виды деятельности как часть профессионально-коммуникативной компетенции языкового педагога // Вестн.

Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 152–163.

8. Корнев А.А. Профессионально-коммуникативные стратегии как компонент содержания языкового образования при подготовке будущих учителей и преподавателей иностранного языка // Рема. 2023. № 3. С. 97–121.

9. Корнев А.А., Михайлова А.М. Профессионально-коммуникативная компетенция учителя английского языка в классе: описание и развитие // Иностранные языки в школе. 2019. № 3. С. 16–28.

10. Титова С.В., Басова И.А., Корнев А.А., Маринина Е.В., Сафонова В.В., Сысоев П.В., Тарева Е.Г., Харламенко И.В. Карта компетенций педагога иностранных языков в условиях цифровизации образования. М.: Эдитус Москва, 2023.

11. Шатилов С.Ф., Соломатов К.И., Рабунский Е.С. Профессиограмма учителя иностранного языка. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1985.

12. Korenev A.A., Gulov A.P., Kasatkin P.I. Beyond Classroom Language: Language Teacher's Communicative Tasks Outside the Classroom in Russia, China, Indonesia, the US and the UK // Perspectives of Science and Education. 2025. No. 4(76). Pp. 10–20. DOI: 10.32744/pse.2025.4.1.

Elena V. Voevoda, Alexey A. Korenev

PROFESSIONALLY ORIENTED LANGUAGE TRAINING MODEL FOR PRE-SERVICE AND IN-SERVICE LANGUAGE TEACHERS

MGIMO University, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
elenavoevoda@yandex.ru, studywithkorenev@gmail.com

Abstract. This article focuses on the development of a model for professionally-oriented language training and development of foreign language teachers. The relevance of the research is explained by the need to improve the quality of pedagogical education in Russia, as reflected in national educational projects and concepts. The authors analyze existing approaches to teacher training, highlighting key problems such as uneven quality of training and lack of shared approaches to its implementation.

The proposed model includes five main blocks: normative-goal-setting, methodological, content-technological, competence-based, and result-oriented. The normative-goal-setting block is based on state educational standards and professional teacher standards. The methodological block relies on action-oriented, interdisciplinary, competence-based, communicative, integrative-reflective, socio-cultural, and strategic approaches. The competence-based block defines the basic professional competencies of a language teacher, such as general pedagogical, linguodidactic, communicative, managerial, research, and self-educational. Special attention is paid to professional communicative pedagogical

strategies, which are considered a key element of the learning content. The content-technological block includes a learning resource module with programs of disciplines and advanced training, as well as methods and forms of personality-oriented and blended learning. The importance of a unified assessment toolkit for comparing the level of training of students and practicing teachers is emphasized.

The effectiveness of the model is aimed at increasing the number of language teachers with developed professional communicative competence, which, in turn, should contribute to improving the quality of pedagogical communication in the country. The experience of implementing the model in a number of leading universities in Russia confirms its potential for further implementation.

Keywords: professional communicative competence, professional communicative strategies, core professional competencies, language educator, pre-service language teachers, competence-based approach, teacher education, continuing professional development

For citation: Voevoda E.V., Korenev A.A. (2026) Professionally oriented language training model for pre-service and in-service language teachers. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(29), pp. 73–85. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-5 (In Russ.)

About the authors:

Elena V. Voevoda — Dr. Habil. in Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogical Culture and Management in Education, MGIMO University; elenavoevoda@yandex.ru

Alexey A. Korenev — Ph.D. in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Theory of Foreign Language Teaching, Faculty of Foreign Language and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; studywithkorenev@gmail.com

REFERENCES

1. Berdichevskiy A.L., Tareva E.G., Yazykova N.V. 2021. *Professiogramma sovremennogo uchitelya inostrannogo yazyka* [Professiogram of a Modern Foreign Language Teacher]. M., FLINTA. (In Russ.)
2. Voevoda E.V., Chigasheva M.A., Timchenko M.V., Kryachkov D.A., Makhmutova E.N., Evteev S.V., Baukova M.A. 2023. Modelirovanie profессиogrammy prepodavatelya inostrannogo yazyka v vuze mezhdunarodnogo profilya [Modeling the Professiogram of a Foreign Language Teacher at the University of International Relations Profile]. *MNKO*, no. 6 (103), pp. 254–260. (In Russ.)
3. Korenev A.A., Gulov A.P., Kasatkin P.I. 2025. Predstavlenie osnovnykh vidov professional'noy deyatelnosti yazykovogo pedagoga v kompetentsiyakh vypusknikov lingvodidakticheskikh profiley podgotovki [Presentation of the main types of professional activity of a language teacher in the competencies of graduates of linguodidactic training profiles]. *Kontsept*, no. 5. URL: <https://e-koncept.ru/2025/251081.htm>. DOI: 10.24412/2304-120X-2025-11081. (accessed: 25.10.2025). (In Russ.)

4. Titova S.V. 2022. Karta kompetentsiy prepodavatelya inostrannykh yazykov v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya [Competence Map of a Foreign Language Teacher in the Context of Digitalization of Education]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, vol. 31, no. 5, pp. 133–149. (In Russ.)
5. Safonova V.V. 2023. Lingvokul'turnye osnovy formirovaniya bilingval'noy ritoricheskoy i polemicheskoy kompetentsiy u studentov magistratury [Linguocultural Foundations of the Formation of Bilingual Rhetorical and Polemical Competencies in Master's Students]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 9–25. (In Russ.)
6. Safonova V.V. 2024. Mediativnaya podgotovka v lingvokul'turnom obrazovanii rossiyskoy akademicheskoy elity [Mediative training in the linguocultural education of the Russian academic elite]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 4, pp. 50–67. (In Russ.)
7. Korenev A.A. 2022. Kommunikativnye vidy deyatel'nosti kak chast' professional'no-kommunikativnoy kompetentsii yazykovogo pedagoga [Communicative activities as part of the professional communicative competence of a language teacher]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 152–163. (In Russ.)
8. Korenev A.A. 2023. Professional'no-kommunikativnye strategii kak komponent soderzhaniya yazykovogo obrazovaniya pri podgotovke budushchikh uchiteley i prepodavateley inostrannogo yazyka [Professional communicative strategies as a component of the content of language education in the training of future teachers and professors of a foreign language]. *Rhema*, no. 3, pp. 97–121. (In Russ.)
9. Korenev A.A., Mikhaylova A.M. 2019. Professional'no-kommunikativnaya kompetentsiya uchitelya angliyskogo yazyka v klasse: opisanie i razvitiye [Professional communicative competence of an English teacher in the classroom: description and development]. *Inostrannye yazyki v shkole*, no. 3, pp. 16–28. (In Russ.)
10. Titova S.V., Basova I.A., Korenev A.A., Marinina E.V., Safonova V.V., Sysoev P.V., Tareva E.G., Kharlamenko I.V. 2023. *Karta kompetentsiy pedagoga inostrannykh yazykov v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya* [Competence Map of a Foreign Language Teacher in the Context of Digitalization of Education]. M., Editus Moskva. (In Russ.)
11. Shatilov S.F., Solomatov K.I., Rabunskiy E.S. 1985. *Professiogramma uchitelya inostrannogo yazyka* [Professiogram of a Foreign Language Teacher]. L., LGPI im. A.I. Gertsena. (In Russ.)
12. Korenev A.A., Gulov A.P., Kasatkin P.I. 2025. Beyond Classroom Language: Language Teacher's Communicative Tasks Outside the Classroom in Russia, China, Indonesia, the US and the UK. *Perspectives of Science and Education*, no. 4(76), pp. 10–20. DOI: 10.32744/pse.2025.4.1.

Статья поступила в редакцию 30.10.2025;
одобрена после рецензирования 06.12.2025;
принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 30.10.2025;
approved after reviewing 06.12.2025;
accepted for publication 15.12.2025.

И.А. Басова, А.В. Толстухин, А.И. Щедромирская

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ У БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; irinaffl@mail.ru, alexei.tolstukhin@gmail.com,
annakolushkina@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению вопросов формирования специальных компетенций, необходимых для работы с цифровыми библиотеками, у обучающихся в бакалавриате и магистратуре по направлению «Культурология». В условиях цифровизации российского образовательного и культурного пространства встает вопрос формирования соответствующих компетенций у студентов — будущих специалистов в области репрезентации культурного наследия. Анализ национального проекта «Культура» показал, что одной из наиболее важных и актуальных задач является оцифровка и пополнение электронных библиотек. Однако помимо работы с цифровым копиями объектов культурного наследия, современные специалисты должны быть готовы работать и с теми объектами, которые изначально имеют цифровую природу. В связи с этим актуальным становится создание новых форматов систематизации и реконструкции информации об объектах культуры. Наиболее популярным инструментом для этого являются цифровые библиотеки, работая с которыми невозможно обойтись без дополнения профессиональных компетенций составляющими информационно-коммуникационной компетенции. Кроме этого, ИКТ-компетенция, развитая через взаимодействие с цифровыми библиотеками, помогает реализовывать личные проекты по созданию собственной базы

Басова Ирина Анатольевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; irinaffl@mail.ru

Толстухин Алексей Вадимович — старший преподаватель, заведующий лабораторией информационных систем в гуманитарном образовании философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; alexei.tolstukhin@gmail.com

Щедромирская Анна Игоревна — преподаватель кафедры лингвистики и информационных технологий факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; annakolushkina@gmail.com

© Басова И.А., Толстухин А.В., Щедромирская А.И., 2026

знаний. В заключение делается вывод о целесообразности включения ИКТ-компетенции как самостоятельной компетенции в перечень профессиональных компетенций и необходимости разработки курса, направленного на формирование составляющих этой компетенции, необходимых для работы с электронными библиотеками.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые библиотеки, ИКТ-компетенция, культурное наследие, культурология

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-6

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» (проект № 23-Ш02-05 «Цифровые технологии в культуре»).

Для цитирования: Басова И.А., Толстухин А.В., Щедромирская А.И. Формирование профессиональных и информационно-коммуникационной компетенций у будущих специалистов в области репрезентации культурного наследия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 1. С. 86–98. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-6

Процессы цифровизации в России и мире затрагивают все сферы человеческой деятельности — общественно-социальную, экономическую, политическую, а также сферы образования и культуры. Под цифровизацией понимают «совокупность последовательных актов в различных сферах жизнедеятельности, применяемых с целью улучшения качества и повышения эффективности определенных процессов при помощи цифровых технологий» [Соленая, Яковлева, 2023].

Одним из многих примеров цифровизации в современной России может служить разработка и реализация с 1 января 2019 года национального проекта «Культура», подготовленного в соответствии с указом Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹. Данный национальный проект включает в себя три направления — федеральные проекты «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура».

В задачи федерального проекта «Культурная среда»² входят создание культурно-образовательных и музейных комплек-

¹ Национальный проект «Культура», URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/> (дата обращения: 15.04.2024)

² Федеральный проект «Обеспечение качественно нового уровня развития инфраструктуры культуры» («Культурная среда»), URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/cultural-environment> (дата обращения: 15.04.2024)

сов, реновация и модернизация учреждений отраслей культуры, школ и др. К задачам федерального проекта «Творческие люди»³ относится преимущественно создание условий для укрепления гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации, а также поддержка талантливой молодежи, подготовка кадров для культурной отрасли и т.д. Особый интерес представляет федеральный проект «Цифровая культура»⁴, задачей которого является обеспечить широкое внедрение цифровых технологий в культурное пространство страны.

Срок реализации данного федерального проекта составлял 5 лет (с 1 января 2019 года по 31 декабря 2024 года) и уже подошел к своему логическому завершению, что позволяет сделать определенные выводы о том, насколько внедрение цифровых технологий в культурное пространство страны оказалось успешным. Разработчики, кураторы и руководители проекта неоднократно подчеркивают необходимость создания условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций.

Анализ паспорта федерального проекта «Цифровая культура» (полное наименование — «Цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры») позволил определить, что внедрение цифровых технологий в сферу культуры заключается в следующем:

- организация онлайн-трансляций мероприятий, размещаемых на портале Культура.РФ;
- открытие виртуальных концертных залов в 500 городах РФ для повышения доступа жителей Российской Федерации к произведениям филармонической музыки;
- создание мультимедиа-гидов, которые позволят музеям и выставочным пространствам взаимодействовать со своими посетителями и рассказывать об объектах культурного наследия в формате дополненной реальности;
- перевод фильмовых материалов в цифровой формат;

---

³ Федеральный проект «Создание условий для реализации творческого потенциала нации» («Творческие люди»), URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/creative-people/> (дата обращения: 15.04.2024)

⁴ Федеральный проект «Цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры» («Цифровая культура»), URL: https://culture.gov.ru/upload/mkrf/mkdocs2023/FP_Cifrovaya_kultura.pdf (дата обращения: 15.04.2024)

- оцифровка книжных памятников для включения их в Национальную электронную библиотеку.

К сожалению, в задачи данного федерального проекта не вошло создание и обновление существующих культурно-просветительских и образовательных платформ, что, тем не менее, представляется достаточно актуальным вопросом, поскольку данные ресурсы могут быть использованы в качестве вспомогательных ресурсов в образовании. Стоит отметить, однако, что в контексте данной статьи наиболее важным результатом реализации данного проекта представляется перевод книжных памятников в цифровой формат. Согласно паспорту проекта, планируется оцифровка 48 000 книжных памятников (по 8 000 книжных памятников ежегодно)⁵, с которыми, благодаря высокому качеству оцифровки, в мельчайших подробностях сможет ознакомиться широкий круг пользователей. Создание электронных библиотек и постоянное пополнение и обновление их коллекции дает широкие возможности для учебной и научной работы с большими объемами цифровых данных.

Важно понимать, что цифровая трансформация культуры приводит к тому, что современным специалистам приходится работать не только с цифровым копиями объектов культурного наследия, но и с объектами, изначально имеющими цифровую природу. В связи с этим актуальным становится создание новых форматов систематизации и реконструкции информации об объектах культуры. Наиболее популярным инструментом для этого являются цифровые библиотеки, работая с которыми невозможно обойтись без дополнения профессиональных компетенций составляющими информационно-коммуникационной компетенции.

Технически цифровая библиотека представляет собой базу данных, разработка которой становится новым необходимым умением для специалистов в области репрезентации культурного наследия. На заре развития баз данных было трудно представить, что не специалист в этой отрасли сможет создать какую-либо организованную структуру данных. В 1970 г. Эдгар Кодд опубликовал статью с описанием реляционной модели данных [Codd, 1970]. Эта работа ознаменовала настоящую революция в хранении, индексации и извлечению данных из баз. Модель, которую он предложил, позволяла получать данные путём простых запросов, которые не требовали

---

⁵ Федеральный проект «Цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры» («Цифровая культура»), URL: https://culture.gov.ru/upload/mkrf/mkdocs2023/FP_Cifrovaya_kultura.pdf (дата обращения: 15.04.2024)

специальных знаний от пользователя. Позже, на основе работы Кодда, были разработаны современные базы данных и язык структурированных запросов SQL, ставший международным стандартом формулировки запросов [Келлехер, 2020].

Это упрощение работы с материалами помогает переформатировать данные исходя их специфического пользовательского запроса, в том числе позволяя переструктурировать данные под уникальную задачу. Особенность реляционных баз данных заключается в том, что данные хранятся в виде системы связанных между собой таблиц, а одна точка данных или объект данных представляет собой строку в этой таблице. Для работы с такой моделью требовалась разработка специальных программ, которые бы позволили пользователю не только осуществлять запросы на получение, изменение или удаление данных, но и проектировать полноценные хранилища. Такими программами являются различные системы управления базами данных (СУБД).

На данный момент согласно данными сайта dbdb.io⁶ существует около тысячи различных СУБД. И только за 2023 год появилось около 30 новых. Конечно, каждая такая система разрабатывается под решение какой-то специальной задачи, но все они придерживаются тех же принципов, которые были заложены в первые проекты по организации данных.

Рассмотрим роли, в которых может выступать специалист в области репрезентации культурного наследия в отношении цифровых библиотек. Первая роль — это роль пользователя цифровой библиотекой. Для её успешной реализации необходимы знания в области оформления правильных кросс-табличных запросов, а также навыки промтинга, в случаях если интерфейс доступа к библиотеке представляет собой нейросеть.

В своей второй роли культуролог может выступать как автор или соавтор цифрового контента, наполняя соответствующую библиотеку. Часто такая работа представляет собой оцифровку объектов культуры, выявление их атрибутов и включение в соответствующую систему, а также разработку различных классификаций культурных объектов. Примерами таких проектов могут служить разнообразные цифровые музеи, набирающие популярность в последнее время. Цифровой музей — это тоже своего рода цифровая библиотека. Разница между ними заключается в интерфейсе, который доступен пользователю. Если цифровая библиотека может

---

⁶ Database of Databases, URL: <https://dbdb.io/>& (дата обращения: 08.04.2024)

обойтись лишь поисковой строкой, в которую вносится соответствующий запрос, то цифровой музей предлагает полную имитацию архитектуры реального объекта. Ярким примером создания цифровых объектов является проект по восстановлению картин из Воронежского областного художественного музея, которые были утрачены в результате оккупации города во время Великой Отечественной войны⁷. Благодаря сохранившимся описаниям специалистам, работающим с нейросетями, удалось воссоздать картины Николая Милиоти, Василия Кандинского, Александра Родченко, Варвара Бубнова, Александра Куприна, Николая Крымова, Василия Белопольского. Такая работа невозможна только силами разработчиков и инженеров нейросетей, потому что требуется экспертная оценка результатов, которую способен дать только специалист в соответствующей области культуры.

Третья роль предполагает, что специалист в области репрезентации культурного наследия выступит не просто как автор цифрового контента или пользователь цифровой библиотеки, но и как её архитектор, действуя как программист базы данных. Такая роль требует погружения в специфику работы с организованными хранилищами информации, знаниями языка SQL и принципов проектирования баз данных.

Хорошим примером создания цифровой библиотеки можно назвать проект «Либрариум»⁸ — появившийся в 2012 году проект дизайнера Фёдора Сумкина, посвящённый периодике русской эмиграции 1920–1930-х годов. Каждый экземпляр представленных эмигрантских изданий тщательно отсканирован. В коллекции «Либрариума» — парижские журналы «Иллюстрированная Россия» и «Сатирикон», харбинские — «Рубеж» и детский «Ласточка», латвийская «Новая Нива» и другие.

Появление больших данных привело к разработке новых технологий создания баз данных, последнее поколение которых ещё называют базами NoSQL. Их модель проще модели реляционной базы данных. Она предлагает хранить данные в виде объектов с атрибутами, оформлять его в виде JSON-объекта (JavaScript Object Notation). Так как каждый объект в данном случае имеет свой собственный набор атрибутов, то реализовать его в виде точки данных в таблице с определенным набором признаков невозможно. Такая «гибкость» важна в тех случаях, когда данные (из-за их разнообразия или типа,

---

⁷ URL: <https://tass.ru/kultura/19423839> (дата обращения: 08.04.2024)

⁸ Либрариум, URL: <https://librarium.fr/ru/magazines> (дата обращения: 08.04.2024)

к которым они относятся) не раскладываются естественным образом в набор структурированных атрибутов» [Келлер, 2020]. К примеру, с помощью такого представления удобно хранить неформальные тексты или изображения.

Работа в этом направлении облегчается тем, что на данный момент разработаны системы, которые позволяют быстро реализовать цифровую библиотеку и остаётся только заниматься наполнением их контентом. Например, Open Journal System, которая используется редакциями многих журналов, позволяет хранить цифровые архивы журналов, вышедших до их диджитализации.

В целом, работа современного культуролога с цифровыми технологиями, включая взаимодействие с библиотеками библиотеки, открывают широкие возможности и новые направления для творчества и исследований. ИКТ-компетенция дополняет широкие профессиональные компетенции специалистов в области репрезентации культурного наследия, позволяя реализовывать смелые и новаторские идеи. Например, опираясь на базы дневниковых записей, которые собирает проект «Прожито», студентам магистерской программы «Пандан» (программа по прикладному анализу данных в Европейском университете г. Санкт-Петербурга) удалось реализовать несколько интересных проектов:

- «Петербург в дневниках»⁹. В рамках этого проекта на основе материалов дневниковых записей сделана размеченная карта Петербурга, где проживали авторы этих заметок. Геометки на карте содержат блоки записей из дневников.

- Проект¹⁰ по обучению нейросети писать, как подросток из Санкт-Петербурга. Была изучена база дневниковых записей с помощью нескольких библиотек, отобраны тексты с ярко выраженной тональностью, а затем произошло обучение нейросети ruGPT-3. В результате появилась возможность генерировать записи похожие на те, что делали дети в своих дневниках.

- «Автоматический аннотатор»¹¹. Который позволяет генерировать аннотации к дневниковым записям. Хотя результат работы на данный момент нельзя назвать удачным, тем не менее перспективы получать обобщенные пересказы больших текстов выглядит привлекательной.

---

⁹ URL: https://projects.pandan.eusp.org/on_spbmap (дата обращения: 08.04.2024)

¹⁰ URL: <https://projects.pandan.eusp.org/feelings> (дата обращения: 08.04.2024)

¹¹ URL: https://projects.pandan.eusp.org/diary_summarization (дата обращения: 08.04.2024)

Взаимодействуя с реальными музеями и другими заведениями культуры, в процессе оцифровки материалов рождаются интересные проекты:

- «Оцифровка карт в Музее путешественника П.К. Козлова»¹². В рамках проекта была реализована программа, позволяющая по фрагментам фотографий карты создавать полноценную карту.

- «Computer vision в Архиве»¹³. Студенческий проект по разработке инструмента, позволяющего сократить время съемки микрофильмов в архивах.

Кроме этого, ИКТ-компетенция, развитая через взаимодействие с цифровыми библиотеками, помогает реализовывать личные проекты по созданию собственной базы знаний. Современные инструменты Obsidian и Notion, опираясь на модели реляционных баз данных, предлагают своим пользователям организовать информацию, с которой они работают. Например, вести базу данных источников для статей, оформляя сами статьи как точки данных в соответствующих таблицах.

На данный момент в нормативных документах, регулирующих содержание образования по направлению подготовки «Культурология» (в том числе в Образовательном стандарте МГУ имени М.В. Ломоносова по направлению подготовки 51.03.01, 51.04.01 «Культурология»)¹⁴, формированию информационно-коммуникационной компетенции уделено недостаточно внимания. Она фигурирует в документе как универсальная компетенция, формирующаяся по результатам обучения в бакалавриате:

На уровне бакалавриата: способность использовать современные информационно-коммуникационные технологии в академической и профессиональной сферах (УК-13.Б).

На уровне магистратуры ИКТ-компетенция упоминается на уровне пользовательских умений в формулировке профессиональной компетенции 6.М:

---

¹² URL: https://projects.pandan.eusp.org/map_scanner (дата обращения: 08.04.2024)

¹³ URL: https://projects.pandan.eusp.org/cv_micro (дата обращения: 08.04.2024)

¹⁴ ОС МГУ по направлению подготовки 51.03.01 Культурология (уровень бакалавриата) с присвоением квалификации «бакалавр», 51.04.01 Культурология (уровень магистратуры) с присвоением квалификации «магистр», URL: <https://msu.ru/sveden/eduStandarts/import/docs/51.03.01,%2051.04.01%201.pdf> (дата обращения: 15.04.2024)

На уровне магистратуры: способность к реализации социально-культурных программ в сфере массовых коммуникаций, владение приемами трансляции культурного наследия с использованием современных средств коммуникации (ПК-6.М).

В то же время исследователи отмечают, что активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в целом и искусственного интеллекта в частности меняет привычную роль обучающегося, преобразовывая его в «адаптирующихся практиков» и «обучающихся в процессе любой своей деятельности» [Карта компетенций педагога..., 2023].

Исходя из сказанного выше, представляется целесообразным включить ИКТ-компетенцию отдельно в перечень профессиональных компетенций, особенно на уровне магистратуры, и разработать курс, направленный на формирование составляющих этой компетенции, необходимых для работы с электронными библиотеками. Совершенствованию ИКТ-компетенции могут способствовать задания, трансформированные с точки зрения SAMR (Substitution, Augmentation, Modification, Redefinition) — модели, характеризующей уровни использования технологий в обучении [Авраменко, Фадеева, Терновский, 2024].

Данная модель интеграции технологий в образовательный процесс может быть использована для проектирования всех видов учебной деятельности, а также для анализа и оценивания того, насколько технологии задействуются в процессе обучения. Более того, на данный момент в педагогической практике имеются широкие возможности для интеграции в процесс обучения различных технологических решений на базе искусственного интеллекта, среди которых можно выделить текстовые помощники, социальные графические боты, техрешения для разработки мультимедийных презентаций, видео, графики, иммерсивные интеллектуальные среды и многое другое [Титова, 2024].

В качестве ключевых элементов, которые могли бы стать основой для карты ИКТ-компетенции как самостоятельной профессиональной компетенции культурологов и в дальнейшем лечь в основу задач вышеупомянутого курса, представляется возможным предложить следующие:

**Номенклатура знаний и умений в составе ИКТ-компетенции
культурологов с учетом уровня подготовки и профессиональных задач**

Уровень задач	Знания	Умения
Общепрофессиональный уровень (бакалавриат)	<ul style="list-style-type: none"> • Основы работы с базами данных, специализированными профессиональными ресурсами. • Принципы создания и использования цифровых ресурсов в культурологии. • Основы визуализации данных (графики, схемы, таблицы). 	<ul style="list-style-type: none"> • Работать с профессиональными базами данных, электронными каталогами, архивами. • Создавать цифровые материалы для исследований (аннотации, обзоры, отчёты). • Использовать ИКТ для организации и проведения культурно-просветительских мероприятий. • Визуализировать данные с помощью графиков, схем, инфографики.
Профессионально-педагогический уровень (магистратура)	<ul style="list-style-type: none"> • Методика применения ИКТ в педагогической деятельности. • Принципы разработки цифровых образовательных ресурсов. • Современные технологии электронного и дистанционного обучения. 	<ul style="list-style-type: none"> • Разрабатывать и использовать цифровые образовательные ресурсы в преподавании. • Организовывать и проводить вебинары, онлайн-курсы, дистанционные модули. • Использовать ИКТ для экспертной деятельности (анализ проектов, подготовка заключений). • Создавать и вести профессиональные блоги, сайты, электронные портфолио.
Научно-исследовательский уровень (магистратура)	<ul style="list-style-type: none"> • Методы обработки и анализа данных с использованием специализированного программного обеспечения. • Принципы работы с системами управления научными данными. • Современные форматы публикации научных результатов. 	<ul style="list-style-type: none"> • Использовать специализированное программное обеспечение для анализа культурологических данных. • Работать с системами цитирования, научными базами данных. • Публиковать результаты исследований в электронных форматах, участвовать в онлайн-конференциях.

Уровень задач	Знания	Умения
Организационно-управленческий уровень (магистратура)	<ul style="list-style-type: none"> • Принципы использования ИКТ в управлении проектами. • Основы работы с CRM-системами, инструментами командной работы. 	<ul style="list-style-type: none"> • Использовать проектные менеджерские инструменты (Trello, Asana, Jira). • Организовывать онлайн-совещания, планировать работу команд. • Вести электронный документооборот, отчётность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авраменко А.П., Фадеева В.А., Терновский В.В. Опыт интеграции технологий искусственного интеллекта в иноязычное высшее образование: от цифровизации к автоматизации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 2. С. 55–67.

2. Солёная О.А. Яковлева А.А. Проблема представления термина «цифровизация»: отечественный и зарубежный опыт // Культура и природа политической власти: теория и практика: сборник научных трудов. Екатеринбург: УрГПУ, 2023. С. 289–293.

3. Карта компетенций педагога иностранных языков в условиях цифровизации образования: Монография / под ред. С.В. Титовой и П.В. Сысоева. М., 2023.

4. Келлехер Д. Наука о данных: Базовый курс. М.: Альпина Пабlishер, 2020.

5. Титова С.В. Технологические решения на базе искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 2. С. 18–37.

6. Codd E.F. A Relational Model of Data for Large Shared Data Banks // Communications of the ACM: journal. 1970. Vol. 13. No. 6. Pp. 377–387.

Irina A. Basova, Aleksei V. Tolstukhin, Anna I. Shchedromirskaiia

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL AND ICT COMPETENCIES IN FUTURE SPECIALISTS IN THE FIELD OF CULTURAL HERITAGE REPRESENTATION

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
irinaffl@mail.ru, alexei.tolstukhin@gmail.com, annakolushkina@gmail.com

Abstract. The article studies the issues of developing special competencies necessary for working with digital libraries among undergraduate and graduate students in the field of “Cultural Studies”. In the context of digitalization of the

Russian educational and cultural space, the question arises of developing appropriate competencies in students — future specialists in the field of cultural heritage representation. An analysis of the national project “Culture” showed that one of the most important and pressing tasks is the digitization and replenishment of electronic libraries. However, in addition to working with digital copies of cultural heritage objects, modern specialists must be ready to work with those objects that are initially digital in nature. In this regard, the creation of new formats for systematization and reconstruction of information about cultural objects becomes relevant. The most popular tool for this are digital libraries, working with which it is impossible to do without supplementing professional competencies with components of ICT competence. In addition, ICT competence, developed through interaction with digital libraries, helps to implement personal projects to create one’s own knowledge base. In conclusion, it is advisable to include ICT competence as an independent competence in the list of professional competencies as well as develop a course aimed at forming the components of this competence necessary for working with digital libraries.

Keywords: digitalization, digital libraries, ICT competence, cultural heritage, cultural studies

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage” (project No 23-SCH2-05 “Digital Technologies in Culture”).

For citation: Basova I.A., Tolstukhin A.V., Shchedromirskaja A.I. (2026) Formation of professional and ICT competencies among future specialists in the field of cultural heritage representation. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(29), pp. 86–98. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-6 (In Russ.)

About the authors:

Irina A. Basova — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Foreign Language Teaching Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; irinaffl@mail.ru

Aleksei V. Tolstukhin — Senior Lecturer, Head of the Laboratory of Information Systems in Humanitarian Education, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; alexei.tolstukhin@gmail.com

Anna I. Shchedromirskaja — Lecturer, Linguistics and IT Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; annakolushkina@gmail.com

REFERENCES

1. Avramenko A.P., Fadeeva V.A., Ternovsky V.V. 2024. Opyt integratsii tekhnologii iskusstvennogo intellekta v inoyazychnoe vysshee obrazovanie: ot tsifrovizatsii k avtomatizatsii [Integrating Artificial Intelligence Technologies in Foreign Lan-

guage Higher Education: From Digitalization to Automation]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 2, pp. 55–67. (In Russ.)

2. Solenaya O.A. Yakovleva A.A. 2023. Problema predstavleniya termina «tsifrovizatsiya»: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt [The Problem of Representing the Term “Digitalization”: Domestic and Foreign Experience]. In *Kul'tura i priroda politicheskoi vlasti: teoriya i praktika: sbornik nauchnykh trudov*. Ekaterinburg: UrGPU, pp. 289–293. (In Russ.)

3. *Karta kompetencij pedagoga inostrannykh jazykov v usloviyah cifrovizatsii obrazovaniya: Monografija* [Map of competencies of a foreign language teacher in the context of digitalization of education]. 2023. S.V. Titova, P.V. Sysoev (eds.). M.: Jeditus. (In Russ.)

4. Kelleher J.D. 2020. *Nauka o dannykh: Bazovyi kurs* [Data Science]. M.: Al'pina Pablisher. (In Russ.)

5. Titova S.V. 2024. Tekhnologicheskie resheniya na baze iskusstvennogo intellekta v obuchenii inostrannym yazykam: analiticheskii obzor [Technological solutions based on artificial intelligence in teaching foreign languages: an analytical review]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 2, pp. 18–37. (In Russ.)

6. Codd E.F. 1970. A Relational Model of Data for Large Shared Data Banks. *Communications of the ACM: journal*, vol. 13, no. 6, pp. 377–387.

Статья поступила в редакцию 13.10.2025;
одобрена после рецензирования 29.11.2025;
принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 13.10.2025;
approved after reviewing 29.11.2025;
accepted for publication 15.12.2025.

ЛИНГВИСТИКА И УРОВНИ ЯЗЫКА

Г.И. Бубнова

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОСОДИИ В ПРОЦЕССЕ ГИБРИДИЗАЦИИ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ФОРМ ЯЗЫКА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; gboubnova@mail.ru

Аннотация. Начиная с 70-х годов прошлого века, интралингвистическая специфика, наблюдаемая в устной и письменной формах высказывания, объясняется спецификой канала порождения. Однако взаимодействие устный-письменный, представленное сегодня в реальных ситуациях общения, характеризуется таким многообразием, что порой трудно определить доминирующий в каждом конкретном случае способ порождения.

В статье дискурсивное взаимодействие каналов порождения рассматривается на материале гибридной формы речевой продукции, которая создается профессионалами, пишущими и размышляющими о важной и актуальной проблеме в ходе ее устного обсуждения.

Работая в условиях необратимости и поступательности процесса устно-речевого порождения, говорящий симультанно вербализует содержательно-фактуальную информацию (СФИ-установка), включая ее в дискурсивную деятельность: обращается к своей аудитории (экстравертная установка) и контролирует процесс речепорождения (интровертная установка).

Участие просодии в этом процессе, маркируемое паузой и предпаузальным терминальным контуром, обеспечивает обработку информации как на уровне порождения, так и на уровне понимания. Эти маркеры обсуждаются в статье в рамках сопоставления экстравертного и интровертного вариантов реализации монологической речи.

Ключевые слова: дискурсивная стратегия, гибридикация устный-письменный, просодия, паузальное членение, фонационный период, частота основного тона (ЧОТ), терминальный контур, тональный диапазон контура

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-7

Бубнова Галина Ильинична — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; gboubnova@mail.ru

© Бубнова Г.И., 2026

Для цитирования: Бубнова Г.И. Дискурсивный потенциал просодии в процессе гибридизации устной и письменной форм языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 1. С. 99–119. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-7

Введение

Изучение звучащей речи показывает, что многоканальный характер порождения — категориальная черта, отличающая ее от письменной речи, — создает разные устные дискурсы, полярными точками которых можно назвать озвучивание письменного текста и спонтанное порождение устной речи.

В ситуации устного порождения речи (далее — УпР) смысл высказывания создается в условиях симультанного взаимодействия вербальных средств (лексико-синтаксический + фонетический каналы). В процессе озвучивания письменного текста (далее — ОПТ) фонетический канал включается после того, как смысл уже полностью создан лексико-синтаксическими средствами, то есть многоканальность используется в качестве вторичного и факультативного актуализатора смысла, созданного на письме.

Работая с орфографической транскрипцией УпР, лингвисты констатируют существенные нарушения правил синтаксического построения, используемых в письменной речи (далее — ПР). В частности, это касается основной синтаксической единицы ПР — предложения [Blanche-Benveniste et al., 1990; Charolles et al., 2002] Поиск новой единицы, более релевантной наблюдаемым фактам, ведется сегодня в контексте исследований просодии, прагматики, макросинтаксиса, дискурса. Вот некоторые из предлагаемых для этой единицы названий: высказывание (*énoncé/énonciation*) [Benveniste, 1966], устный абзац [Morel, Danon-Boileau, 1998], клауза [Кибрик, 2008; Кибрик, Подлесская, 2009], речевой акт [Остин, 1986], период [Hazaël-Massieux, 1983; Berrendonner, 2002; Béguelin, 2002], интонационный период [Lacheret, Victorri, 2002], паттерн, иллюкутивная единица [Lacheret-Dujour, Kahane, 2020]. Исследователи отмечают также присутствие разнообразных хезитационных явлений, увеличение употребляемости дискурсивных слов в сочетании с уменьшением их разнообразия, коммуникативов, повторов, аппроксиматоров и пр.

Однако, несмотря на указанные отличия между УпР, ОПР и ПР, их взаимодействие, наблюдаемое в современном социокультурном пространстве в реальных ситуациях общения, характеризуется таким многообразием, что порой трудно определить доминирующий

в каждом конкретном случае способ порождения. Речевые варианты фактически могут быть представлены таким образом, что переход от письменной речи к устной будет выглядеть как плавный и постепенный, а отнюдь не резкий. Эта диффузность затрудняет разработку гибридных языковых моделей, которые используются в системах автоматизированной обработки звучащей речи.

Материал исследования, записанный в ситуации радиоэфира, иллюстрирует устные монологические высказывания профессионалов, размышляющих о важной и актуальной проблеме (кризис школы, часто именуемой *колыбелью французской республики*) и много пишущих на эту тему. Цель статьи — показать, что гибридизация устный-письменный на формальном уровне, наблюдаемая в этой ситуации, детерминируется дискурсивной стратегией говорящего, реализуемой на просодическом уровне.

В качестве основного просодического маркера сегментации речевого потока на информативно значимые единицы порождения и восприятия используется пауза, то есть перерыв фонации, длительность которого является объективно достаточной для слухового восприятия в практически любом речевом потоке. В статье эти сегменты называются фонационными периодами (далее — ФП).

В качестве второго просодического маркера рассматривается терминальный контур: тональное движение на ударном предпаузальном слоге ФП [Бубнова, 2018; Avanzi, Martin, 2019].

В естественной для устного общения ситуации говорящий решает две стратегические задачи, взаимодействие которых носит открытый, динамичный характер:

- сформулировать и сообщить содержательно-фактуальную информацию [Гальперин, 1981: 28], назовем ее СФИ-установкой, реализуемой в устнопорождаемом высказывании преимущественно по тема-рематической модели;

- включить свое высказывание в реальную ситуацию, реализуя экстравертную установку, в центре которой слушающий(е) и контакт с ним(и), и интровертную установку, которая обеспечивает контроль за собственной речевой деятельностью [Бубнова, 1998].

Паузальная сегментация и терминальный контур рассматриваются в статье как просодические маркеры этих установок.

СФИ-установка использует для своего выражения маркировку терминального слога как выражающего тему (восходящий контур) или рему (нисходящий контур). Отмечу, что ФП может иметь сложную тема-рематическую структуру, например, повышение тона в середине, вводящее тему или компоненты темы, и понижение в терми-

нальном слоге (рема). Такое усложнение не меняет информативный статус ФП, и последующая пауза трактуется как рематическая. Восходящий контур вводит тематическую паузу. Паузы, которые не вводятся терминальными тема-рематическими контурами, рассматриваются как синтаксические, в случае если они реализуются на синтаксическом шве или как поисковые, если корреляция с синтаксическим членением отсутствует.

Интровертная установка — слушание себя (механизм обратной связи является физиологическим процессом, который обеспечивается работой слуховой системы и мозга) с целью отслеживания процесса собственного говорения — реализуется на просодическом уровне, как правило, ровным тональным движением на уровне несущего тона, или восходящим/нисходящим движением с узким частотным диапазоном [Бубнова, 2018].

Реализуя экстравертную установку — адресованность речи, желание привлечь внимание слушающих, разделить с ними свои мысли, сделать их соучастниками своей аргументации — говорящий существенно расширяет диапазон восходящих и нисходящих контуров, а в ряде случаев создает контуры со сложным восходяще-нисходящим тональным движением [Бубнова, Гладких, 2018].

Таким образом, реализация терминального контура рассматривается в динамическом взаимодействии указанных стратегий (дискурсивная, коммуникативная, иллокутивная, экспрессивная), а не в качестве оформления лексико-синтаксического компонента ФП.

Корпус исследования

Исследование проводится на материале передачи *Répliques*: тема *La crise de l'école* (Кризис в школьном образовании), радио *France Culture*, 2016 г. В обсуждении участвуют Робер Редекер (далее РР), доцент, преподаватель философии и Филипп Мерье (далее ФМ), профессор педагогических наук. Сценарий передачи: обмен репликами, длительность которых варьирует от 1 до 2 минут.

Выбор передачи обусловлен тем, что профессионалы, размышляющие о важной и актуальной проблеме и много пишущие на эту тему, обсуждают ее в устной форме, создавая гибридную форму речевой продукции, которая рассматривается в статье в терминах дискурсивного взаимодействия каналов порождения [Бубнова, 2025].

Методика исследования

1. Составить орфографическую транскрипцию устного высказывания (далее — УВ), в которой строго соблюдается орфографическая норма письма, но отсутствует пунктуация.

2. Провести аудиторский анализ звучащего материала (5 аудиоторов: носители и преподаватели французского языка) в двух режимах прослушивания:

2.1. Режим процессуального прослушивания УВ: двукратное прослушивание без опоры на транскрипцию с целью оценить эффективность реализации СФИ-установки и двух интерактивных установок;

2.2. Режим аналитического прослушивания с целью внести в транскрипцию полную фонетическую разметку: пауза, терминальный контур, явления речевого потока (связывание, «е» беглый, звуковая редукция).

3. Провести акустический анализ звучащего материала в программе Praat, с целью описать:

3.1. Длительность паузы и фонационного периода в миллисекундах (мс);

3.2. Реализация терминального контура: движение ЧОТ и частотный диапазон (Гц и пт);

3.3. Средние значения и размах величин для длительности паузы и ФП, коэффициент паузации, скорость речи и артикуляции.

4. Обработать орфографическую транскрипцию УВ (10 информантов: носители и преподаватели французского языка) с целью:

4.1. Осуществить синтаксическую сегментацию транскрипции, пунктуационно отметить синтаксические швы;

4.2. Оценить сегментированный текст с точки зрения его соответствия письменной норме;

4.3. Свести полученные результаты, совпадающие как минимум у 8 информантов, в обезличенный письменный вариант текста (автор).

5. Проанализировать функционал терминальных контуров (ровный, восходящий, нисходящий, восходяще-нисходящий и нисходяще-восходящий):

5.1. Установить корреляцию контуров с типом вводимой паузы;

5.2. Рассчитать их количественную представленность в УВ.

Оформление орфографической и фонетической транскрипции

Орфографическая транскрипция звучащего материала сделана автором статьи в соответствии со стандартной французской орфографией: сохраняются пробел между словами и прописные буквы при написании имен собственных, отсутствуют пунктуация, маркировка звуковой хезитации типа euh, mm и всех явлений сандхи. Транскрипция предназначена для анализа на этапе 4.1.

Фонетическая разметка транскрипции выполнена аудиторами (этап 2.2), использованы следующие символы:

- «е» беглый маркируется в случае выпадения — запятой (*p,tit*), в случае произнесения — литерой *ç* (*dç quel mal*);
- редукция гласных, согласных и слогов маркируется запятой (*c,t,dire — c'est-à-dire*);
- связывание показано нижним подчеркиванием *_* (*p,tit_ami*);
- фонационные периоды, выделяемые паузами, пронумерованы и представлены вертикальным развертыванием в виде списка;
- графическая схема терминального контура, реализованного в ФП, включает направление движения ЧОТ и его значение в полутонах: ровное движение —; понижение $\setminus_{-n}$, повышение $/^{+n}$, восходяще-нисходящее движение $\setminus^{+n}_{-n}$, восходяще-нисходящее движение с произнесением заударного [э] или парантезы $\setminus_{-n}^{+n}$, звуковое наполнение парантезы выделено курсивом.

Для краткости и удобства чтения текста статьи используются следующие сокращения: ФП-1 отсылает к конкретному ФП, ФП /1–4/ — обозначает информативный блок, состоящий из указанных в скобках ФП.

Основные акустические термины

- частота основного тона — ЧОТ, измеряемая в герцах — Гц;
- тональный диапазон — соотношение максимальной и минимальной ЧОТ в полутонах — пт;
- полутоны — логарифмическое преобразование шкалы герц, позволяющее нейтрализовать индивидуальную высоту голоса;

В статье представлен анализ двух мини-монологических высказываний, которые иллюстрируют речь Р. Редекера (далее РР) и Ф. Мерье (далее ФМ).

Высказывание Робера Редекера

Орфографическая транскрипция УВ представлена информантам в виде сплошного текста без знаков препинания для внесения синтаксически оправданной пунктуации. Обезличенный вариант письменного текста сегментирован на 12 предложений, которые объединены в 4 абзаца. Начало предложений выделено жирным шрифтом, абзацное членение показано красной строкой. Объем текста и УВ практически совпадает: в ПТ 282 слова, в УВ — 280.

D'abord, je voudrais bien dire que je suis très heureux de dialoguer avec Philippe Meirieu. Je distingue les idées et les théories de Philippe Meirieu de ce que l'on pourrait appeler (1) « l'effet Meirieu » dans l'école

ou « l'effet Meirieu » au ministère de l'éducation nationale, dans la mesure où les questions qu'il pose sont parfaitement légitimes, me semble-t-il. (3) J'ajouterais qu'il me semble que les théories de Philippe Meirieu sont un peu victime de ce qu'on va appeler (peut-être quelque chose de très courant au 20 siècle) « la malédiction de la théorie », qui se retourne parfois en catastrophe, en désastre !

Alors qu'est-ce qui va mal à l'école ? **II** me semble qu'il y a au moins deux niveaux d'analyse : d'abord il y a quelque chose de beaucoup plus général que l'école, la crise beaucoup plus générale. (2) **Je** n'exclus pas la crise de la société, mais, plutôt, c'est la crise de la vie, la crise de la vie humaine, ou même sur... **Nous** ne savons pas répondre à la question qu'est-ce que l'homme ?

Bon, quant à l'école, nous constatons d'abord qu'elle ne parvient plus à transmettre ; et, donc, elle donne le jour à des enfants, à des adolescents, des adultes, coupés du passé, et peut-être également de l'avenir, c'est-à-dire prisonniers du présent. **On** peut dire également qu'elle semble abandonner ses finalités traditionnelles : la transmission du savoir, l'accrochage à une lignée, à une lignée humaine.

(4) **Alors** je n'ai pas dit parler de la société mais on parlera peut-être de la nation. **II** me semble aussi que l'école aggrave la crise de la langue, dont nous parlerons peut-être. **La** crise de la langue provient de l'absorption de la langue dans le langage, principalement, c'est-à-dire le primat de la linguistique.

Комментарий ПТ. В процессе сегментации информанты внесли в транскрипцию небольшие изменения, без которых членение на предложения становилось невозможным. Однако, предложение (4) *Alors je n'ai pas dit parler de la société mais on parlera peut-être de la nation.*, несмотря на отмеченное информантами несоответствие письменноречевой нормативности, оставлено без изменения.

Количество предложений в транскрипции уменьшается по сравнению с количеством ФП в 3,5 раза (12/41). Только в двух случаях ФП совпадает по объему и структуре с предложениями в ПТ: ФП-1 и ФП-22. Все остальные собраны информантами из ФП, которые являются единицами просодического, а не синтаксического уровня. Эти предложения насчитывают от 3 до 9 ФП. Очевидно поэтому они характеризуются рыхлой синтаксической структурой, содержащей:

- повторы, развернутость которых не оправдана в письменной речи: (1) « *l'effet Meirieu* » *dans l'école* ou « *l'effet Meirieu* » *au ministère de l'éducation nationale*;

• перечисления, иллюстрирующие поисковые затруднения говорящего: (2) *Je n'exclus pas la crise de la société, mais, plutôt, c'est la crise de la vie, la crise de la vie humaine, ou même sur...*;

• вставки обобщающе-ассоциативного типа: (3) *ce qu'on va appeler (peut-être quelque chose de très courant au 20 siècle) « la malédiction de la théorie »*;

• аппроксиматоры, частота употребления которых в сочетании с повторяемостью используемого языкового репертуара, позволяет рассматривать их как компонент хезитационного механизма: *sont un peu victime de, ce que l'on pourrait appeler, me semble-t-il, qu'il me semble, peut-être quelque chose de très, II me semble qu'il y a, quelque chose de beaucoup plus, et peut-être également de, qu'elle semble abandonner, II me semble aussi que, on parlera peut-être de, dont nous parlerons peut-être.*

Итак, полученный ПТ воспринимается информантами как связный, но неотредактированный текст, содержащий целый ряд маркеров устности: неточности, повторы, нарушение нормы языка и стиля, устранимые в процессе редактирования.

Фонетическая транскрипция УВ, звучание 120 секунд, сегментирована в результате аудиторского и акустического анализа на 41 ФП (детали фонетической маркировки см. на с. 104).

Развертывание УВ демонстрирует наличие информативных блоков, они совпадают с абзацным членением ПТ и выделены в транскрипции пробелом. Межфразовые границы, установленные информантами, маркируются паузами в 10 случаях из 12: номер ФП, коррелирующих с концом предложения в ПТ, дается в скобках.

(1) d'abord euh ję voudrais bien dire que ję suis très heureux de dialoguer avec Philippe Meirieu /^{+8nr}

2 euh ję distingue les_idées et les théories de PM de c, que l'on pourrait app,ler l'effet Meirieu dans l'école /^{+1nr}

3 ou l'effet Meirieu au ministère de euh l'éducation nationale /^{+5nr}

4 dans la mesure où les —

5 questions qu'il pose sont parfaitement légitimes —

(6) me semble-t-il /^{+3nr}

7 j'ajout,rais qu'il me semble —

8 que les théories de PM sont euh un peu victimes de —

9 ce qu'on va app,ler p,t-êt, quelque chose de très courant au ving-tième siècle la malédiction de la théorie /^{+4nr}

10 qui se retourne euh parfois —

(11) en catastrophe en désastre —

- 12 alors —
 13 qu'est-c,qui va mal _1_{INT}
 (14) à l'école euhm —
 15 semb, qu,i y a —
 16 au moins deux niveaux d'analyse /+2_{INT}
 17 d'abord —
 18 y a quelque chose de beaucoup plus général _3_{INT}
 19 que l'école une crise _3_{INT}
 20 la crise beaucoup plus générale qui euh ję n'exclus pas çęla sous
 la crise _5_{INT}
 (21) de la société mais plutôt c'est la crise de la vie la crise de la vie
 humaine ou même sur —
 (22) nous n,savons plus répondre à la question qu'est-c,que l'homme
 bon _2_{INT}
- 23 quant_à l'école euh —
 24 nous constatons d'abord qu'elle ne parvient plus à transmettre et
 donc elle _4_{INT}
 25 donne le jour à des zenfants des zadolescents des zadultęs cou-
 pés /+3_{INT}
 26 du passé /+1_{INT} et peut-êt égal,ment de l'av,nir c,t,dire prisonniers
 du présent — on peut dire égal,ment /+3_{INT}
 27 qu'elle semble abandonner /+3_{INT}
 28 euh ses finalités traditionnelles —
 29 la transmission du savoir /+3_{INT}
 30 l'accrochage à unę —
 (31) à unę lignée euh humaine euh /+1_{INT}
- 32 alors ję n'ai pas dit _1_{INT}
 33 parler d,la société mais on parlera /+1_{INT}
 (34) peut-être de la nation /+1_{INT}
 35 euh il me semble _2_{INT}
 36 aussi que l'école aggrave —
 37 la crise de la langue /+1_{INT}
 (38) dont nous parlerons peut-être /+1_{INT}
 39 la crise de la langue provient de —
 40 de l'absorption de la langue dans le langage principal,ment —
 (41) c,tac,t,dire le primat d,la linguistique

Аудиторским и акустическим анализом в рассматриваемом УВ установлено 3 варианта терминального контура: ровный, восходящий и нисходящий, их числовое соотношение представлено в диаграмме 1.

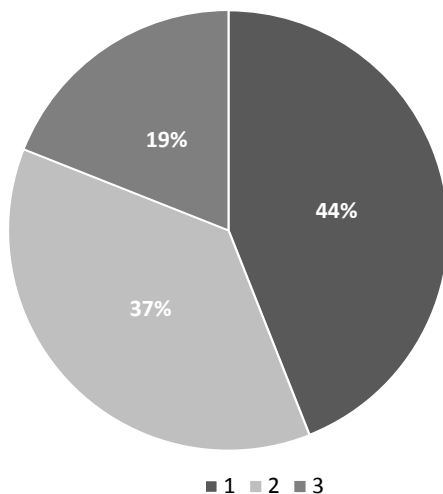

Диаграмма 1. Употребление тональных вариантов терминального контура: ровный контур — ряд 1, восходящий — ряд 2, нисходящий — ряд 3.

Ровный контур локализуется на уровне несущего тона говорящего, который у Р. Редекера варьирует в пределах 100–120 Гц (34% ФП). В 10% ФП ровный тон имеет более высокую локализацию от 130 до 200 Гц и может рассматриваться как слабый вариант восходящего контура (ФП-12, 14, 17). Дистрибуция показывает, что этот контур употребляется говорящим перед паузой синтаксического типа — 39% (ФП-7, 11) и поискового типа — 39% (ФП-21, 39), комбинируясь в 12% ФП со звуковой хезитацией (ФП-23, 30).

Восходящий терминальный контур наблюдается в 37% ФП: средний диапазон равен +2 пт при размахе от +5 до +1 пт. Исключение составляет восходящее движение в ФП-1 с диапазоном +8 пт, которое употребляется, по мнению auditors, как контур экстравертного типа. В ФП /2–41/ восходящий контур вводит паузу двух типов: синтаксическую — 73% (ФП-16, 27, 29, 34) и поисковую — 27% (ФП-24, 25).

Среднее значение тонального диапазона: перед поисковой паузой +2 пт, при введении темы +3 пт, при введении ремы +1 пт. Полученные числовые значения и результаты аудиторского анализа свидетельствуют, что в речевом потоке слуховая дифференциация этих контуров практически невозможна.

Таким образом, восходящий контур демонстрирует очевидное сходство с ровным тоном как по форме, так и по выполняемой функции.

Нисходящий терминальный контур реализуется в 19% ФП: средний диапазон составляет $-2,5$ пт при размахе от -5 до -1 пт. Нисходящий контур, как и восходящий, вводит паузу двух типов: синтаксического — 50% (ФП-13, 22, 32, 35) и поискового — 50% (ФП-20, 24).

Среднее значение тонального диапазона распределяется следующим образом: перед поисковой паузой $-3,5$ пт, при введении темы $-1,5$ пт, при введении ремы -2 пт.

Контуры с максимально значимым диапазоном тонального падения наблюдаются в контексте синтаксической неопределенности или поисковых сбоев. Так, в последовательности ФП/18–20/ нисходящий контур реализуется каскадом:

18 у a quelque chose de beaucoup plus général _{-3пт}

19 que l'école une crise _{-3пт}

20 la crise beaucoup plus générale /^{+5пт} qui euh je n'exclus pas cela sous la crise _{-5пт}

(21) de la société mais plutôt c'est la crise de la vie la crise de la vie humaine ou même sur—

В ФП-18 актуализируется рема *général*, которая дополняется в ФП-19 введением новой ремы *une crise*. В ФП-20 говорящий уточняет свою мысль: обе ремы объединяются в рамках сложного тематического компонента *la crise beaucoup plus générale* /^{+5пт}, за ним следует уточняющий ход, который обрывается на теме *la crise*. Поисковая пауза вводится, таким образом, сильным нисходящим контуром с диапазоном -5 пт. Отмечу, что это максимальная величина нисходящего диапазона, зафиксированная в позиции поискового сбоя. В результате смысл этого отрывка определяется аудитором как нечёткий, расплывчатый, неопределённый.

Обобщая полученные результаты, отмечу слабую перцептивную дифференциацию контуров: только два ФП из 41 могут рассматриваться как имеющие однозначно определяемый информативный статус. Аудиторы отмечают, что УВ звучит монотонно и невыразительно, СФИ-установка часто трактуется неоднозначно. В ходе обработки транскрипции информанты отмечают, однако, что в тексте информативность выше, чем в УВ. Таким образом, интровертная просодия существенно ослабляет восприятие содержательно-фактуальной информативности на слух. Это можно объяснить тем, что просодия используется как озвучивающее средство, а не в качестве инструмента, включающего слушающих в дискурсивную ситуацию.

Высказывание Филиппа Мерье

Обезличенный вариант ПТ, полученный после обработки информантного анализа, сегментирован на 15 предложений. Начало предложений выделено жирным шрифтом, абзацное членение показано красной строкой. Объем текста и УВ совпадает — 332 слова. Курсивом выделены отрывки монологического типа.

Oui, d'abord, moi aussi, je vous remercie de nous avoir invités avec Rober Redeker et je le remercie d'avoir resituer le débat, là où il doit être, parce que l'ouvrage qu'il vient d'écrire me définit comme un assassin de la haute culture aux penchants polpotiens, promoteur d'une forme carnavalesque de théologie obscurantiste, croque-mort, et j'en passe et des meilleures. Donc, par rapport à ça peut-être faut-il revenir de temps en temps à un tout petit peu de sérénité.

Oui, comme Rober Redeker, je crois qu'il y a une crise de la vie, il y a une crise de projet. Nous n'avons pas grand-chose à offrir à nos jeunes aujourd'hui entre la consommation compulsive et les répliques claniques. Oui, l'école est dans une société qui a perdu un peu de son sens.

Mais non, l'école n'a pas abandonné la transmission des savoirs. Les enseignants, dans l'immense majorité des cas et pour la quasi-totalité d'entre eux, ne demandent qu'à transmettre les savoirs. Les programmes ne disent que cela.

Alors après, un certain nombre d'enseignants, c'est vrai, peinent à transmettre les savoirs. La crise de la transmission n'est pas la crise de la finalité de la transmission. *La transmission, tout le monde veut la faire, tout le monde est conscient d'enraciner et ne pas déraciner, pour reprendre vos propres termes, les jeunes dans une culture. Mais la question c'est celle du « comment ». Et la séparation, je crois, entre vous et moi aujourd'hui, c'est la séparation entre l'injonction métaphysique, la pensée magique dans laquelle vous êtes, qui consiste à dire qu'il suffit d'affirmer la transmission et qu'elle se déroulera. Et puis le travail que je considère comme modeste mais nécessaire, qui est un travail pédagogique qui consiste à se demander « comment transmettre ». Comment transmettre, alors que nous vivons effectivement dans une société où on a démocratisé l'accès à l'école mais on n'a pas démocratisé la réussite dans l'école.*

Комментарий ПТ. Полученный текст демонстрирует неоднородность выделенных предложений по объему и синтаксической организации. В отрывках, показанных курсивом, предложения собираются из 3–5 ФП, между ними выделяются короткие предложения, сегментируемые в УВ паузой и терминальным контуром. В ПТ эти предложения представляют собой скорее конспект, чем связный научный текст. Отмеченная неоднородность ПТ свидетельствует о

том, что говорящий использует в УВ прием диалогизации, комбинируя две техники устноречевого порождения: на длинную (монолог) и на короткую (диалог) дистанцию.

Монологическая техника (ФП /1–5/ и /22–28/), выделенная в тексте курсивом, свидетельствует о гибридизации на формальном уровне. Синтаксическая организация ПТ определяется как связный, но неотредактированный текст, поскольку демонстрирует:

- употребление союза *et* в качестве коннектора, вводящего предложения,
- избыточное присутствие вводных конструкций, которые по длительности и информативности превосходят тему и ремю,
- нанизывание местоимений *qui* и *que* вперемешку с союзом *que*.

Похожая синтаксическая рыхлость наблюдается и в ПТ Р. Редкера см. с. 105–106.

Фонетическая транскрипция УВ, звучание 114 секунд, сегментирована на 32 ФП (детали фонетической маркировки см. на с. 104).

Просодическое членение на блоки показано пробелами. Межфразовые границы, установленные информантами, маркируются паузами в 15 случаях из 15: номер ФП, коррелирующих с реализованной в ПТ пунктуацией, дается в скобках.

В звучащем УВ употребляются 4 варианта терминального контура: ровный, восходящий, нисходящий и восходяще-нисходящий, их числовое соотношение представлено в диаграмме 2.

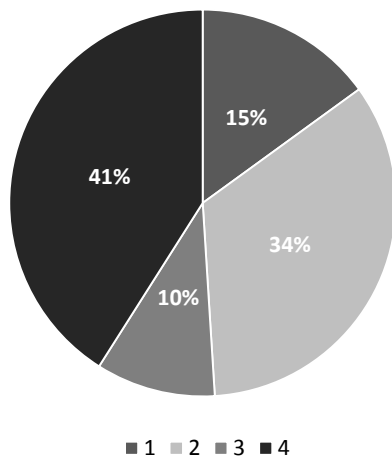

Диаграмма 2. Тональные варианты терминального контура: ровный — ряд 1, восходящий — ряд 2, нисходящий — ряд 3, восходяще-нисходящий — ряд 4.

1 oui d'abord moi aussi ję vous reęmercie dę —

2 nous_avoir invités avec Rober Redeker et ję l'reęmercie d'avoir reęsituę l,dębat —

3 là où il doit_ętre parce quę l'ouvrage qu'il vient d'ęcrire mę dęfinit comme un_assassin d,la haute culture aux penchants polpotiens /+3 nrr

4 promoteur d'une forme carnavalesque dę thęologie obscurantiste croque-mort /+5 nrr

(5) et j'en passe et des meilleures _4 nrr

6 donc euh —

(7) par rapport à ça peut-ęt, faut-il reęvenir dę temps_en temps à un tout p,tit peu dę sęręnitę /+6nrr

(8) oui comme Rober Redeker ję crois qu'i, y a une crise dę la vie y a une crise dę projet /+5nrr

9 euh nous n'avons pas grand-chose à offrir à nos jeunes aujourd'hui *entrę la* /_+5nrr -7nrr

(10) consommation compulsive et les rępliques claniques /_+5nrr -13nrr

11 oui l'ęcolę /_+2nrr -10nrr

(12) est dans_une sociętę qui a perdu un peu d,son sens /+9nrr

(13) mais non l'ęcole n'a pas abandonnę la transmission des savoirs /_+10nrr -1nrr

(14) euh les_enseignants dans l'immense majoritę euh des cas et pour la quasi-totalitę d'entrę eux nę dęmandent *qu'ą transmett, les savoirs* /_+7nrr -14nrr

(15) les programmes nę disent quę c,la /+7nrr

16 alors apręs /+6nrr

(17) un certain nomb, d'enseignants c'est vrai peinent à *transmet, les savoirs* /_+3nrr -18nrr

(18) la crise dę la transmission n'est pas_une crise dę la finalitę d,la transmission /_+7nrr -3nrr

19 la transmission tout l,monde veut la faire tout l,monde est conscient quę nous_avons bęsoin /+5 nrr

20 d'enraciner et non pas dęraciner pour reęprend, vos propres propres termes /_+1nrr -6nrr

(21) les jeunes dans_une culture /_+10nrr -16nrr

(22) mais euh la question c'est celle du comment /_+3nrr -1nrr

23 et euh la sęparation ję crois entrę vous et moi aujourd'hui *c'est euh* /_+10nrr -3nrr

24 la sęparation entrę l'injonction mętaphysique la pensęe magique dans laquelle vous_ętes /+5 nrr

25 qui consiste à dire qu'il suffit d'affirmer la transmission $\setminus_{-3}$ пт

(26) et qu'elle se déroule / $+11$ пт

27 et puis le travail que je considère comme modeste mais nécessaire qui est un travail pédagogique / $+13$ пт

(28) qui consiste à se demander comment transmettre $\setminus_{-15}$ пт

29 comment transmettre alors que nous vivons effectivement dans une société/ où on a —

30 démocratisé —

31 l'accès à l'école $\setminus_{-4}$ пт

(32) mais on n'a pas démocratisé la réussite dans l'école $\setminus_{-7}$ пт

Ровный терминальный контур локализуется на уровне несущего тона, который у Ф. Мерье варьирует в пределах 85–100 Гц (15% ФП) и употребляется говорящим исключительно перед паузой поискового типа — ФП-1, 2, 6, 29, 30, комбинируясь со звуковой хезитацией в ФП-1, 6.

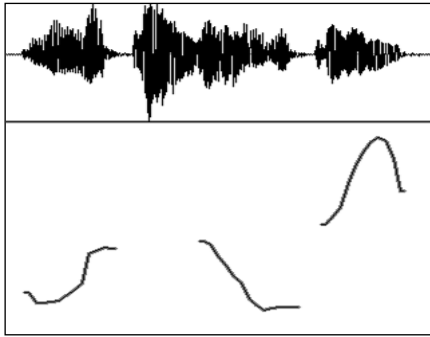
Восходящий контур наблюдается в 34% ФП: средний диапазон равен +7 пт при размахе от +13 до +3 пт. Восходящий контур вводит паузу двух типов: синтаксическую — 82% (тема: ФП-3, 5, 24; рема: ФП-7, 8, 12) и поисковую — 18% (ФП-16, 19).

Среднее значение тонального диапазона: перед поисковой паузой +5,5 пт, при введении темы +6,5 пт, при введении ремы +7,5 пт. Широкий тональный диапазон контура квалифицируется аудиторами как просодический маркер обращенности говорящего к слушающим и экспрессивности речи.

Нисходящий контур (10% ФП) реализуется только на синтаксическом шве для актуализации ремы (ФП-5, 25, 32): средний диапазон составляет -6,5 пт при размахе от -7 до -3 пт. Таким образом, он используется как маркер СФИ-функции, а величина реализуемого тонального диапазона обеспечивает ему стопроцентную различимость на перцептивном уровне по сравнению с ровным и восходящим контурами.

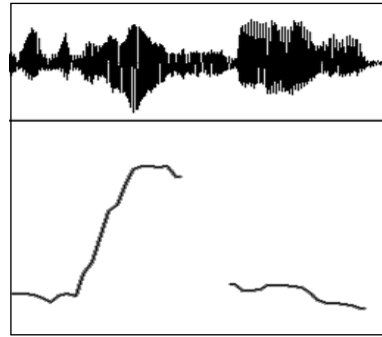
Восходяще-нисходящий контур наблюдается в 41% ФП, то есть количественно доминирует в речи говорящего. Контур реализуется двумя просодическими вариантами (см. графики 1 и 2). Оба варианта обеспечивают взаимодействие СФИ с экстравертной установкой говорящего. На просодическом уровне это взаимодействие выражается прежде всего в расширении тонального диапазона контура.

В варианте 1 (график 1, 38% ФП) сложное тональное движение реализуется в пределах терминального слога: средний диапазон повышающейся части контура составляет +7 пт при размахе от

ФП-31: l'accès à l'école

График 1. Praat: скриншот экрана.
Вариант 1

ФП-23 aujourd'hui c'est euh

График 2. Praat: скриншот экрана.
Вариант 2

+10 до +1 пт, понижающейся части — -5 пт при размахе от -16 до -1 пт. Вариант 1 реализуется на синтаксическом шве, выполняя сегментирующую (тема и рема) и экстравертную функции (ФП-13, 18, 20).

В варианте 2 (график 2, 62% ФП), в отличие от варианта 1, нисходящая часть контура продолжается в парентезе, которая вводит:

- фрагменты хезитационного типа — ФП-9 *entrè la*, ФП-23 *c'est euh*
- хезитацию в виде произнесения конечного [ə] — Фп-10 *claniques*, ФП-11 *oui l'écolè*
- часто повторяемые тематические слова и выражения — ФП-13 *la transmission des savoirs*, ФП-14 *qu'à transmett, les savoirs*, ФП-17 *à transmet, les savoirs*, ФП-28 *transmettrè*.

Средний тональный диапазон повышающейся части контура составляет +5 пт при размахе от +10 до +2 пт, понижающейся части — -13 пт при размахе от -18 до -7 пт. Вариант 2 вводит все виды пауз и одновременно обеспечивает интерактивное взаимодействие говорящего со слушающими.

Проведенный анализ показывает четкую перцептивную дифференциацию четырех контуров в режиме процессуального развертывания УВ.

Два терминальных контура (ровный и нисходящий) демонстрируют корреляцию с реализуемой СФИ-установкой: ровный контур осуществляет сегментацию поискового типа, нисходящий — сегментацию рематического типа.

Восходящий и восходяще-нисходящий контуры — в сумме они сегментируют 75% ФП — характеризуются на акустическом уровне

формой движения ЧОТ и широким тональным диапазоном контура. Экстравертная просодия таким образом создает не только эффект партнерства со слушающими, но и улучшает восприятие реализуемой СФИ-установки: аудиторы отмечают, что говорящего интересно слушать, в его речи присутствует обращенность, экспрессивность, желание убедить и т.д.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов относительно дискурсивного потенциала просодии в процессе гибридизации устной и письменной форм языка. В качестве условий, регулирующих этот процесс в изученной ситуации, рассматриваются:

- необратимость и процессуальность устноречевого порождения;
- наличие у говорящих профессионально накопленного языкового опыта для обсуждения выбранной темы;
- включенность речи в дискурсивную деятельность: обращение к слушающим (экстравертная установка) и контроль процесса речепорождения (интровертная установка).

Просодия играет важную роль в обеспечении этого процессуального взаимодействия. Среди изученных вариантов квазиспонтанной устнопорождаемой монологической речи в статье представлено два: интровертный и экстравертный варианты.

Первый иллюстрирует гибридизацию устной-письменной, которая включена в дискурсивную ситуацию рефлексивного типа: просодия функционирует как озвучивающее средство в процессе монологического сообщения на предложенную тему. Во второй гибридизация реализуется в ситуации событийного типа: просодия используется для создания партнерства со слушающими, выражая обращенность и желание разделить с ними формулируемые мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубнова Г.И. Основные интонационные контуры: акустическая форма и функции, выполняемые в устнопорождаемой монологической речи (на материале французского языка) // Экспериментальные исследования звучащей речи. Сб. науч. трудов. Москва: Институт языкознания РАН, 1998. С. 3–28.
2. Бубнова Г.И. Лингвокогнитивная специфика монологической речи в условиях озвучивания и спонтанного порождения (на материале французской радиопередачи «La Danse des mots») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 31–41.

3. Бубнова Г.И., Гладких М.В. Просодия обращенности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и международная коммуникация. 2018. № 3. С. 46–57.
4. Бубнова Г.И. Просодия в речевом взаимодействии устной и письменной форм языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и международная коммуникация. 2025. № 2. С. 39–58.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
6. Кибрик А.А. Есть ли предложение в устной речи? // Фонетика и нефонетика / Под ред. А.В. Архипова и др. М.: ЯСЛ, 2008. С. 104–115.
7. Кибрик А.А., Подлесская В.И. (под ред.) Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009.
8. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 22–129.
9. *Avanzi M., Martin Ph.* L'intonème conclusif : une fin (de phrase) en soi? // *Nouveaux cahiers de linguistique française*. 2007. No. 28. Pp. 247–258. URL: https://hal.science/hal-00334629/file/19_Avanzi-martin_clf.pdf (дата обращения: 20.09.2025).
10. *Béguelin M.-J.* Clause, période ou autre? La phrase graphique et la question des niveaux d'analyse // *Verbum*. 2002. Vol. 24. No. 1–2. Pp. 85–107. URL: <https://doi.org/10.3406/verbu.2002.1706> (дата обращения: 20.09.2025).
11. *Benveniste E.* Problème de linguistique générale. Tome 1. Paris: Gallimard, 1966.
12. *Berrendonner A.* Les deux syntaxes // *Verbum*. 2002. Vol. 24. No. 1–2. Pp. 23–36. URL: <https://doi.org/10.3406/verbu.2002.1702> (дата обращения: 20.09.2025).
13. *Blanche-Benveniste Cl.* (ed.). Le français parlé. Paris: Editions du CNRS, 1990.
14. *Charolles M., Le Goffic P., Morel M.A.* Y a-t-il une syntaxe au-delà de la phrase? // *Verbum*. 2002. Vol. 24. No. 1–2. URL: <https://books.openedition.org/en-editions/6866> (дата обращения: 20.09.2025).
15. *Hazaël-Massieux M.C.* Le rôle de l'intonation dans la définition et la structuration de l'unité du discours // *Bulletin de la Société Linguistique de Paris*. 1983. Vol. LXXVIII/1. Pp. 99–160.
16. *Lacheret-Dujour A., Kahane S.* Unités syntaxiques et unités intonatives majeures en français parlé: inclusion, fragmentation, chevauchement // *Congrès Mondial de Linguistique Française — CMLF 2020*. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20207814005> (дата обращения: 20.09.2025).
17. *Lacheret-Dujour A., Victorri B.* La période intonative comme unité d'analyse pour l'étude du français parlé: modélisation prosodique et enjeux linguistiques // *Verbum*. 2002. Vol. 24. No. 1–2. Pp. 55–72. URL: <https://doi.org/10.3406/verbu.2002.1704> (дата обращения: 20.09.2025).
18. *Morel M.A., Danon-Boileau L.* Grammaire de l'intonation. L'exemple du français. Paris: Ophrys, 1998.

Galina I. Bubnova

**THE DISCURSIVE POTENTIAL OF PROSODY
IN THE PROCESS OF HYBRIDIZATION
OF ORAL AND WRITTEN FORMS OF LANGUAGE**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; gboubnova@mail.ru

Abstract. Since the 1970s, the intralinguistic specificity observed in oral and written forms of utterance has been explained by the specificity of the production channel. However, the oral-written interaction present in real-life communication situations today is characterized by such diversity that it is sometimes difficult to determine the dominant production mode in each specific case.

This article examines the discursive interaction of production channels using a hybrid form of speech production created by professionals writing and reflecting on an important and relevant issue during oral discussion.

Working in the conditions of irreversibility and progressiveness of the oral speech production process, the speaker simultaneously verbalizes substantive-factual information (SFI-attitude), including it in his discursive activity: addresses his audience (extroverted attitude) and controls the process of speech production (introverted attitude).

The role of prosody in this process, marked by a pause and a pre-pause terminal contour, ensures information processing both at the production and comprehension levels. These markers are discussed in the article within a comparison of extroverted and introverted variants of monologue speech.

Keywords: discursive strategy, oral-written hybridization, prosody, pause division, phonation period, fundamental tone frequency (FTF), terminal contour, tonal range of contour

For citation: Bubnova G.I. (2026) The discursive potential of prosody in the process of hybridization of oral and written forms of language. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(29), pp. 99–119. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-7 (In Russ.)

About the author: Galina I. Bubnova — Dr. Habil. in Philology, Professor, Head of the Department of the French Language of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University; gboubnova@mail.ru

REFERENCES

1. Bubnova G.I. 1998. Osnovnye intonatsionnye kontury: akusticheskaya forma i funktsii, vpolnyaemye v ustnoporozhdaemoi rechi (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Basic intonation contours: acoustic form and functions realised in oral speech production]. *Coll. of scientific papers “Experimental studies of oral speech production”*. Moscow. Institute of Linguistics RAS, pp. 3–28. (In Russ.)
2. Bubnova G.I. 2018. Lingvokognitivnaya specifika monologicheskoi rechi v usloviyah ozvuchivaniya i spontannogo porojdeniya na materiale francuzskoi radio-

peredachi “La Danse des mots” [Linguo-cognitive Specificity of Monologue Speech under Conditions of Scripted and Spontaneous Production: A Study of the French Radio Broadcast “La Danse des mots”]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 31–41. (In Russ.)

3. Bubnova G.I., Gladkikh M.V. 2018. Prosodya obrashennosti [Prosody of the addressing]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 39–58. (In Russ.)

4. Bubnova G.I. 2025. Prosodiya v rechevom vzaimodeystvii ustnoy i pis'mennoy form yazyka [Prosody in the Oral and Written Language Forms Interaction]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 2, pp. 46–58. (In Russ.)

5. Galperin I.R. 1981. *Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. M.: Nauka. (In Russ.)

6. Kibrik A.A. 2008. Est li predlozhenie v ustnoj rechi? [Is there a sentence in oral speech?] In Arhipova A.V. et al. (eds.). *Fonetika i nefonetika* [Phonetics and non-phonetics]. M.: YaSL, pp. 104–115. (In Russ.)

7. Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. (eds.). 2009. *Rasskazy o snovideniyah. Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Dream Stories: A Corpus-Based Study of Russian Oral Discourse]. M. Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.)

8. Austin J.L. 1986. Slovo kak dejstvie [How to do things with words]. In *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics], no. XVII. M., pp. 22–129. (In Russ.)

9. Avanzi M., Martin Ph. 2007. L'intonème conclusif: une fin (de phrase) en soi? [The conclusive intonation: an end (of a sentence) in itself?]. *Nouveaux cahiers de linguistique française*, no. 28, pp. 247–258. URL: https://hal.science/hal-00334629/file/19_Avanzi-martin_clf.pdf (accessed: 25.09.2025). (In French)

10. Béguelin M.-J. 2002. Clause, période ou autre? La phrase graphique et la question des niveaux d'analyse [Clause, period, or something else? The graphic sentence and the question of levels of analysis]. *Verbum*, vol. 24, no. 1–2, pp. 85–107. URL: <https://doi.org/10.3406/verbu.2002.1706>. (accessed: 25.09.2025). (In French)

11. Benveniste E. 1966. *Problème de linguistique générale* [Problem of general linguistics]. Tome 1. Paris: Gallimard. (In French)

12. Berrendonner A. 2002. Les deux syntaxes [The two syntaxes]. *Verbum*, vol. 24, no. 1–2, pp. 23–36. URL: <https://doi.org/10.3406/verbu.2002.1702>. (accessed: 25.09.2025). (In French)

13. Blanche-Benveniste Cl. (ed.). 1990. *Le français parlé* [Spoken French]. Paris: Editions du CNRS. (In French)

14. Charolles M., Le Goffic P., Morel M.A. (eds.). 2002. *Y a-t-il une syntaxe au-delà de la phrase?* [Is there a syntax beyond the sentence?]. *Verbum*, vol. 24, no. 1–2. URL: <https://books.openedition.org/enseditions/6866> (accessed: 25.09.2025). (In French)

15. Hazaël-Massieux M.C. 1983. Le rôle de l'intonation dans la définition et la structuration de l'unité du discours [The role of intonation in defining and structuring the unit of discourse]. *Bulletin de la Société Linguistique de Paris*, vol. LXXVIII/1, pp. 99–160. (In French)

16. Lacheret-Dujour A., Kahane S. 2020. Unités syntaxiques et unités intonatives majeures en français parlé : inclusion, fragmentation, chevauchement [Major syntactic and intonational units in spoken French: inclusion, fragmentation, over-

lap]. *Congrès Mondial de Linguistique Française — CMLF 2020*. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20207814005> (accessed: 25.09.2025). (In French)

17. Lacheret-Dujour A., Victorri B. 2002. La période intonative comme unité d'analyse pour l'étude du français parlé : modélisation prosodique et enjeux linguistiques [The intonation period as a unit of analysis for the study of spoken French: prosodic modeling and linguistic issues]. *Verbum*, vol. 24, no. 1–2, pp.55–72. URL: <https://doi.org/10.3406/verbu.2002.1704> (accessed: 25.09.2025). (In French)

18. Morel M.A., Danon-Boileau L. 1998. *Grammaire de l'intonation. L'exemple du français* [Grammar of intonation. The example of French]. Paris: Ophrys. (In French)

Статья поступила в редакцию 12.10.2025;
одобрена после рецензирования 27.11.2025;
принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 12.10.2025;
approved after reviewing 27.11.2025;
accepted for publication 15.12.2025.

ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

В.Н. Калуцков

«ОТ ВОЛГИ ДО ЕНИСЕЯ»: К ПОНЯТИЮ ОБРАЗА-КАРТЫ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; v.kalutskov@yandex.ru

Аннотация. В статье развивается понятие образа-карты. Оно возникает в результате применения пространственного подхода при исследовании литературных текстов под культурно-географическим углом зрения.

Под образом-картой понимается придуманный автором концептуальный географический образ (страны, региона, города), поддающийся картографической визуализации.

Образ-карта формируется при взгляде на мир сверху, с высоты птичьего полета, полета, воображаемого писателем или поэтом. Поэтому характерными индикаторами такого видения мира выступают такие концепты, как птица, неземное существо, полет, небо, облака, горы.

Понятие образа-карты включает три уровня: концептуальный, литературный и географический.

Концептуальная составляющая выражается в пространственной идее автора — геополитической, геокультурной, геисторической. Она формирует авторское видение описываемого пространства.

Географическая составляющая образа-карты нацелена на картографическую визуализацию литературного текста, что позволяет лучше понять пространственный охват мысли автора и придуманные им географические образы мест.

Литературные тексты, содержащие топонимы или этнонимы в качестве меток пространства, отражают географическую реальность. Подобные «географические» тексты литературных произведений можно рассматривать в качестве географического сверткестата литературы.

Литературные тексты, содержащие образы-карты, связаны с пространственным, или картографическим, воображением. Пространственный охват

Калуцков Владимир Николаевич — доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; v.kalutskov@yandex.ru

образов-карт ограничен не взглядом, но мыслью и воображением автора. Поэтому образы-карты в литературе, как правило, — это географические образы большого мира, образы стран и регионов.

На материале конкретных литературных текстов рассматриваются образы-карты России и Кавказа.

Ключевые слова: литературная география, географический образ, образ-карта, картографическая визуализация, сверхтекст

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-8

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Калуцков В.Н. «От Волги до Енисея»: к понятию образа-карты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 1. С. 120–138. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-8

Известный американский культур-географ И Фу Туан отмечал, что географии стоит обращаться к литературе как к уникальной кладези пространственного опыта, который помогает взглянуть на взаимоотношения человека и пространства, в котором он существует [Tuan Yi-Fu, 1988].

Под географическим образом понимается «система знаков, символов, архетипов, стереотипов», связанных с конкретным местом [Замятин, 2004]. Географические образы мест, расположенных в сходных природных и культурных условиях, образуют определенные культурно-пространственные системы, которые Д.Н. Замятин назвал геокультурными текстами. Иначе, геокультурный текст — это такой сверхтекст, в котором отражены ландшафтные особенности территории [Замятин, 2023]. Автор выделяет зональные (лесные, степные, тундровые), региональные (горные, равнинные, морские), антропогенные (усадебные, городские, сельские) геокультурные тексты.

С другой стороны, каждая культура располагает уникальным опытом освоения «своего» пространства, который закреплен в языке и народной мифологии. На основе этого опыта формируется пространственное воображение и возникают народные географические образы. Но не менее важен и личный опыт, особенно, когда речь идет о литературном опыте.

Русская культура сформировалась в условиях лесной равнины. В древней и средневековой Руси леса занимали огромные пространства. С позиции восприятия, лесные культуры формируют за-

крытые пространства, горизонт обозрения — небольшой. Даже во времена Пушкина лес стеной стоял по обе стороны большей части дорог Центральной России, закрывая обзор для путешественника. Вероятно, это обстоятельство и породило известное выражение маркиза де Кюстина о России как страны без пейзажей.

Однако в условиях лесной равнины есть одно важное исключение — высокие берега рек, которые с давних времен привлекали людей (не удивительно, что набережная в речных городах России — излюбленное место прогулки горожан). Благодаря высокому берегу реки или озера расширяется горизонт восприятия окружающего мира.

Для представителей русской культуры существуют и другие природные механизмы-стимуляторы развития пространственного воображения — это степь и горы.

Из горных массивов современной России по степени влияния на русскую литературу выделяется Кавказ. Прав был В. Белинский, когда писал: «И Кавказ — эта колыбель поэзии Пушкина — сделался потом и колыбелью поэзии Лермонтова...» [Белинский, 1985: 294]. Но в контексте рассматриваемой темы заметим, что именно Кавказские горы с их открытостью пространства и возможностью панорамного обзора оказали огромное влияние на формирование и развитие у русских литераторов **пространственного воображения**. Обратимся к примерам.

*Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины:
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.
Здесь тучи смиренно идут подо мной...¹ (выделено мною — В.К.).*

В приведенном фрагменте известного стихотворения выделены места, которые важны для понимания рассматриваемой темы. Поэт, стоя на земле, как бы парит вместе с орлом среди туч. Представленные метафоры орла, облаков — это не только яркие образы горного ландшафта, это знаки нового творческого состояния поэта. Расул Гамзатов, вероятно, под влиянием известного высказывания Д.С. Лихачева, назвал Пушкина Колумбом поэтического Кавказа. Он также писал о том, что «Кавказ — это Пушкинская держава», имея в виду, что во многих своих произведениях он обращался к теме

---

¹ Пушкин А.С. Кавказ // ППС. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР. 1963. С. 137.

Кавказа («Пушкин открыл для русской поэзии Кавказ и умножил его красоту и славу»), хотя и был там всего 2 раза — в 1820 и 1829 гг. [Гамзатов, 2017: 5].

*Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.
Далекий, возделенный берег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной **вышине!**
Туда б, в **заоблачную** келью,
В **соседство бога** скрыться мне!..² (выделено мною — В.К.).*

Как видим, и в этом стихотворении поэт использует те же концепты — гор, облаков, вышины-вершины. Поэт всматривается в заоблачный монастырь, размышляя о божественном, о горнем.

По сравнению с Пушкиным опыт общения Лермонтова с регионом был богаче. Уже в раннем детстве его привезли в селение Шелкозаводск (ныне Парабоч). Поэт бывал во многих уголках Кавказа — от Тамани до Дагестана, от Пятигорска до Тифлиса. Он всем сердцем полюбил это край. Лермонтов называл себя сыном Кавказа. К примеру, в стихотворении «Кавказ» каждый поэтический абзац заканчивается фразой «Люблю я Кавказ». А стихотворение «Синие горы Кавказа, приветствую вас!..» представляет собой поэтический манифест, в котором автор оценивает влияние края на свое пространственное, связанное с небом, воображение.

*Синие **горы** Кавказа, приветствую вас!
вы **взлелеяли** **детство** мое;
вы носили меня на своих одичалых хребтах,
облаками меня одевали,
вы к небу **меня приучили**,
и я с той поры все мечтаю об вас да о **небе** ³ (выделено мною — В.К.).*

Горы, облака, небо — это не просто яркие метафорические образы региона, это свидетельство нового качества пространственного воображения поэта и ключевой фразой этого манифеста является фраза — «вы к небу меня приучили».

² Пушкин А.С. Монастырь на Казбеке // ППС. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР. 1963. С. 141.

³ Лермонтов М.Ю. Синие горы Кавказа, приветствую вас!.. // Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. М.: Художественная литература. 1976. С. 416.

Именно кавказский опыт привел к новому мировосприятию Лермонтова. Это проявилось и в его творчестве — в создании в стихах поэта качественно новых «полетных» **пространственных образов, или образов-карт.**

1. Образ-карта как неявный географический образ: определение и структура

Образ-карта относится к неявным географическим образам, т.е. таким, для выявления которых в литературном произведении требуются определенные исследовательские процедуры.

Образ-карта — это придуманный автором концептуальный географический образ (страны, региона, города), поддающийся картографической визуализации.

Образ-карта, или «картографический образ» пространства литературного произведения, представляет собой субъект-объектную систему, которая описывает географические реалии на основе авторского видения пространства.

Исходя из определения, понятие образа-карты включает концептуальный, литературный и географический компоненты (рис. 1).

Рис. 1. Структура понятия «образ-карта»

Географическая составляющая образа-карты представлена картой географических объектов, названных в литературном произведении. В результате такого литературного картографирования происходит локализация мест-топонимов и **визуализация литературного текста.** Картографическая визуализация текста позволяет понять пространственный охват мысли автора и выявить механизмы его пространственного воображения.

Задача визуализации литературного текста относительно проста в тех случаях, когда автор в тексте использует топонимы или этнонимы, что и позволяет картографировать представленное литературное пространство.

Однако нередко случаи, когда при описании пространства используются нетопонимический — географический — прием. Это значит, что авторы при описании территории называют характер-

ные для нее географические объекты, например, горы, степи, моря, озера и т.д. Русские литераторы при раскрытии образа-карты России нередко называют типичные для страны географические зоны, чаще всего лесную и степную. Литературная карта, составленная на основе таких текстов, похожа на физическую карту, на которой изображены характерные природные объекты без названия. Но и в таких случаях литературные тексты могут быть закартографированы. К примеру, текст «С южных гор до северных морей» может быть нанесен на карту следующим способом. К «южным горам» СССР относились маркирующие южную границу страны Крымские горы, Кавказ, Копет-Даг, Тянь-Шань, Алтай, а «северные моря» — это моря Северного Ледовитого океана.

По характеру локализации мест-топонимов на карте можно выделить ареальные и пограничные пространственные образы. Первые на основании анализа разброса топонимов позволяют выявить географический ареал страны или региона в воображении автора, вторые — нацелены на демонстрацию его границ в авторской версии («от Волги до Енисея»).

Не менее важна **литературная составляющая** образа-карты. Фольклор и литература представляет собой мощные продуценты географических образов. В зависимости от жанра литературного произведения они могут быть представлены и многословными описаниями территории, и глубоко эмоционально окрашенными поэтическими признаниями любви к родному месту, и метафорическими компактными «литературными формулами» места. Подобные «формулы» особенно характерны для фольклорных и поэтических текстов, к примеру, «матушка Волга», «священный Байкал» или «Урал — опорный край России».

С позиции литературоведения, опираясь на пространственный подход и представление об образе-карте, можно попытаться выделить географический «жанр» литературных произведений, т.е. группу литературных текстов, в которых отражается географическая реальность. Однако ситуация с жанровой принадлежностью подобных «географических» текстов схожа с ситуацией с травелогами, которые признают не самостоятельным жанром, а «конгломератом жанров» [Пономарев, 2013: 10] или «кластером литературы» [Печерская, 2016: 10].

Поэтому правильнее подобные «географические» тексты литературных произведений отнести к особому **географическому сверхтексту литературы**.

Самым важным компонентом образа-карты является его **концептуальная составляющая**. Она выражается в пространственной

идее автора — геополитической, геокультурной, геоисторической. Концептуальная авторская интерпретация пространства страны, региона или города задает определенный контекст представленным в тексте топонимии и географическим объектам.

К примеру, в стихотворении «России» А.С. Хомяков концептуально представляет Россию как «беспредельную» страну, страну природного изобилия. И, опираясь на эту геополитическую идею, выстраивается весь ряд характерных для России географических объектов.

*Пределов нет твоим владеньям,
И, прихотей твоих раба,
Внимает гордым повеленьям
Тебе покорная судьба.
Красны степей твоих уборы,
И горы в небо уперлись,
И как моря твои озёры
Не верь, не слушай, не гордись!
Пусть рек твоих глубоки волны,
Как волны синие морей,
И недра гор алмазов полны,
И хлебом пышен тук степей;
Пусть пред твоим державным блеском
Народы робко клонят взор
И семь морей немолчным плеском
Тебе поют хвалебный хор...⁴*

В качестве меток большого и разнообразного пространства сильной державы автор использует не топонимы и гидронимы, а наименования физико-географических объектов — морей, озер, гор, степей. Кстати, упомянутое автором число морей — семь, хотя автор и занижил их число, также свидетельствует о значительных размерах и о мощи России. Стихотворение «России», написанное в 1839 году, по мнению исследователей, могло повлиять на образ России в стихотворении Лермонтова «Деревня» [Эпштейн, 1990].

Заметим, что географический свертхтекст в литературных произведениях обладает двумя уровнями пространственной организации — концептуальным и территориальным. Первый связан с авторской идеей интерпретации пространства; на ее основе происходит выбор топонимов и этнонимов.

Территориальная же организация свертхтекста (ареалы, границы, территориальные структуры), как было показано, выявляется

---

⁴ Хомяков А.С. России // Стихотворения и драмы. Л.: Советский писатель. 1969. С. 110–111.

с помощью картографического метода и ее можно увидеть на составленной литературной карте.

Таким образом, концептуальная составляющая связывает литературный и географический компоненты, придает всему образу-карте целостный характер.

2. Образ-карта и его характеристики

Образ-карта, как и образ-картина, относятся к неявным географическим образам, для выявления которых требуется разработка соответствующих методик. Напомним, что под образом-картиной, или литературным пейзажем, понимается эмоционально окрашенный образ ближнего мира гения места, ограниченный взглядом и воображением автора; представление об образе-картины появляется на основе применения пейзажного подхода [Тютюнник, 2021; Калуцков, 2025].

Таблица 1

**Сравнительные характеристики географических образов:
образа-карты и образа-картины**

Характеристики	Образ-картина	Образ-карта
Научный подход	Пейзажный	Пространственный
Тип восприятия (связан с положением воспринимающего субъекта)	Вертикальный с поверхности земли, прямая линейная перспектива	Горизонтальный, с высоты птичьего полета
Характерные словесные маркеры в литературных текстах	Картина, вид, панорама, ландшафт	Птица, неземное существо, полет, небо, облака, горы
Маркеры места обозрения в литературных текстах	Окно, крыльцо, высокий берег реки, гора	Отсутствуют
Тип визуализации литературного текста	Пейзажная картина, фотография	Карта, картосхема
Число измерений пространства	Три	Два
Маркеры пространства	Именные, назывные	Именные, назывные
Связность географических объектов, представленных в литературном тексте	Визуально связаны	Визуально, как правило, не связаны, связаны мыслью автора
Территориальный охват представленного автором пространства	Ближний малый мир	Разный: от большого (страна, регион) до малого мира

При работе с литературными произведениями, для понимания того, с чем имеет дело исследователь, методически важно опираться на характерные словесные маркеры географических образов в литературных текстах.

В отличие от пейзажного видения мира **образ-карта** формируется при взгляде на мир сверху, **с высоты птичьего полета**, полета, воображаемого писателем или поэтом. Поэтому для образов-карт круг характерных слов-индикаторов другой: *птица (орел, сокол...), неземное существо, полет, небо, облака, горы*.

При создании поэтических образов такого типа многие литераторы используют **метафору летящей птицы**, демонстрируя механизм порождения подобных образов. В отличие от пейзажных образов, которые возникают у стоящего на земле человека, пространственные образы, или образы-карты, порождаются при обозрении земных просторов сверху, с неба. К примеру, А.С. Хомяков в своих произведениях воспринимает мир глазами орла: *«Мне снилось — лечу я: орел сизокрылый»* и *«И с неба картину я зрел величаву»*⁵. При таком характере мировосприятия литератор способен охватить своей мыслью огромные пространства. Так, в стихотворении с характерным названием «Орел» Дальний Запад маркируется следующими топонимами и этнонимами: Балканы, Альпы, Карпаты, Дунай, тевтоны. Другой пример связан с творчеством М.Ю. Лермонтова. В стихотворении «Спор» поэт предпринимает попытку геокультурного осмысления Кавказской войны, войны, где противостоят два мира — «дряхлый» Восток и «темный» Север. Первый охватывает огромное пространство Ближнего и Среднего Востока, представленное такими топонимами и этнонимами, как грузин, Тегеран, Ерусалим, желтый Нил, бедуин. Под «темным» Севером понимается Россия, границы которой маркируются топонимами Урал и Дунай.

Примеры творчества А.С. Хомякова и М.Ю. Лермонтова демонстрируют, что литературные тексты, содержащие **образы-карты**, требуют от литератора владение другим типом географического воображения, о котором упоминалось в начале статьи — **пространственным**, или картографическим, **воображением**. Соответственно, пространственный охват образов-карт ограничен не взглядом, но **мыслью и воображением автора**.

Как следствие, образы-карты в литературе, как правило, — это географические образы большого мира, стран и регионов, но встречаются и образы-карты малых миров.

⁵ Хомяков А.С. Беззвездная полночь дышала прохладой... // Стихотворения и драмы. Л.: Советский писатель. 1969. С. 126.

3. «От Волги до Енисея»: образы-карты России в литературе

Осмысление огромного российского пространства — давний предмет философского и литературного творчества. При этом существуют два взаимно противоположных подхода — большое пространство как рок, как проклятье (Н.Я. Чаадаев) и огромное пространство как ресурс, как показатель исторической успешности державы, например, такой позиции придерживался М.В. Ломоносов.

Великий ученый и поэт М.В. Ломоносов в ряде своих произведений представляет мощный «картографический» образ России.

*Она, коснувшись облаков,
Конца не зрит своей державы,
Гремящей насыщенной славой,
Покоится среди лугов.
В полях, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Нева и Дон,
Своими чистыми струями
Шумя, стадам наводят сон,
Седит и ноги простирает
На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой обращает
И вокруг довольства исчисляет,
Возлегли лактем на Кавкас⁶.*

Концептуально для Ломоносова Россия — «бесконечная» страна, благодатная процветающая империя. При этом топонимический ареал страны в тексте поэта охватывает только ее европейскую часть, или Срединную Россию — «от Днепра до Волги». Это пространство полей «исполненных плодами», центральная зона русской культуры. Пограничные образы страны задаются через южную — Кавказ (во времена Ломоносова большая часть Кавказа не входила в состав России) и восточную границу империи (Великая китайская стена).

Другая пространственная идея — концепция России как православной державы — реализуется в стихотворении А.С. Хомякова «Киев». Его картографическая визуализация демонстрирует места исхода паломников — от Карпат до Енисея и от Белого до Черного моря, де факто представляя огромное пространство православной

---

⁶ Ломоносов М.В. Ода на день восшествия на престол Ея Величества Государыни Елисаветы Петровны 1748 года // ПСС. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1983. Т. 8. 1959. С. 221–222.

России. Центром притяжения верующих выступает «мать городов русских» и место крещения Руси Киев с его духовными святынями (рисунок 2). Наделенные эпитетами топонимы представляют собой яркие авторские географические образы представленных мест.

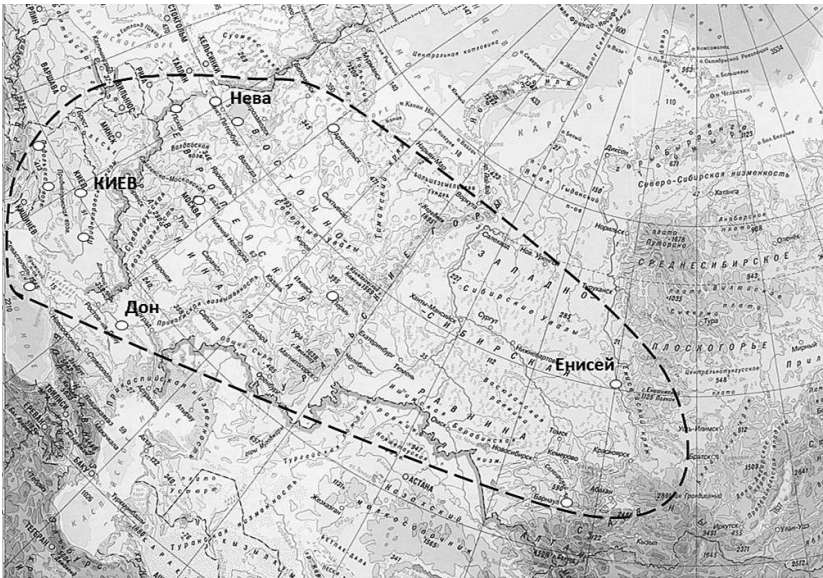

Рис. 2. Ареал православной России в стихотворении А.С. Хомякова «Киев». Пунсонами обозначены топонимы, упомянутые в тексте

В авторской последовательности ареал православной России охватывает: Киев, Днепр, тихий Дон, беспредельный Енисей, теплый берег Евксина (Черного моря), (неявно) Белое море, Алтай, старый Псков, холодную Ладугу, синие волны Невы, многоводную Каму, матушку Москву, а также Волынь и Галич. Последние во времена Хомякова находились за пределами российской империи; автор указывает на необходимость их соединения с православной Россией.

Как видим, образы России, предъявленные М.В. Ломоносовым и А.С. Хомяковым — это образы уверенной в себе мощной и богатой страны. Противоположный образ России представляет М.А. Волошин в поэме «Россия».

*Безмерное и смутное — Россия...
 Как будто бы во мне самом легла
 Бескрайняя и тусклая равнина,
 Белесою лоснящаяся тьмой,
 Остуженная жгучими ветрами.*

*В молчании вился морозный прах:
Ни выстрелов, ни зарев, ни пожаров;
Мерцали солью топи Сиваша,
Да камыши шуршали на Кубани,
Да стыл Кронштадт... Украина и Дон,
Урал, Сибирь и Польша — всё молчало.
Лишь горький снег могилы заметал...
Но было так неизгъяснимо томно,
Что старая всей пережитой кровью,
Усталая от ужаса душа
Всё вынесла бы — только не молчанье⁷.*

Концептуально, в тексте заложен мощный геокультурный эсхатологический образ бывшей империи, которая после кровавой гражданской войны превратилась в «тусклую равнину», в застывшую страну-могилу. Волошинские топонимы (от Сибири до Польши) отображают огромный ареал распавшегося огромного пространства. У Ломоносова Россия улыбается, у Хомякова — молится, а у Волошина и Россия, и сам автор молчат от пережитого ужаса.

Пространственная идеология Твардовского в поэме «За далью даль» представляет собой прожективную идеологию советской империи, в основе которой лежит идея освоения огромного «недоосвоенного» пространства, «недоосвоенного» материально и культурно; при этом автор сам готов участвовать в культурном освоении России [Калуцков, 2022].

Поэма буквально пропитана пространством — насыщена гео-концептами, сильными географическими образами — и потому без преувеличения может использоваться как благодатный материал для курсов по географии России.

Твардовский хорошо понимает, как устроено пространство советской / российской империи: в его основе лежит москвоцентричность. Москва — это и центр государства, и центр притяжения всего огромного пространства, и продуцент культурных образцов и норм для всей страны. Символично, что герой поэмы отправляется в свое путешествие из Москвы по государствообразующей дороге — Транссибирской магистрали.

Для поэмы автор придумал специальный пространственный концепт — даль, который вошел в ее название: «За далью даль». С позиции культурной географии даль представляет собой крупный культурный регион страны. По мнению С.Я. Маршака, в выборе

---

⁷ Волошин М.А. Россия // Волошин М.А. Молюсь за тех и за других: Стихи, поэмы, ст. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 312.

автором геоконцептов-топонимов — Заволжье, Предуралье, Зауралье, Забайкалье, Дальний Восток — уже чувствуется даль [Маршак, 1961: 15].

*И подо мной опять гудела
В пути оставленная сталь.
И до обратного предела
Располагалась та же даль.*

*И от вокзала до вокзала
Я снова в грудь ее вбирал:
И тьму тайги, и плес Байкала,
И степь, и дымчатый Урал⁸.*

Основные авторские дали — это пять крупных — стержневых — культурных регионов страны: Москва (как Центральная Россия) — Волга (Поволжье) — Урал — Сибирь — Дальний Восток. Каждый из макрорегионов получил почти фольклорный образ: матушка Москва, Волга (Волга-матушка, «середина земли родной», граница Востока и Запада), Урал (дымчатый Урал, Урал-батюшка, «опорный край державы»), звездная Сибирь.

Рассматривая, как меняется образ-карта России с XVIII по XX век, отметим, что общим у всех представленных авторов является «чувство державности» (Маршак), когда поэты соперещивают состояние страны как свое собственное душевное состояние.

Пространство огромной страны каждый раз насыщается разными образами в зависимости от концепции автора — славой у Ломоносова, божественной защитой у Хомякова, трагической тишиной у Волошина, «поднятой целиной» Твардовского. Представление об образе-карте позволяет увязать пространственные идеи художника с земными реалиями.

Выбор топонимов-мест, приводимых в текстах произведений, определяется геополитическими или геокультурными (нередко ситуационными) воззрениями литератора.

Образы-карты Кавказа в произведениях М.Ю. Лермонтова (на материале поэмы «Демон» и стихотворения «Спор»)

Рассмотрим проявления образа-карты, в двух «региональных» произведениях М.Ю. Лермонтова — в поэме «Демон» и стихотворении «Спор».

Из текста поэмы выбраны фрагменты, содержащие топонимы (они выделены жирным шрифтом).

⁸ Твардовский А.Т. За далью — даль. М., 1961. С. 90.

Печальный Демон, дух изгнания,
 Летал над грешною землей...
 И над вершинами Кавказа
 Изгнанник рая пролетал:
 Под ним Казбек, как грань алмаза,
 Снегами вечными сиял...
 Вился излучистый Дарьял,
 И Терек, прыгая, как львица...
 И перед ним иной картины
 Красы живые расцвели:
 Роскошной Грузии долины
 Ковром раскинулись вдали...
 Арагвы светлой он счастливо
 Достиг зеленых берегов...
 На склоне каменной горы
 Над Койшаурскою долиной...⁹

Рис. 3. Маршрут полета Демона (поэма «Демон»)

При картографировании текста выясняется, что полет демона над Кавказскими горами не имеет случайного характера; при этом он не охватывает огромного пространства Большого Кавказа, как можно было бы ожидать, а выстраивается компактно, в линию, про-

⁹ Лермонтов М.Ю. Демон // Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М.: Художественная литература, 1976. С. 47–77.

ходящую с севера на юг (рисунок 3). Интересно, что все упомянутые географические названия локализируются вдоль Военно-Грузинской дороги, которая была хорошо знакома Лермонтову; по ней проезжал он сам и герои его произведений.

Эта знаменитая историческая дорога начинается от Владикавказа и заканчивается в Тбилиси (старое название — Тифлис). Заметим, что с позиции литературной географии Военно-Грузинская дорога представляет собой транскавказскую литературную магистраль. По ней проезжали, формируя свои представления о Кавказе, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.В. Маяковский, Ильф и Петров и другие русские литераторы.

Если мы сравним маршрут демона и героя, от имени которого ведется повествование в «Герое нашего времени», то выясняется, что они совпадают! Одно отличие: демон летит на юг, а герой романа едет на север. Тем самым в «Демоне» автор посылает своего летающего героя в путешествие по хорошо знакомым и любимым местам.

Обратим внимание на эпитеты, которыми поэт награждает места, над которыми пролетает темный ангел. Снега Казбека сравниваются с гранями алмаза, своенравный Терек — со львицей, долины Грузии — с роскошным ковром. Койшаурскую долину Лермонтов в «Герое нашего времени» называет славным местом. В другой части поэмы автор называет Казбек могучим царем Кавказа «в чалме и ризе парчевой».

В стихотворении «Спор» поэт предпринимает попытку концептуального геокультурного осмысления Кавказской войны, войны, в которой, по версии автора, противостоят два мира¹⁰. Один мир — «дряхлый» Восток, к которому, очевидно, относился и Кавказ до его вхождения в состав России, и «темный» Север.

Первый охватывает огромное пространство Ближнего и Среднего Востока, представленное в стихотворении такими топонимами и этнонимами, как грузин, Тегеран, Ерусалим, желтый Нил, бедуин. Под «темным» Севером понимается Россия, края которой маркируются топонимами Урал и Дунай.

Итак, концепция образа-карты позволяет по-новому взглянуть на географически ориентированные литературные тексты.

Образ-карта представляет собой своего рода кентавр-образ, в котором выделяется концептуальная, литературная и географическая составляющие.

---

¹⁰ Лермонтов М.Ю. Спор // Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1976. С. 110–113.

Концептуальная компонента образа-карты, или пространственная идея, выражается в авторском видении и интерпретации описываемого пространства страны, региона или города.

Географическая составляющая реализуется с помощью картографической визуализации литературного текста: она представлена картой географических объектов, названных в литературном произведении.

Не менее важна литературная составляющая образа-карты. Она различается в зависимости от литературного произведения — от многословных описаний до метафорических «формул» мест.

Применение концепции образа-карты в исследовании литературных текстов, содержащих пространственную информацию, позволяет выявлять неочевидные литературные и географические закономерности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина. М.: Художественная литература, 1985.

2. *Гамзатов Р.* Колумб поэтического Кавказа // Литературное наследие А.С. Пушкина как одна из духовных основ единения Русского мира. Кавказский опыт. Хасавюрт: Хасавюртовская центральная городская библиотека имени Расула Гамзатова, 2017. С. 2–5. URL: <https://www.calameo.com/read/0004639036b9b49fb1c8e> (дата обращения: 24.09.2025).

3. *Замятин Д.Н.* Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004.

4. *Замятин Д.Н.* Черноморский текст русской литературы: геокультуры, сопостранственность и географическое воображение // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 47–57.

5. *Калуцков В.Н.* «Тёркин в Сибири»: культурно-географическое исследование сложного литературного путешествия (на материале поэмы А.Т. Твардовского «За далью — даль») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 86–99.

6. *Калуцков В.Н.* Пейзаж и пейзажный подход в географии // Известия РАН. Серия географическая. 2025. Т. 89. № 1. С. 90–97.

7. *Маршак С.Я.* Ради жизни на земле: Об Александре Твардовском. М.: Советский писатель, 1961.

8. *Печерская Т.И.* Проект «Аннотированный указатель “Русский травелог XVIII — начала XX в.”»: К постановке проблемы // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллект монография / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. С. 8–20.

9. *Пономарев Е.Р.* Типология советского путешествия: «путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2013.

10. *Тютюнник Ю.Г.* Художественное ландшафтоведение в географическом описании // Географический вестн. 2021. № 3 (58). С. 6–20.

11. Энштейн М.Н. Природа, мир, тайник, вселенной: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990.

12. Tuan Yi-Fu. The City as a Moral Univers // Geographical Review. 1988. Vol. 78. No. 3. Pp. 316–324.

Vladimir N. Kalutskov

**“FROM THE VOLGA TO THE YENISEI”:
TO THE CONCEPT OF THE IMAGE-MAP**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; v.kalutskov@yandex.ru

Abstract. The article develops the concept of the image-map. It arises as a result of applying a spatial approach to the study of literary texts from a cultural and geographical perspective.

An image-map is a conceptual geographical image (of a country, region, or city) created by an author and capable of being visualized on a map.

An image-map is formed by looking at the world from above, from a bird's-eye view, a view imagined by a writer or poet. Therefore, words such as bird, ethereal being, flight, sky, clouds, and mountains are characteristic indicators of this vision of the world.

The concept of a map image includes three levels: conceptual, literary, and geographical.

The conceptual component is expressed in the author's spatial idea — geopolitical, geocultural, geohistorical. It forms the author's vision of the described space.

The geographical component of the map-image is aimed at the cartographic visualization of the literary text, which allows us to better understand the spatial scope of the author's thought and the geographical images of places that he has invented.

Literary texts that contain toponyms or ethnonyms as markers of space reflect geographical reality. Such “geographical” texts of literary works can be considered as a geographical supertext of literature.

Literary texts that contain map-images are associated with spatial or cartographic imagination. The spatial scope of map images is limited not by the author's gaze, but by the author's thoughts and imagination. Therefore, map images in literature are usually geographical images of the world, images of countries and regions.

This article examines map images of Russia and the Caucasus based on specific literary texts.

Keywords: literary geography, geographical image, map image, cartographic visualization, supertext

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Kalutskov V.N. (2026) “From the Volga to the Yenisei”: to the concept of the image-map. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(29), pp. 120–138. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-8 (In Russ.)

About the author: Vladimir N. Kalutskov — Dr. Habil in Geographical Sciences, Professor of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; v.kalutskov@yandex.ru

REFERENCES

1. Belinsky V.G. 1985. *Sochineniya Aleksandra Pushkina* [Alexander Pushkin's Works]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russ.)

2. Gamzatov R. 2017. Kolumb poeticheskogo Kavkaza [The Columbus of the Poetic Caucasus]. In *Literaturnoe nasledie A.S. Pushkina kak odna iz dukhovnykh osnov edineniya Russkogo mira. Kavkazskij opyt*. [Literary heritage of A.S. Pushkin as one of the spiritual cornerstones of Russian world unification. The Caucasian experience] Khasavyurt, Rasul Gamzatov Khasavyurt Central City Library. Pp. 2–5 URL: <https://www.calameo.com/read/0004639036b9b49fb1c8e> (accessed: 24.09.2025). (In Russ.)

3. Zamyatin D.N. 2006. *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space: Modeling of geographical images]. Moscow: Znak (In Russ.)

4. Zamyatin D.N. 2023. Chernomorskij tekst russkoj literatury: geokul'tury, soprostranstvennost' i geograficheskoe voobrazhenie [The Black Sea Text of Russian Literature: Geocultures, Co-Spatiality, and Geographical Imagination]. *Geograficheskaya sreda i zhivye sistemy*, no. 2, pp. 47–57. (In Russ.)

5. Kalutskov V.N. 2022. «Tyorkin v Sibiri»: kul'turno-geograficheskoe issledovanie slozhnogo literaturnogo puteshestviya (na materiale poemy A.T. Tvardovskogo «Za dal'yu — dal'») [“Terykin in Siberia”: A Cultural and Geographical Study of a Complex Literary Journey (Based on the Poem “Beyond the Distance” by A.T. Tvardovsky)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 86–99. (In Russ.)

6. Kalutskov V.N. 2025. Pejzazh i pejzazhnyj podhod v geografii [Landscape and Landscape Approach in Geography]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, vol. 89, no. 1, pp. 90–97. (In Russ.)

7. Marshak S.Ya. 1961. *Radi zhizni na zemle: Ob Aleksandre Tvardovskom* [For the Sake of Life on Earth: About Alexander Tvardovsky]. Moscow: Sovetsky Pisatel. (In Russ.)

8. Pecherskaya T.I. 2016. Proekt «Annotirovannyj ukazatel' “Russkij travelog XVIII — nachala XX v.”»: K postanovke problemy [“Project ‘Annotated index “Russian travelogue of the XVIII — early XX century”’: To the problem statement”]. In Pecherskaya T.I., Konstantinova N.V. (eds.). *Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy: kollekt monografiya* [Russian travelogue in the 18th–20th centuries: itineraries, topoi, genres and narratives: a collective monograph]. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, pp. 8–20. (In Russ.)

9. Ponomarev E.R. 2013. *Tipologiya sovetского puteshestviya: «puteshestvie na Zapad» v literature mezhoennogo perioda* [Typology of Soviet travel: “Journey to the

West” in the literature of the interwar period]. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGUKI. (In Russ.)

10. Tyutyunnik Yu.G. 2021. Hudozhestvennoe landshaftovedenie v geograficheskom opisanii [Artistic landscape studies in geographical description]. *Geograficheskij vestnik*, no. 3(58), pp. 6–20. (In Russ.)

11. Epstein M.N. 1990. *Priroda, mir, tajnik vselennoj: sistema pejzazhnyh obrazov v russkoj literature* [Nature, the world, the secret place of the universe: a system of landscape images in Russian literature]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)

12. Tuan Yi-Fu. 1988. The City as a Moral Univers. *Geographical Review*, vol. 78, no. 3, pp. 316–324.

Статья поступила в редакцию 13.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025;
принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 13.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025;
accepted for publication 15.12.2025.

Д.А. Шевлякова

АКТУАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА В ИТАЛЬЯНСКОЙ МОДЕ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; scevliakova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена аккомодации культурного кода в итальянской моде на примере коллекций «Dolce & Gabbana». Автор рассматривает выставку «Art Adorned», проведенную в Лондоне в 2019 году, где модные изделия бренда были интегрированы в экспозицию картин итальянской живописи XIV–XVII веков. Основная цель статьи заключается в выявлении потенциала моды в передаче общеевропейского и национального культурного кода, определении принципов отбора знаков и символов, а также анализе влияния классической живописи на современный дизайн. Методология исследования включает применение семиотического и системного методов, позволяющих проанализировать взаимодействие модных изделий с фоном живописи и выявить элементы интерпретации известных живописных образов на платьях. Особое внимание уделяется принципу поливалентности и полифункциональности моды, который проявляется в способности создавать гибридные знаки и усложнять их интерпретацию. Анализ конкретных примеров показывает, как мода становится средством сохранения и трансляции историко-культурного наследия, укрепляет чувство связи поколений и формирует коллективную идентичность. Исследования подтверждают гипотезу о значительной роли моды в формировании и укреплении культурных ценностей, демонстрируя возможность современного дизайна стать мостом между историей и современностью. Выводы подчеркивают важность междисциплинарного подхода в изучении взаимодействия моды и искусства, подчеркивая роль дизайнеров и кураторов в актуализации культурного кода и его репрезентации в современном обществе.

Ключевые слова: культурный код, итальянская национальная идентичность, европейская идентичность, итальянская мода, культурно-историческое наследие в моде, «Дольче и Габбана»

Шевлякова Дарья Александровна — доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой итальянского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; scevliakova@mail.ru

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Шевлякова Д.А. Актуализация национального культурного кода в итальянской моде // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 1. С. 139–149. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-9

Феномен моды обладает значительным потенциалом в сохранении и трансляции исторической памяти. Это обусловлено несколькими факторами, основополагающим из которых является потенциал моды в качестве средства передачи культурных кодов. мода активно заимствует элементы традиционной одежды, орнаменты, цвета и символы разных времен и народов. Таким образом, одежда становится своеобразным каналом, посредством которого исторические образы возвращаются в повседневность, укрепляя чувство связи поколений.

Вторым важным фактором в трансляции исторической памяти является потенциал моды как средства массового искусства в создании коллективной идентичности. Фэшн-коллекции часто отражают национальные и региональные особенности, формируя чувство принадлежности к определенной культуре.

И, наконец, третьим важным фактором является способность модной индустрии как массового производства, ориентированного на неограниченный круг потребителей, к популяризации и интерпретации прошлого. Фэшн-индустрия предлагает переосмысление классических форм, превращая их в актуальные произведения искусства, пусть и тиражируемые в массовом производстве.

Принцип поливалентности и полифункциональности моды тесно связан с фактором концептуальной интеграции — контактом, взаимодействием или синтезом с другими видами искусства, такими как архитектура, живопись, литература. Такое сотрудничество ведет к возникновению гибридных знаков и усложняет их интерпретацию. Остальные семиотические системы чаще автономны и менее зависимы от внешних факторов [Лободанов, 2015: 168–170]. Данная характеристика моды как одной из семиотических систем прикладных искусств и позволила организаторам выставки «Art Adorned», о которой пойдет речь в статье, осуществить достаточно смелый эксперимент по контекстуализации изделий итальянского модного дома «Dolce e Gabbana» в экспозицию картин итальянской живописи

XIV–XVII вв. Цель статьи — выявление потенциала моды в передаче национального культурного кода, с вытекающими задачами: 1) проанализировать выставленные модные изделия в контексте фоновых произведений живописи на выставке; 2) выявить элементы интерпретации известных живописных образов на платьях модного дома «Dolce e Gabbana»; 3) определить принцип отбора знаков и символов культурного кода в модной индустрии. Для анализа в статье применяются семиотический и системный методы исследования.

Выставка «Art Adorned» («Украшенные искусством») проводилась в Лондоне в 2019 г. Организатор выставки, аукционный дом мирового арт-рынка «Christie's», представил публике коллекцию вечерних платьев от итальянских модельеров Доменико Дольче и Стефано Габбана, вдохновленную великими мастерами европейской живописи. Организаторы выставки ставили перед собой задачу продемонстрировать влияние ренессансных и барочных мотивов на изделия модного дома «Dolce e Gabbana» с целью подчеркнуть влияние европейского искусства на современную культуру [Алексеева, 2020]. Основопологающей темой мероприятия стало изучение параллелей между миром искусства и миром моды, акцентировавшее внимание на женских платьях, созданных брендом.

Кураторами выставки выступили А. Рауф, руководитель отдела шедевров и декоративно-прикладного искусства, и С. Ромито, старший консультант по живописи. Они создали экспозицию картин старых мастеров, общая стилистика которых повлияла на коллекции высокой моды от «Dolce e Gabbana». Таким образом созданные модельерами костюмы были вписаны в гиперконтекст трех эпох итальянской живописи: Ранний Ренессанс, Зрелый Ренессанс и Барокко. Для обрамления модных изделий были выбраны картины итальянских художников Ф. Боттиньи, Биччи ди Лоренцо, А. Джентилески и др. [Волкова, 2021: 115–123].

Центральной залой выставки «Art Adorned» (и по размеру, и по значимости представленных экспонатов) стала зала с картиной художницы итальянского барокко Артемизии Джентилески «Галатя» вкупе с вечерним платьем в соответствующем стилевом решении от «Дольче и Габбана». Внимание зрителя должны привлечь характерные барочные элементы, присутствующие в конструкции платья: платье имеет объемные юбки, собранные в многочисленные драпировки, подчеркивающие женственность и плавность линий. Вторым элементом, свойственным художественному стилю барокко, является использование богатой отделки, сконцентрированной в массивном золотом поясе с чеканкой и драгоценными камнями.

Третий элемент барокко — полихромная цветовая гамма: глубокий синий цвет сочетается с золотистыми вставками, коралловым и белым цветом, что создает эффект яркости и контрастности. Силуэт асимметричен и свободен, приближён к форме букета цветов, что также соответствует духу барокко.

Но самое значительное в этом платье — это изображение, экстраполированное с картины художника французского классицизма Ж.-Л. Давида «Амур и Психея» (1817 г.). На картине Давида изображен известный сюжет легенды об Амуре и Психее из «Метаморфоз» Апулея, а конкретнее — отдельная сцена, когда Амур после любовных игр оставляет спящую Психею на ложе страсти. В картине преобладают светлые тона, чистота и простота линий, чётко очерченные фигуры, рациональность и уравновешенность композиции, свойственные классицизму, художественному направлению, в котором работал французский художник.

Напротив, платье, рассматриваемое нами, построено на игре света и тени, объёме и движении ткани, что позволяет «разрезать» изображение-оригинал и представить оптическую игру, «обманку» барокко: верхняя юбка изображает лежащую Психею с акцентом на ее сплетенные белые ножки, но при движении верхняя юбка расходуется как театральный занавес, и мы видим среди женских ножек внезапный мужской образ. Который приходится как раз на проекцию женского лона, что придает амбивалентность всему костюму: женское платье с женским образом, который при движении, при раскрытии занавеса внезапно оборачивается мужчиной. Здесь актуализируется принцип поливалентности и полифункциональности знака в прикладных искусствах, когда один и тот же знак (в нашем случае — портретное изображение мифологизированных мужчины и женщины на платье) может выполнять несколько функций одновременно: он и украшает платье, и содержит скрытый смысл об имплицитной андрогинности человеческого существа. Таким образом исходный классический образ на платье полностью реинтерпретируется: хронотоп культурного кода меняется с классицизма на барокко, и все это осуществляется с целью создания маркетинговой тактики «шока», часто используемого модным домом «Dolce e Gabbana».

Однако, потенциал моды в передаче европейского культурного кода в данном конкретном случае был многократно усилен кураторами выставки «Art Adorned»: как мы помним, костюмы «Dolce e Gabbana» были представлены в обрамлении картин итальянских художников Возрождения и Барокко.

Платье с принтом «Амура и Психеи» Ж.Л. Давида было экспонировано в зале на фоне картины А. Джентилески «Триумф Галатеи» (ок. 1620 г.). Несмотря на относительно небольшую известность данного произведения, оно интересно своей структурой и содержанием, репрезентующим характерный стиль Джентилески. Галатея представлена как идеал гармонии и покоя, достигаемых после многочисленных испытаний и побед. Рядом с ней находятся морской конь и дельфин, символизирующие свободу и власть над стихиями. В картине есть активная динамика периферийных фигур, что добавляет движения и напряжения в общую картину [Васильченко, 2019: 112–115].

Это резонирует с платьем: фигура Галатеи изображена по диагонали под тем же углом, что и встающий с ложа Амур. Несмотря на движение обоих главных персонажей они кажутся статичными, в то время как вокруг них все в бурном водовороте. Только в случае «Триумфа Галатеи» преобладает динамика второстепенных персонажей, а в случае платья — естественная динамика складок, причудливо меняющих образ на юбке от способа драпировки и/или при потенциальном движении обладательницы платья.

Однако, как только кураторы выставки установили вполне себе искусственную связь между образом на платье и картиной «Галатея», включается потенциал моды как активатора национального культурного кода. Белоснежные ножки Психеи (на платье), скрещенные определенным образом на фоне белой простыни и красного покрывала, в контексте расхожего живописного сюжета с Галатеей немедленно проявляют в сознании итальянца или европейца — носителей определенного культурного кода, вполне определенные ассоциации, и происходит декодирование того общего контекста европейской художественной культуры, на который и уповали кураторы выставки. В памяти любого образованного человека немедленно визуализируется образ самой известной Галатеи в истории живописи — фреска Рафаэля Санцио «Триумф Галатеи» (ок. 1512 г.) на римской вилле Фарнезина. Галатея Рафаэля изображена в алом плаще, подчеркивающим белизну ее ножек, выделяющихся на фоне динамичного круговорота окружающих ее волн, ветров, морских полубожеств. Однако процесс декодирования общего культурного кода итальянской живописной традиции на этом не останавливается: женские ножки, сложенные внахлест в горизонтальной плоскости (в позе лежа) на фоне белой простыни и красного полотна, являются знаком, отсылающим к общему живописному приему изображения, введенному Джорджоне в «Спя-

щей Венере» (1508–1510 гг.), впоследствии канонизированному его учеником Тицианом Вечеллио в «Венере Урбинской» (1538 г.). Таким образом, знак «скрещенные женские ножки на белом фоне с красным контрастом» в полной мере поливалентен и полифункционален [Лободанов, 2015: 142–143]: он не только украшает швейное изделие, но и содержит скрытую отсылку к общему контексту, общему итальянскому, а в рецепции — и европейскому культурному коду Из-за подобной ментальной контекстуализации изначального образа с картины французского художника классицизма в ряд образов подчеркнуто итальянской традиции наблюдается любопытное явление коллективного созидания европейского гипертекста художественной культуры, ядром которого для итальянских модельеров Д. Дольче и С. Габбана является итальянская живопись XV–XVI вв.

Образами для следующих двух платьев из коллекции «Alta Moda» послужили произведения итальянского Ренессанса. На одном из них изображена «Мадонна луговая» (1506 г.) художника Высокого Возрождения Рафаэля Санцио. Платье воспроизводит основные визуальные элементы картины Рафаэля — позы персонажей, цветовую палитру и композицию, что создает визуальную связь между платьем и картиной, делая платье знаком, который отсылает к оригиналу. Однако в силу кроя юбки теряется пирамидальная композиция, столь любимая Рафаэлем в изображении Мадонны с младенцем и Иоанном Крестителем [Горшков, 2012: 124–127]. Корсет платья украшен богатой вышивкой пайетками и воспроизводит флористические мотивы барокко XVII века. Эkleктику как художественный прием модельеров Д. Дольче и С. Габбана вполне одобряют искусствовед и критик моды А. Феретти: «Это два разных периода искусства в одном платье. Детали одежды настолько тщательно проработаны, что кажутся написанными тем же художником» [Feretti, 2019]. Кураторы выставки негласно одобряют подобное эkleктическое смешение двух совершенно разных художественных стилей, поэтому модный показ проходит в анфиладе залов, намеренно декорированных всё в том же барочно-флористическом стиле.

Третье платье, выбранное для анализа в статье, украшено образом с интерпретацией картины Джорджоне «Юдифь». Однако, несмотря на визуальное сходство, есть несколько ключевых отличий, которые отходят от основной идеи художника венецианской школы Джорджоне. В плане эмоциональной выразительности на картине Джорджоне Юдифь изображена с выражением решимости и силы,

что подчеркивает её героический поступок. Губы Юдифи сложены в легкой и загадочной полуулыбке, что придает всему облику спокойствие и гармонию и подчеркивает особенности женской силы. Образ Юдифи у Джорджоне является аллегорией победы добродетели, веры и чистого сердца [Андросов, 2017: 145–148].

В то время как на платье образ Юдифи выглядит более спокойным и даже немного отстранённым, что может ослабить восприятие её героизма. На полотне Джорджоне использовал символику, чтобы подчеркнуть моральную и духовную силу Юдифи. Например, Юдифь сжимает правой рукой меч, подчеркивающий вертикаль (и непреклонную решимость) фигуры, взгляд героини направлен на отсечённую голову Олоферна, что символизирует победу добра над злом, позади Юдифи выделяется могучий ствол ливанского кедра, чьи мощные корни символизируют прочность иудеев. На платье кедр отсутствует, меч приходится на бок модели и скрыт от зрителя, отсечённая голова супостата практически не видна, и символизм картины менее выражен, что приводит к потере глубины и смысла. Релевантен и тот факт, что в модном издании, как и в платье с «Мадонной Луговой» Рафаэля, полностью исчезает религиозный подтекст, присутствующий в полотнах-оригиналах. Что позволяет сделать вывод о том, что в актуализации и популяризации общеевропейского культурного кода в современном, массовом обществе религиозные образы не являются символами, но лишь знаками, указывающими на сопричастность модной коллекции к классической живописной традиции. Во многом этому способствует и преобладающий светский характер (несмотря на формально религиозные сюжеты) полотен Рафаэля и Джорджоне XVI века — времени, далекого от тотальной религиозности. Если сравнивать с магистральной тенденцией русской живописи, то контраст очевиден: «Религиозные аспекты русской живописи XIX в. рассматриваются как источник культурной идентичности. Анализ образов, символов, их плотского и духовного содержания, концептов богословия соотнесен с тенденциями русского православия, философскими школами славянофилов, «метафизикой единства» В.С. Соловьева и православным экзистенциализмом. Авторы предложили новое прочтение произведений русской живописи, ставших в известной степени каноническими в массовом культурном сознании» [Моклецова, Разумовская, 2024: 163].

Мастерство Джорджоне особенно заметно в воспроизведении различных фактур ткани и колористических оттенков. Розовое платье Юдифи в тенях приобретает насыщенно-винный оттенок, а на

свету кажется нежно-розовым, иногда переходя в бледно-розовый. Тёплые и насыщенные оттенки розового Джорджоне использовал, чтобы передать эмоциональную глубину и драматизм сцены. На платье цветовая гамма стремится к однотонности нежно-розового, гамма декоративная, что может уменьшить эмоциональное воздействие.

Акцентной деталью платья с Юдифью стал розовый воротник-берта (или воротник-стоечка), который был характерен для эпохи Барокко, прежде всего в Испании в период с конца XVI до середины XVII века [Буткевич, 2005: 125–130]. Мотив воротника-стойки подхватывают нижняя оборка-подол и манжеты, также характерные для эпохи Барокко [Морозова, 2012: 150–155], таким образом и в данном платье мы наблюдаем попытку включить в семиотический ансамбль сразу два значимых для итальянской культуры стилистических направления: Ренессанс и Барокко. Таким образом хронотоп национального (итальянского) культурного кода опять расширяется и в плане хронологии (не только XV в., но и XVI–XVII вв.), и в плане пространства (Испания). Стоит отметить, что в отличие от исторического нарратива, выстраивающего «хронологически точную последовательность исторических событий» [Мињьяр-Белоручева, 2025: 129], нарратив моды, наоборот, имеет тенденцию к намеренному смешению стилевых находок разных эпох, для получения оригинального результата (изделия), а не простой копии.

Подводя итоги статьи, хотелось бы отметить следующие положения. Исследование феномена аккомодации культурного кода в моде на примере коллекций «Dolce & Gabbana» выявило значительные возможности моды в сохранении и трансляции культурно-исторического наследия. Анализ выставки «Art Adorned» продемонстрировал, что мода способна служить эффективным инструментом популяризации художественного наследия, расширения пространственно-временных границ культурного кода с целью ментальной актуализации общности европейского художественного гипертекста. Использование изображений известных произведений искусства на одежде усиливает ассоциативную память зрителей, запуская процесс декодирования общеевропейского культурного кода. Однако для представителя европейской культуры, если судить по коллекции итальянских модельеров Д. Дольче и С. Габбана, своеобразным «входом» в общеевропейский культурный код или ключом к его декодированию будет все же национальная художественная культура. При этом одежда выступает

как средство массовой коммуникации с активированными визуальным и тактильным коммуникативными кодами, способствующими формированию коллективной идентичности в визуальных образах.

Мода характеризуется поливалентностью и полифункциональностью: взаимодействуя с другими видами искусства, она порождает гибридные знаки с усложненными семантическими уровнями. Поэтому столь удачной оказалась экспозиция предметов модной одежды на фоне оригинальных полотен художников — соединение изобразительного искусства с модой (искусство дизайна и промышленного конструирования) привело через декодирование общеевропейского культурного кода к созданию нового художественного нарратива. Таким образом, исследование подтвердило гипотезу о значительном потенциале моды в формировании и укреплении культурных ценностей, однако ценой снижения единства стиля и элитарности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андросов Д.В. Итальянская живопись XV–XVI веков. Москва: Прогресс-Традиция, 2017.
2. Алексеева Е.Л. Искусство и мода: диалог культур в проекте «Art Adorned» // Мир моды. 2020. № 3. С. 32–43.
3. Буткевич А.В. История костюма: от древности до современности. Москва: Астрель, 2005.
4. Васильченко И.Н. Женщины-художницы эпохи барокко. Москва: Белый город, 2019.
5. Волкова А.С. Архитектура и мода: отражение истории в настоящем. М.: Издательский дом МГУ, 2021.
6. Горшков А.Б. Рафаэль: жизнь и творчество великого мастера. Москва: Астрель, 2012.
7. Лободанов А.П. Семиотика искусства: учеб. пособие. Москва: Высшая школа, 2015.
8. Миньяр-Белоручева А.П. Исторический нарратив как средство воссоздания исторической памяти // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 186–197.
9. Моклецова И.В., Разумовская В.А. Русская живопись конца XIX — начала XX в. как отражение культурной идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 3. С. 159–169.
10. Морозова Н.В. Мода и стиль: от Ренессанса до современности. СПб.: Наука, 2012.
11. Feretti A. Dolce e Gabbana in mostra a Londra con Art Adorned per Christie's. URL: <https://frammentidarte.blog/2019/11/27> (дата обращения: 30.10.2025).

Daria A. Shevliakova

**ACTIVATION OF THE NATIONAL
CULTURAL CODE IN ITALIAN FASHION**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; scevliakova@mail.ru

Abstract. The article explores the phenomenon of cultural code accommodation in Italian fashion using examples from Dolce & Gabbana collections. The author analyzes the exhibition “Art Adorned,” held in London in 2019, where fashion items by this brand were integrated into an exposition of Italian paintings dating back to the 14th–17th centuries. The main goal is to identify the potential of fashion in transmitting national cultural codes, determining principles for selecting signs and symbols, as well as analyzing the influence of classical painting on contemporary design. Methodologically, the study employs semi-otic and systemic approaches to analyze the interaction between fashion items and background artworks, identifying elements that reinterpret famous painted images on dresses. Special attention is given to the principle of polyvalence and multifunctionality in fashion, which manifests itself through its ability to create hybrid signs and complicate their interpretation. Specific case studies demonstrate how fashion becomes a means of preserving and transmitting historical-cultural heritage, reinforcing generational connections, and forming collective identity. Research confirms the hypothesis about the significant role of fashion in shaping and strengthening cultural values, illustrating the possibility of modern design serving as a bridge between history and modernity. Conclusions emphasize the importance of interdisciplinary research in studying the interplay between fashion and art, highlighting the roles of designers and curators in actualizing cultural codes and representing them in contemporary society.

Keywords: cultural code, Italian national identity, European identity, Italian fashion, cultural-historical heritage in fashion, Dolce & Gabbana

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Shevliakova D.A. (2026) Activation of the national cultural code in Italian fashion. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(29), pp. 139–149. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-9 (In Russ.)

About the author: Daria A. Shevliakova — Dr. Habil. in Culturology, professor, Head of the Department of Italian, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; scevliakova@mail.ru

REFERENCES

1. Androsov D.V. 2017. *Ital'yanskaya zhivopis' XV–XVI vekov* [Italian Painting of the 15th–16th Centuries]. Moskva: Progress-Tradiciya Publishing. (In Russ.)

2. Alekseeva E.L. 2020. Iskusstvo i moda: dialog kul'tur v proekte «Art Adorned» [Art and Fashion: Dialogue of Cultures in the Project 'Art Adorned']. *World of Fashion Journal*, no. 3, pp. 32–43. (In Russ.)
3. Butkevich A.V. 2005. *Istoriia kostyuma: ot drevnosti do sovremennosti* [History of Costume: From Antiquity to Modern Times]. Moskva: Astrel' Publishing. (In Russ.)
4. Vasilychenko I.N. 2019. *Zhenschiny-khudozhnitsy epokhi baroko* [Women Artists of the Baroque Period]. Moskva: Belyy gorod Publishing. (In Russ.)
5. Volkova A.S. 2021. *Arkhitektura i moda: otrazhenie istorii v nastoyashchem* [Architecture and Fashion: Reflection of History in the Present]. Moskva: Izdatel'skii dom MGU Publishing. (In Russ.)
6. Gorshkov A.B. 2012. *Raffael': zhizn' i tvorchestvo velikogo мастера* [Raphael: Life and Works of the Great Master]. Moskva: Astrel' Publishing. (In Russ.)
7. Lobodanov A.P. 2015. *Semiotika iskusstva: ucheb. posobie* [Semiotics of Art: Study Guide]. Moskva: Vysshaya shkola Publishing. (In Russ.)
8. Min'yar-Beloruicheva A.P. 2025. Istoricheskii narrativ kak sredstvo vossozdaniya istoricheskoi pamyati [Historical Narrative as a Means of Reconstructing Historical Memory]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1, pp. 186–197. (In Russ.)
9. Mokletsova I.V., Razumovskaya V.A. 2024. Russkaya zhivopis' kontsa XIX — nachala XX v. kak otrazhenie kul'turnoi identichnosti [Russian Painting at the End of the Nineteenth and Beginning of the Twentieth Century as a Reflection of Cultural Identity]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3, pp. 159–169. (In Russ.)
10. Morozova N.V. 2012. *Moda i stil': ot Rennsansa do sovremennosti* [Fashion and Style: From Renaissance to Modern Times]. Sankt-Peterburg: Nauka Publishing. (In Russ.)
11. Feretti A. 2019. *Dolce e Gabbana in mostra a Londra con Art Adorned per Christie's* [Dolce & Gabbana Exhibition in London with Art Adorned by Christie's] (In Italian). URL: <https://frammentidarte.blog/2019/11/27> (accessed: 30.10.2025).

Статья поступила в редакцию 30.10.2025;
 одобрена после рецензирования 03.12.2025;
 принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 30.10.2025;
 approved after reviewing 03.12.2025;
 accepted for publication 15.12.2025.

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.В. Устинова

НАРРАТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МАЛОЙ ПРОЗЫ ДМИТРИЯ БАКИНА: ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И ИДИОМАТИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; utanja@mail.ru

Аннотация. В статье с опорой на методологический аппарат лингвистики нарратива и лингвостилистики анализируется специфика нарративной организации рассказов Дмитрия Бакина. На материале рассказа «Листья» иллюстрируются функциональные, структурно-синтагматические и изобразительно-выразительные параметры уникального художественного языка писателя. Англоязычный перевод рассказа, выполненный Эндрю Бромфилдом, исследуется в целях выявления оптимальных переводческих решений по воссозданию сложной содержательной формы исходного текста, построенного по принципу нарративного многоголосия и динамической смены режимов повествования (с нулевой, внешней и внутренней фокализацией). Средствами сопоставительного и переводоведческого анализа выявляется общая программа переводческих действий (стратегия перевода), позволяющая переводчику добиться формально-эстетической эквивалентности текстов на двух языках и выполнить прагматическую задачу по сохранению композиционно-синтаксического инварианта оригинала во всей его структурной, смысловой и стилистической сложности. Синтаксическое уподобление описывается как стратегия работы переводчика с повествовательной формой текста, развертывание которого происходит посредством каскадного синтаксического осложнения простых предложений, разветвленного соположения и противопоставления разных типов сочинительной и подчинительной связи в рамках одного повествовательного отрезка текста.

Устинова Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; utanja@mail.ru

© Устинова Т.В., 2026

Ключевые слова: художественный перевод, композиционно-структурные трудности перевода, синтаксическое уподобление, свободный косвенный дискурс, грамматическая идиоматичность перевода

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-10

Для цитирования: Устинова Т.В. Нарративно-синтаксическая организация малой прозы Дмитрия Бакина: эквивалентность и идиоматичность перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 1. С. 150–166. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-10

Дмитрий Бакин (1964–2015 гг.) — это псевдоним Дмитрия Геннадьевича Бочарова, русского писателя с самобытным авторским мировидением и уникальной манерой письма, аскета и отшельника, который избегал любой публичности, но не смог избежать мирового литературного признания. Несмотря на то, что рассказы писателя полны натуралистичных деталей и узнаваемых советских реалий, литературоведы считают, что проза Д. Бакина плохо вписывается в современные литературные течения и резко выделяется на фоне творчества других русских «реалистов»: «стиль его рассказов — отстраненный, по-платоновски усложненный, метафорический» [Кожанова, 2015: 53]. Д.В. Кожанова так характеризует текстовый мир Д. Бакина, в котором «образы персонажей по своему универсальному и мощному звучанию приближаются к архетипам» [Кожанова, 2015: 62]: «Персонажи писателя укоренены не в быте, а в бытии. Его герои очень неудобны для критиков: их нельзя привязать к национальным и социальным критериям, объявить выразителями идей поколения. Проза Бакина открывает выход за зримую грань — к судьбе брошенного в мир человека, мучительно ищущего свое предназначение и обреченного на одинокую борьбу с небытием» [Кожанова, 2015: 54].

Неконвенциональное текстовое развертывание и оригинальная синтаксическая организация прозаической речи — отличительные особенности идиолекта писателя. Так, в анализируемом нами рассказе Д. Бакина «Листья» мена повествовательных инстанций и их «поток сознания» становятся внешней формой, которая фиксирует осциллирующее содержание притчи о мучительном поиске ответа на вопрос «как и кем жить?» и обретении Человеком смысла в постылом существовании. Описывая манеру повествования Д. Бакина, А.К. Котлов указывает, что «особым образом организованная речь передает и ощущение длящейся жизни, текучести времени, и — одновременно — прерывистости мысли» [Котлов, 2012: 289].

С начала 1990-х годов рассказы Дмитрия Бакина публиковались в литературных журналах, затем печатались отдельными изданиями. Довольно скоро его проза вызвала большой интерес у зарубежных исследователей и ценителей постсоветской литературы. В 2002 году увидел свет англоязычный перевод его рассказов, снабженный предисловиями американского слависта Байрона Линдси и британского переводчика Эндрю Бромфилда. Б. Линдси сравнивает манеру письма Д. Бакина с мощным многоструйным потоком: “The torrent of language sweeps the reader up into a stream of many levels. The sentences run on and spill over into eddies of modernism and more than any contemporaries, certainly in Russian writing today, one is reminded of Andrey Platonov” [Lindsey, 2002: ix].

Переводчик Э. Бромфилд подчеркивает самобытность писательского голоса Д. Бакина, его широкий диапазон и силу: “The efforts of the translator and editors have therefore been primarily directed to producing an English text which conveys the distinctiveness of Bakin’s voice, its sweep and force, its variety of registers, ranging from the vatic and riddling to the most brutally lucid” [Bromfield, 2002: xiv]. Как мы видим, переводчик использует прилагательные *vatic* и *brutally lucid* для обозначения авторской манеры повествования Бакина как интуитивно-провидческой, выходящей за пределы обычного человеческого восприятия, базирующейся на особом типе познания мира через внутреннее прозрение. По мнению Э. Бромфилда, читатель обязательно будет наслаждаться «интенсивностью мировидения» писателя. И редактор, и переводчик подчеркивают, что, несмотря на обилие советских и постсоветских реалий, проза Д. Бакина удивительно «метаисторична» и гуманистически универсальна. Его рассказы раскрывают и интерпретируют общечеловеческие и вневременные «модусы бытия и переживания» (“modes of being and experiencing” [Bromfield, 2002: xiv]).

В целом, в предисловиях переводчика и редактора отмечается стилистическая усложненность воплощения смысла у Д. Бакина и утонченность его образности. Однако основной трудностью перевода Э. Бромфилд считает донесение до англоязычного читателя идейно-эстетической содержательности формы уникального текстового развертывания в рассказах Д. Бакина, с учетом того, что эта форма используется писателем как основной прием смыслообразования и стилистического выдвигания. Э. Бромфилд пишет о многочисленных трудностях воссоздания в переводе оригинальной текстовой синтагматики, актуализирующей слитность речи повествователя с внутренней прямой речью персонажей: “Bakin does not

write in simple literary narrative Russian prose. He has a manner that is quite individual, frequently employing long, rolling periods within which the boundary between narrative and direct speech is often blurred. In combination with numerous metaphors and some non-standard elements of syntax, this frequently tends to produce an incantatory effect. In other words, he is not an 'easy' author" [Bromfield, 2002: xiii]. Работая с повествовательной формой Д. Бакина, переводчик ставит перед собой задачу создать такой текст перевода, который будет изоморфным отображением оригинала в структурно-нарративном и синтаксическом планах.

Отношение синтаксической эквивалентности для текстов переводной пары «английский — русский» является потенциально возможным, но на практике достаточно трудно достижимым (в силу неизоморфности паттернов синтагматического развертывания в двух языках) и далеко не всегда необходимым условием качественного перевода. Однако в случае перевода рассказов Д. Бакина обязательным параметром коммуникативно-равноценного перевода становится именно эквивалентность исходного текста (далее — ИТ) и текста перевода (далее — ПТ) на уровнях синтаксической организации. Э. Бромфилд отмечает, что задачи воссоздания для англоязычного читателя индивидуально-авторской манеры письма и межкультурной адаптации социо-исторического контекста потребовали творческих переводческих решений [Bromfield, 2002]. Переводоведческий анализ таких решений переводчика, работающего с неконвенциональным синтагматическими отношениями и незуальными формами синтаксической организации русскоязычного повествования, на наш взгляд, может расширить понимание способов достижения синтаксической эквивалентности между текстами переводной пары русского и английского языков. Далее на материале сделанного Э. Бромфилдом перевода¹ рассказа Д. Бакина «Листья»² мы рассмотрим способы переводческой реконструкции сложной повествовательной формы оригинала.

В современной лингвистике повествовательную форму принято рассматривать как способ структурно-смысловой организации нарратива, своеобразную «нарративную рамку», внутри которой по определенным жанрово-композиционным законам развивается связанное повествование [Падучева, 1996]. В самом общем виде линг-

---

¹ *Bakin D. Leaves* // *Bakin D. Reason for Living* / Ed. by B. Lindsey; translated by A. Bromfield. London; New York: Granta Books, 2002.

² *Бакин Д. Листья* // Бакин Д. Страна происхождения : Рассказы. СПб.: Лимбус Пресс, 1996.

вистика нарратива выделяет такие повествовательные формы, как традиционный нарратив (перволичную и третьеличную формы) и свободный косвенный дискурс. Традиционный нарратив — это повествовательная форма, в которой «залогом композиционной целостности текста служит сознание повествователя» [Падучева, 1995: 40]. Свободный косвенный дискурс — такая форма повествования, в которой повествователь (во всем тексте или в существенных его фрагментах) отсутствует или играет пониженную роль в композиции [Падучева, 1995: 43]. Здесь повествователь (внеположный миру текста) частично уступает персонажу свое право на речевой акт: «Возникает чисто литературная фигура, невозможная в обыденном языке: персонаж 3-го лица замещает говорящего» [Падучева, 1995: 43].

Рассказ Д. Бакина представляет собой образец свободного косвенного дискурса, который «маскируется» под третьеличный нарратив с повествователем, занимающим метапозицию по отношению к миру текста. Однако фактически этот рассказчик постоянно уступает право своего голоса другим повествовательным инстанциям — главному герою Бедолагину-младшему и многочисленным второстепенным персонажам, населяющим изображаемый поселок между рекой и лесом. В связи с анализом свободного косвенного дискурса и его тенденции к импликации повествователя в структуре художественного текста возникает необходимость учета параметров несобственно-прямой речи, которая обеспечивает совмещенность речевых планов повествователя и персонажа. «Листья» композиционно выстроены таким образом, что представленность внутренних голосов многочисленных персонажей отражает именно их восприятие, оценку и эмоциональное переживание действительности мира текста, однако эгоцентрические элементы (в основном местоимения) и дейктические отсылки (дейктические грамматические категории вида и времени, способы выражения модальности и т.п.), как правило, «настроены» на одного «всеведущего» повествователя. Неконвенциональная синтаксическая организация текста маркирует меню повествовательных инстанций: точка зрения одного персонажа и его внутренний голос проявляются в рамках нарративного пассажа, который радикально усложнен синтаксически и реализован, например, в виде одного длинного чрезвычайно распространенного предложения с разными типами сочинительной и подчинительной связи или в виде длинного простого предложения с многочисленными однородными членами, осложненного многочисленными обособлениями и вводными конструкциями.

Рассказ «Листья» открывается картиной «явления героя из ниоткуда», и читатель видит босого мальчишку двенадцати лет, идущего «в поселок со стороны поля, так что река была у него по левую сторону, а лес по правую»³. С самого начала ярко проявляется авторская манера развертывания текста — каскады однородных членов предложения, цепочки клауз с разнообразием типов подчинительной связи, косвенный дискурс, «сплавливающий» голос внеположенного миру текста повествователя с внутренней речью персонажа: *Он пересек пустырь, миновал дом на отшибе, не постучавшись, потому что знал — на отшибе живут угрюмые, жесткие люди, готовые к бегству, — миновал второй дом, потому что тот был слишком велик, миновал обломки третьего дома, а в четвертом был принят грязным одноруким мужчиной и крепкой подслеповатой женщиной, семнадцать лет бездетности ожидавшими прихода Иисуса Христа*⁴. Для передачи такой манеры повествования переводчик использует синтаксическое уподобление: *He crossed a patch of wasteland and passed by the house at the edge of the village without knocking, because he knew that people who live at the edge of villages are surly and rough and ready to take flight, passed by the second house because it was too big, passed by the rubble of the third house, and in the fourth house he was taken in by a dirty one-armed man and a sturdy half-blind woman who had been waiting for the arrival of Jesus Christ for seventeen childless years*⁵.

Как известно, синтаксическое уподобление является приемом преобразования синтаксической структуры на ИЯ в изоморфную синтаксическую структуру на ПЯ с сохранением набора слов и — по возможности — порядка их расположения. Ранее мы анализировали случай синтаксического уподобления на материале перевода поэтического текста и отмечали, что такой переводческий прием не следует путать с буквальным пословным переводом или переводом-подстрочником, поскольку «синтаксическое уподобление с установкой на перевыражение образности ИТ требует большого переводческого мастерства и понимания “тонких настроек” сочетаемостных ограничений, синтагматической избирательности и — шире — лексико-грамматической идиоматичности как ИЯ, так и ПЯ» [Устинова, 2025: 244]. На этапе ревербализации переводческие решения должны холистически (по принципу взаимобусловленности) удовлетворять требованиям смысловой точности,

³ Бакин Д. Указ. соч. С. 6.

⁴ Бакин Д. Указ. соч. С. 6.

⁵ Bakin D. Op. cit. P. 1.

прагматической и жанрово-стилистической адекватности и идиоматичности перевода. У адресата перевода будет складываться впечатление естественной, одноязычной коммуникации только в том случае, если для формирования плана выражения в ПТ переводчик использовал идиоматичные для принимающего языка (то есть узואльно приемлемые, аутентичные, отвечающие конвенциям выражения комплексных значений и построения синтагматических связей) способы формулирования мысли и описания подразумеваемой ситуации [Устинова, 2024].

Синтаксическое уподобление в исполнении Э. Бромфилда является грамматически идиоматичным для англоязычного прозаического текста, то есть учитывает естественные для узуса ПЯ формы выражения синтагматических отношений, конкретные ограничения на сочетаемость и в целом сочетаемостные конвенции в английском языке, а также его лингвоспецифичность в синтаксическом оформлении частей предложения в единое целое. На уровне глубинных структур анализируемых предложений в ИТ и ПТ явно наблюдается наличие одного и того же лексико-семантического инварианта, а поверхностные синтаксические структуры в двух текстах характеризуются высоким изоморфизмом. При этом в переводе с учетом морфолого-синтаксической специфичности английского языка отличным от ИТ образом выражены тема-рематические отношения, переданы грамматические значения и синтаксические функции неличных форм глагола, реализованы категории личности/безличности. Кроме того, авторская пунктуация Д. Бакина, маркирующего прямую речь персонажа с помощью тире, адаптирована под конвенции английского языка и заменена на традиционное оформление придаточного дополнительного предложения. Кстати, в своем переводческом предисловии Э. Бромфилд упоминает трудности в работе с авторской пунктуацией Бакина и обосновывает необходимость в ряде случаев «сглаживать ее» (“the ‘smoothing out’ of certain elements of Bakin’s distinctive patterns of punctuation” [Bromfield, 2002: xiv]), чтобы не затруднять англоязычному читателю смысловое восприятие текста.

Проведенный нами анализ показал, что синтаксическое уподобление является основной стратегией перевода рассказов Д. Бакина на английский язык, позволяющей переводчику реконструировать нетривиальную повествовательную форму оригинала. При этом важно принимать во внимание, что качественно сделанное синтаксическое уподобление предполагает «не только узואльно естественное для ПЯ развертывание синтаксических структур, но

и тщательный подбор лексических соответствий для заполнения этих структур» [Устинова, 2025: 245].

Рассмотрим работу переводчика с лексическим составом высказывания в синтаксически уподобляемом текстовом отрезке на следующем примере:

ИТ: *Сидя за столом в доме Бедолагиных в день поминок, пьяная от самогона и недоедания бабка, проживавшая на отшибе, пела хвалебные гимны однорукому, вертясь на стуле, точно маленький смерч пуха и праха, едва сохраняя равновесие и глядя на Бедолагина-младшего, который сидел напротив, обезвоженными коричневыми глазами, блестящими, как полированное дерево, сказала — вот плод — и сказала — мертвого семени⁶.* — ПТ: *Sitting at the table in the Bedolagins' house on the day of the wake, drunk from moon-shine and malnutrition, the old woman who lived at the edge of the village sang paeans of praise to the one-armed man, twisting and squirming on her chair like a small whirlwind of dust and ashes, barely even keeping her balance and looking at Bedolagin junior, who was sitting opposite her, with her dehydrated brown eyes gleaming like polished wood, and she said, 'Behold the fruit,' and she said, 'Of the dead seed.'⁷*

Для передачи значения обстоятельства образа действия *вертясь на стуле* переводчик использует идиоматическое выражение-плеоназм *twisting and squirming (on her chair)*. Введение в ПТ такого семантически избыточного оборота придает полноту образу старухи, более точно обозначая манеру ее движения (*squirm* в значении 'to move around a lot making small twisting movements'). В оригинале двигательная характеристика актуализируется за счет использования сравнения *точно маленький смерч пуха и праха*, образная сложность которого построена на буквализации русского фразеологизма «в пух и прах» ('совершенно, полностью, до основания'). В ИТ присутствует полифония подразумеваемых контекстуально-наведенных значений: образ старухи конструируется как образ стихии с могущественной, разрушающей все до основания силой, воплощенной, однако, в тщедушном, невесомом и брэнном теле. Подобное контекстуальное смысловое многоголосие обычно труднопереводимо. Тем не менее Э. Бромфилд проводит тонкую работу по его перевыражению, используя в переводе английскую идиому *dust and ashes*, чья комплексная семантика отличается коннотативной сложностью в созданном переводчиком контексте, где

---

⁶ Бакин Д. Указ. соч. С. 8–9.

⁷ *Bakin D. Op. cit. P. 4.*

выдвижению подвергаются значения разочарования и осознания бренности человеческого бытия.

Еще один важный аспект переводческой работы Э. Бромфилда с повествовательной формой Д. Бакина состоит в подборе лексико-синтаксических соответствий для разных видов повтора, который в оригинале является частотным приемом стилистического выдвижения. Малая проза Д. Бакина отличается внушительным разнообразием повторов — звуковых, лексических, семантических, синтаксических (параллельных конструкций), а также повторов мотивов. Повтор у Д. Бакина помимо усилительно-выразительных функций выполняет также функцию поэтическую, создавая явную «тесноту ряда», формируя уникальный ритм внутри авторского прозаического высказывания и актуализируя в этом высказывании необычные синтактико-семантические связи. Чтение прозы Д. Бакина сродни чтению поэзии, поскольку такая «ощутимость» рядов слова вызывает у читателя определенные ритмические ожидания. Вспомним, например, как М.Л. Гаспаров описывает особенности смыслового восприятия поэтического языка: «Теснота и единство вместе взятые выделяют слова каждой очередной строки как бы крупным планом: это называется «динамизация речевого материала в стихе». <...> Такой текст требует повышенного внимания, то есть читается он замедленно, затрудненно. (В частности, потому что в стихе перед каждым словом читатель испытывает ритмическое ожидание, а после каждого слова — его подтверждение или неподтверждение: у Тынянова это называется «изготовка» и «разрешение»). Эта замедленность восприятия стиха заставляет читателя сосредоточиться на процессе чтения, а не на результате <...>» [Гаспаров, 2004: 86]. Такую сложную синтактико-семантическую функциональность повторов необходимо учитывать при переводе рассказов Д. Бакина на английский язык. Рассмотрим следующий пример из рассказа «Листья»:

ИТ: В поселке мужчины разошлись по домам, проклиная свою немощь, запирая двери на все замки, щеколды и засовы в надежде отгородиться от мира, где, растворившись в воздухе, бесследно исчезли женщины; обставились бутылками, бутылками, ведрами и канистрами с самогоном, очертив ими круг своих владений, и погрузились в тяжелые волны опьянения, засыпая в поисках ответа, убежденные в том, что всему, что снится, предначертано верить, ибо реальность — половина правды и негде людям искать вторую половину правды, кроме как во сне. Таким образом, выстроив себе тюрьмы, казематы и темницы, чего требовали поиски правды, они

прожили за решеткой своей немощи две недели⁸ <...>. — ПТ: *In the village the men went back to their houses, cursing their infirmity, fastening all the locks, latches and bolts on their doors in the hope of shutting themselves away from the world where the women had vanished into thin air and disappeared without trace; they surrounded themselves with bottles, demijohns, buckets and petrol-cans of moonshine, laying them out to define the orbit of their domain, and then sank beneath the heavy rolling waves of drunkenness, falling asleep in order to seek for an answer, convinced that everything they saw in their dreams had to be believed, for reality is only half of the truth and people have nowhere else to seek the other half except in their dreams. And so, having constructed for themselves the prison cells and dungeons required for the search for truth, they lived behind the bars of their own incapacity for two weeks⁹ <...>.*

В оригинале лексический повтор выражает тщательность выполнения действия (*запирая двери на все замки, щеколды и засовы*), а также крупный масштаб действия и широкий охват исполнителей действия через перечисление большого количества предметов и выдвижение их разнообразия (*обставились бутылками, бутылями, ведрами и канистрами с самогоном; выстроив себе тюрьмы, казематы и темницы*). В данном отрывке бездна человеческого отчаяния и глубина порока, в котором отчаявшиеся ищут облегчения, метонимически передается через повтор лексики с конкретным, физически ощущаемым значением. Синтаксическая организация речи (осложненное предложение с однородными сказуемыми и обособленными обстоятельствами) в данном случае также является стилистически маркированной, обеспечивая постепенное нарастание смысловой и эмоциональной значимости от начала предложения к его концу.

В переводе синтаксическое уподобление вновь учитывает лексико-грамматическую специфичность целевого языка, для чего в ряде случаев используется грамматическая замена частей речи и прием конкретизации через лексическое добавление (например, *очертив ими круг своих владений* переведено как *laying them out to define the orbit of their domain*). Лексический повтор эквивалентно передается путем тщательного подбора в ПЯ равнозначных соответствий с учетом денотативно-сигнификативных и коннотативных компонентов значений конкретно-предметной лексики ИЯ. Переводчик выстраивает ряды повторяемых существительных, соблюдая

---

⁸ Бакин Д. Указ. соч. С. 10.

⁹ Bakin D. Op. cit. P. 5.

принцип нарастания определенных признаков. Например, увеличение объема сосуда (в ИТ *бутылка* и *бутыль*) выражено в ПТ существительными *bottles* и *demijohns*, где последнее означает ‘a large, wide, rounded container with a narrow neck, usually made of glass and holding 20–60 litres of liquid’.

Богатая синонимия русского языка в обозначении мест лишения свободы (в ИТ — *тюрьмы*, *казематы* и *темницы*) является лингво- и культурно-специфической: в переводе невозможно учесть все оттенки значения использованных в оригинале существительных. Так, например, в семантическом развитии существительного *каземат* в русском языке очевиден сдвиг от значения ‘укреплённое внутреннее помещение в фортификационном сооружении, защищённое от обстрела’ к значению ‘одиночная камера в тюрьме для содержания заключённых, особенно политических’. А существительное *темница* является устаревшим и/или поэтическим наименованием места заключения и страдания. Наверное, по причине невозможности преодоления всех объективных, культурно обусловленных трудностей лексического перевыражения, в данном случае переводчик ограничивается двумя существительными в ряду (*the prison cells and dungeons*), мотивированно и узуально адекватно используя семантический повтор с последовательной конкретизацией (*dungeon* как ‘a strong, dark prison or cell, usually underground’).

Уникальность текстового развертывания Д. Бакина — в усложненной многослойности синтаксической организации речи, в смысловой эмерджентности, возникающей внутри синтагматически связываемых конструкций и клауз. При этом лексическая сторона его речи отличается смысловой емкостью и изящной простотой. Особо отметим, насколько оригинально раскрывается смысловой потенциал русского словообразования в кажущихся лексически простыми высказываниях автора.

Анализируя смысловую глубину производного слова, Г.Г. Молчанова подчеркивает, что «формирование нового ракурса значения — процесс сложный, имеющий глубокие корни: производное слово — предельный результат импликации <...>» [Молчанова, 2025: 12]. В прозе Д. Бакина ярко проявляется такая «предельность» значения производного слова за счет контекстуальной гиперсемантизации его словообразовательных формантов. Так, например, в следующем высказывании можно наблюдать стилистическое выдвигание многозначности приставок *об-*, *ис-*, *из-*: *И всегда, где бы он ни был, в нем главенствовало стремление неподвижно стоять в стороне от мутного потока лет, где среди ила, обломанных веток, изношен-*

ной одежды, исковерканного оружия, и обкатанных водой костей несутся к совершенству люди <...>¹⁰. Образ «мутного потока лет» лингвостилистически конструируется за счет перечисления причастий, образованных приставочно-суффиксальным способом, по принципу восходящей градации. При этом интенсифицирующий контекст высказывания обеспечивает одновременную реализацию нескольких значений приставок в перечисляемых признаках предмета по действию: приставка *об-* (*обломанные ветки, обкатанные водой кости*) в данном случае характеризуется синкретизмом значений широкой распространенности действия, его всесторонности и обусловленности внешним воздействием; с помощью приставок *из-* (*изношенная одежда*) и *ис-* (*исковерканное оружие*) актуализируются значения доведения действия до предела и исчерпанности действия. Онтологическая позиция главного героя, предпочитающего роль созерцателя, а не активного участника событий, раскрывается через контраст статики его собственного действия (*неподвижно стоять в стороне*) и динамики действий в беспорядочном движении суетного человеческого бытия.

Оттенки значения русского производного слова, возникающие как результат суффиксальных и приставочных способов деривации, не всегда полно передаются средствами английского языка по причине объективных различий в словообразовательной семантике двух языков. В ряде случаев при переводе возможны смысловые потери отдельных компонентов производного значения: *погибельная улыбка* (Анны) — *a fatal smile; она обрушила на него шквалы огня* — *she bombarded him with barrages of fire; окончательно отяжелевший* (полковник) — *grown overweight; неприкаянный, беспризорный* (вид) — *homeless, neglected* и др. Однако в целом Э. Бромфилду удается раскрыть семантический потенциал производного русского слова путем подбора вариантных контекстуальных соответствий и использования переводческих трансформаций: *звериная непримиримость* — *a ferocious intransigence; подбородок рыжеволосого мужчины дрогнул, точно отслоился пласт породы* — *the red-headed man's chin suddenly quivered as though a stratum of rock had slipped and split away; руки точно распадаются от бессилия в тщетном шаривании ножа* — *his hands seemed to be crumbling as they fumbled vainly for the knife* и др.

Тщательный подбор соответствий для русских производных слов чрезвычайно важен для обеспечения лексико-грамматической

---

¹⁰ Бакин Д. Указ. соч. С. 13–14.

идиоматичности перевода текста с русского языка на английский, а при использовании синтаксического уподобления в работе со сложной повествовательной формой могут потребоваться комплексные переводческие трансформации для воссоздания паттернов оригинального текстового развертывания без потери смысловой полифонии отдельного художественного слова. Обратим внимание на переводческие перестановки и замены в следующем отрывке:

ИТ: *Бедолагин, не принимавший участия в играх, которые устраивали его сверстники, желавшие испытать судьбу, все более замыкался в себе, предпочитая внешней жизни внутреннюю, но все дороги, по которым он шел к призрачным целям, способным утолить жажду познания, были дорогами прочь*¹¹. — ПТ: *Bedolagin took no part in the games organized by his peers who wished to tempt fate and he became even more withdrawn, preferring the inner life to the outer; the roads he followed to the illusory goals which would satisfy his thirst for understanding were all roads that led away from them*¹².

Объективные различия в морфологическом строе русского и английского языков объясняют использование в ПТ отличных от ИТ способов выражения грамматических значений и типов синтаксической организации: например, в английском языке потребовалась замена русскоязычного осложнения с причастными оборотами на определительную подчинительную связь и т.п. При этом переводчик особенно внимательно относится к передаче собственно-возвратного значения и комплексной семантики ключевого для данного контекста выражения *замыкался в себе*. В ИТ важны значения направленности действия на себя и совершения действия в своих интересах (постфикс *-ся*); выстраивания границы действия через его направленность вглубь (*замыкаться* как ‘обособливаться, ограничиваться’); приватности, неприкосновенности и ценности личного пространства (*замыкать* как ‘запирать на замок для сохранности’). В ПТ имеет место грамматическая замена для более точного выражения возвратного значения перехода в новое состояние (*became withdrawn*). При этом подобранный переводчиком контекстуальный эквивалент *withdrawn* точно передает все денотативные и коннотативные оттенки исходного производного слова — в том числе, за счет своей словообразовательной формы и семантического вклада каждой из двух объединяемых основ *with-* и *-drawn*. Английское причастие прошедшего времени реализует те же значения внутренней замкнутости и отстраненности (*with-*

¹¹ Бакин Д. Указ. соч. С. 12.

¹² *Bakin D. Op. cit. P. 7.*

drawn как ‘socially detached and unresponsive’), самодостаточности (‘preferring to be alone’), что и в оригинале. В рамках высказывания как смыслового целого такая комплексная переводческая трансформация позволяет воссоздать сложную семантику исходного производного слова *замыкаться*, которое важно для понимания предельности и самоограниченной цельности внутренней субъективной реальности главного героя.

Таким образом, проведенный нами сопоставительный анализ рассказов Д. Бакина и их переводов на английский язык доказывает эффективность выбора синтаксического уподобления в качестве переводческой стратегии, направленной на воссоздание смысловой содержательности повествовательной формы оригинала. В случае рассказов Д. Бакина данная стратегия также способствует решению коммуникативно-функциональных задач перевода, поскольку реконструирует в ПТ тот же ритм повествования и те же эффекты управления вниманием читателем, что и ИТ. В конечном счете, реконструкция в ПТ основных паттернов неконвенционального текстового развертывания и осложненной синтаксической организации способствует сохранению в переводе поэтической и идейно-эстетической функций оригинала.

В заключение отметим, что вопросы синтаксической эквивалентности и грамматической идиоматичности перевода остаются актуальными для любых переводных пар, поскольку все языки характеризуются ограниченной и избирательной сочетаемостью, связанностью и сверхкомпозициональностью значений в словосочетаниях, специфичностью в выражении лексико-грамматических значений в речевой цепи и т.п. В письменном переводе именно эти характеристики языков переводной пары являются определяющими как при работе с локальными единицами перевода (при подборе межъязыковых соответствий, использовании переводческих трансформаций, выборе средств когезии и т.п.), так и при работе с глобальной единицей перевода — письменным текстом как законченным, структурно организованным и оформленным смысловым целым. Соответственно, переводоведческое исследование разных вариантов преодоления трудностей, вызванных межъязыковыми различиями в способах линейно-последовательной организации письменной речи, необходимо как для теории перевода (для более детального понимания общелингвистических основ переводческой деятельности), так и для прикладного переводоведения, которое стремится выработать алгоритмы действий переводчика при решении конкретных переводческих задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаспаров М.Л.* «Теснота стихового ряда». Семантика и синтаксис // L. Fleishman, Ch. Gözl, A.A. Hansen-Löve (Hg.). *Analysieren als Deuten* Wolf Schmid zum 60. Geburtstag. Hamburg: Hamburg University Press, 2004. С. 85–95.
2. *Кожанова Д.В.* Забытые заветы. Дмитрий Бакин // *Вопросы литературы*. 2015. № 5. С. 51–62.
3. *Котлов А.К.* Образы времени в прозе Дмитрия Бакина // *Вестник Костромского государственного университета*. 2012. № 1. С. 287–290.
4. *Молчанова Г.Г.* Деривационные возможности фразового эпитета как источника порождения новых лексем // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2025. Т. 28. № 1. С. 9–20.
5. *Падучева Е.В.* В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // *Известия ОЛЯ АН РАН. Серия литературы и языка*. Т. 54. № 3, 1995. С. 39–48.
6. *Падучева Е.В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
7. *Устинова Т.В.* Идиоматичный перевод: общие принципы и переводческие решения // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2024. Т. 27. № 4. С. 115–126.
8. *Устинова Т.В.* Переводческие решения в работе с формой и содержанием поэтического текста // *Сборник научных трудов XI научно-практической конференции с международным участием «Учитель. Ученик. Учебник» 13 декабря 2024 г. / научн. ред. Г.Г. Молчанова. М.: «КДУ», 2025. С. 242–248.*
9. *Bromfield A.* Translator's note // *Bakin D. Reason for Living / Ed. by B. Lindsey; translated by A. Bromfield. London; New York : Granta Books, 2002. Pp. xiii–xiv.*
10. *Lindsey B.* Foreword to D. Bakin's "Reasons for Living" // *Bakin D. Reason for Living / Ed. by B. Lindsey; translated by A. Bromfield. London; New York : Granta Books, 2002. Pp. vii–xii.*

Tatiana V. Ustinova

NARRATIVE AND SYNTACTIC ORGANIZATION OF DMITRY BAKIN'S SMALL PROSE: EQUIVALENCE AND IDIOMATICITY OF TRANSLATION

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; utanja@mail.ru

Abstract. Using the methodological framework of narrative linguistics and linguistic stylistics, this article studies the narrative organization of Dmitry Bakin's short stories. Functional, structural-syntagmatic, and figurative-expressive parameters of the writer's unique literary language are illustrated through analyzing the story "Leaves". Andrew Bromfield's English translation of the story is examined to identify optimal translation techniques for recreating the complex aesthetic form of the source text, constructed according to the principle of narrative polyphony and dynamic shifts in narrative modes (with zero, external, and

internal focalization). The comparative translational analysis is used to identify a general program of translation actions (translation strategy) that enables the translator to achieve formal-aesthetic equivalence between texts in two languages and fulfill the pragmatic task of preserving the source text compositional and syntactic invariance in all its structural, semantic, and stylistic complexity. Translational syntactic assimilation is described as a translator's strategy for working with the narrative form of a text, the development of which occurs through the cascading syntactic complication of simple sentences and through the branching juxtaposition and contrasting of different types of coordinative and subordinate connections within a single narrative passage.

Keywords: literary translation, compositional and structural difficulties of translation, translational syntactic assimilation, free indirect discourse, grammatical idiomaticity of translation

For citation: Ustinova T.V. (2026) Narrative and syntactic organization of Dmitry Bakin's small prose: equivalence and idiomaticity of translation. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(29), pp. 150–166. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-10 (In Russ.)

About the author: Tatiana V. Ustinova — Dr. Habil. in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; utanja@mail.ru

REFERENCES

1. Gasparov M.L. 2004. «Tesnota stihovogo rjada». Semantika i sintaksis [“The tightness of the verse series.” Semantics and syntax]. In L. Fleishman, Ch. Gözl, A.A. Hansen-Löve (eds.). *Analysieren als Deuten Wolf Schmid zum 60. Geburtstag*. Hamburg, pp. 85–95. (In Russ.)
2. Kozhanova D.V. 2015. Zabytye zavety. Dmitry Bakin [Forgotten covenants. Dmitry Bakin]. *Voprosy literatury*, no. 5, pp. 51–62. (In Russ.)
3. Kotlov A.K. 2012. Obrazy vremeni v proze Dmitrija Bakina [Images of time in the prose of Dmitry Bakin]. *Vestnik of Kostroma State University*, no. 1, pp. 287–290. (In Russ.)
4. Molchanova G.G. 2025. Derivacionnye vozmozhnosti frazovogo jepiteta kak istochnika porozhdenija novyh leksem [Phrase epithet derivational possibilities as source of new lexical units]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1, pp. 9–20. (In Russ.)
5. Paducheva E.V. 1995. V.V. Vinogradov i nauka o jazyke hudozhestvennoj prozy [V.V. Vinogradov and the science of the language of fiction]. *Izvestiia Rossijskoi akademii nauk. Serii literatury i iazyka*, no. 54/3, pp. 39–48. (In Russ.)
6. Paducheva E.V. 1996. *Semanticheskie issledovanija. Semantika vremeni i vida v ruskom jazyke. Semantika narrativa*. [Semantic studies. Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of narrative]. Moscow. (In Russ.)
7. Ustinova T.V. 2024. Idiomaticnyj perevod: obshhie principy i perevodcheskie reshenija [Idiomatic translation: general principles and translation solutions]. *Lo-*

monosov Linguistics and Intercultural Communication Journal, no. 4, pp. 115–126. (In Russ.)

8. Ustinova T.V. 2025. Perevodcheskie reshenija v rabote s formoj i sodержaniem pojeticheskogo teksta [Translation decision-making in dealing with the form and the content of a poetic text]. In Molchanova G.G. (ed.) *Sbornik nauchnyh trudov XI nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem "Uчител. Uchebnik"*. Moscow, pp. 242–248. (In Russ.)

9. Bromfield A. 2002. Translator's note. In Bakin D. *Reasons for Living*. Edited by B. Lindsey; translated by A. Bromfield. London; New York: Granta Books, pp. xiii–xiv.

10. Lindsey B. 2002. Foreword to D. Bakin's "Reasons for Living". In Bakin D. *Reasons for Living*. Edited by B. Lindsey; translated by A. Bromfield. London; New York: Granta Books, pp. vii–xii.

Статья поступила в редакцию 21.10.2025;
одобрена после рецензирования 07.12.2025;
принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 21.10.2025;
approved after reviewing 07.12.2025;
accepted for publication 15.12.2025.

С.И. Горбачевская

ПРАВОСЛАВНЫЙ МИР РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА В НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДАХ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; sgaeiou@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы научной критики художественного перевода. Материалом исследования стали переводы рассказов. Цель исследования — на основе анализа роли православных понятий и реалий в структуре содержания рассказов определить духовные смысловые доминанты анализируемых текстов, включающие эмоциональные, оценочные и прагматические компоненты, и найти алгоритм их переводческой интерпретации, который может стать отправной точкой для поиска релевантных переводческих эквивалентов и для конструктивно-критического анализа готового художественного перевода. Выбранная стратегия базируется на категориально ориентированной модели анализа текста оригинала, а именно обращение к способам передачи категорий автора, хронотопа и динамики текста, самых важных в жанре рассказа. Категория автора, авторские интенции, скрытая динамика составляют сложную структуру подтекста. Данный феномен чеховских рассказов является главной переводческой проблемой и требует глубокого анализа. Специфические языковые проблемы связаны с неверной интерпретацией отдельных ситуаций и неадекватным подбором лексики.

Ключевые слова: художественный перевод, модель перевода, стратегия перевода, конструктивно-критический анализ перевода, категория автора, хронотоп, динамика текста

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-11

Для цитирования: Горбачевская С.И. Православный мир рассказов А.П. Чехова в немецких переводах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 1. С. 167–178. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-11

Как писал протоиерей Александр Шмеман, Православие — это «не столько догматические определение и учение Восточной церкви,

---

Горбачевская Светлана Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; sgaeiou@yandex.ru

© Горбачевская С.И., 2026

сколько то основное миропонимание и тот опыт, что стоят за ними, образуя живой, 'экзистенциальный' контекст» [Шмеман: URL]. Это единство в духе, особое духовное состояние верующих. Мир Православия — естественная среда, в которой живут герои рассказов А.П. Чехова, — до сих пор вызывает живой интерес переводчиков. Каждое новое поколение пытается открыть «своего» Чехова.

Материалом исследования стали переводы на немецкий язык двух рассказов писателя, отражающих жизнь России конца XIX — начала XX века: «Студент» (1894) в двух вариантах и рассказ «Архиерей» (1902) в трех вариантах перевода. Тексты переводов были опубликованы в разный временной период (1960, 1978 и 2016 гг.) и отражали не только результаты осмысления чеховских текстов переводчиками, но и состояние немецкого языка то время. Нам интересны были случаи вариативности переводческих решений при передаче духовно-публицистической составляющей образа автора и православных понятий и реалий, и мы пытались определить духовные смысловые доминанты анализируемых текстов, включающие эмоциональные, оценочные и прагматические компоненты.

Мировосприятие писателя определяет особенности его идиостиля. Типичная для Чехова тема духовных перемен переплетается в каждом его произведении с темой сострадания и милосердия, что отмечали еще современники писателя. Русский религиозный философ С.Н. Булгаков сравнивал художественную манеру Чехова с приемами «вдумчивого экспериментатора», который исследует российскую действительность, но ведет себя при этом не как равнодушный и холодный «регистратор жизни», который ставит различные опыты, чтобы выяснить суть этого феномена, а как мыслитель с душой, чье сердце «болит и любит, и истекает кровью от сострадания». Особенно поражала Булгакова мягкость и снисходительность Чехова в отношении к действующим лицам своих произведений [Булгаков, 2002: 548]. Известный своей острой критикой литераторов Д.С. Мережковский признавался, что с первых страниц чеховских рассказов инстинктивно привязывается к его героям, какими бы незначительными и ничтожными они ни казались, и начинает «от всей души сочувствовать их микроскопическому горю», а в конце рассказа ему «почти жаль расстаться с действующими лицами» [Мережковский, 2002: 60].

Чехов сочувствует даже своим отрицательным персонажам, а в положительных героях, видящих торжество зла, призывающих к мужественной и активной борьбе с ним и твердо верящих в грядущую победу добра, открыто проявляются характер и мировоззрение

самого писателя, так что трудно бывает определить, где кончается этот герой и уже начинается автор. Кроме того, критики отмечают как редкое качество повествования созвучие состояния души героев и состояние окружающего мира, где природа участвует в развитии сюжета. Наши современники, говоря о художественной системе А.П. Чехова, обращают внимание на «импрессионистический» чеховский стиль и «разветвленную систему подтекста» [Химич, 2004: 33–35]. К этому хотелось бы добавить особую публицистичность и кинематографичность чеховских рассказов.

Как считают переводоведы, о процессе перевода до сих пор известно лишь немного, поскольку его наиболее существенный этап — это умственные действия, которые протекают в голове переводчика и практически недоступны стороннему наблюдателю и исследователю, которому «приходится ограничиваться некоторыми косвенными данными (в основном результатами самонаблюдения опытных переводчиков, их предположениями), дополняя и связывая их логическими рассуждениями» [Латышев, Семенов, 2005: 152]. Здесь может помочь метод моделирования, т.е. способ изучения предмета в тех случаях, когда непосредственное наблюдение его устройства невозможно или крайне затруднительно [Марчук, 2010: 14]. В лингвистике моделирование обозначает как схематичное создание модели какой-либо языковой единицы, так и ее изучение.

К художественному переводу исследователи относятся с особым трепетом, поскольку здесь «перевод каждого слова, каждой реплики, каждого предложения зависит от идейно-художественного замысла автора, от особенностей его индивидуального стиля, от интонации и ритмомелодики целого и отдельных частей повествования, от речевых характеристик персонажей» [Рецкер, 2004: 29]. Автор организует свой текст, ориентируясь на свою авторскую индивидуальность, и пишет его не только для читателя, но и для себя — «ему необходим этот текст как средство самовыражения» [Алексеева, 2004: 314]. И читатель, в свою очередь, получает соответствующую информацию в зависимости от своей готовности воспринимать данный текст. Как образно выразился Ю.М. Лотман, текст «ведет себя как некоторый живой организм, находящийся в обратной связи с читателем и обучающий этого читателя» [Лотман, 2005: 35]. Поэтому при анализе художественного текста и его перевода особое внимание уделяется подтексту, его сложной разноуровневой и взаимосвязанной структуре.

Критик перевода так же интерпретирует текст перевода, как и переводчик — текст оригинала. Научная критика перевода — один

из аспектов прикладного переводоведения, важный для развития и совершенствования, как теории, так и практики переводческой деятельности [Костикова, 2003]. Л.С. Выготский писал о воспитательной роли критики и подчеркивал, что задача критики только наполовину принадлежит к эстетике, наполовину это — общественная педагогика и публицистика [Выготский, 1986: 321].

Выбранная нами стратегия конструктивно-критического анализа переводов рассказов А.П. Чехова базируется на категориально ориентированной модели возможного переводческого анализа текста оригинала. В первую очередь, это обращение к способам передачи категорий автора, хронотопа и динамики текста, с нашей точки зрения, самых важных в жанре рассказа как одного из инструментов и комплексных образцов языковой коммуникации, которые появились в языковом сообществе в ходе общественно-исторического развития [Brinker, 1997: 126]. Интерпретация выбранных категорий в тексте оригинала помогает определить требования к их эквивалентной репрезентации в тексте перевода и наиболее четко выявить несоответствия содержания текста оригинала и имеющегося текста перевода [Горбачевская, Меркиш, 2020: 102].

Основные параметры рассказа — это небольшой объем, сжатый характер хронотопа, явно или имплицитно напряженная динамика повествования, ненавязчивое присутствие биографического автора, большое количество средств художественной выразительности.

В художественном тексте средства передачи всех категорий тесно переплетены между собой. Например, в каждом чеховском рассказе природная среда — это часть хронотопа, и одновременно она не только фон событий повествования, но и камертон настроений и чувств героев, в ней отражается лирическое «Я» автора — своеобразный монолог, обращенный и к читателю, и к самому себе. То есть картины природы помогают раскрыть категорию автора. Тема духовного преображения подчеркивается одухотворенным преображением природы и преломляется в категории динамики повествования. Православный мир — неотъемлемая составная часть этого преображения, и, конечно, важно, чтобы это почувствовали те, кто собирается переводить рассказы Чехова. Поэтому и основные проблемы, с которыми встретились немецкие переводчики, были связаны не только с культурно-исторической спецификой времени их написания и понятиями и реалиями, которые входят в структуру подтекста и требуют основательного анализа и фоновых знаний. Категория автора, авторские интенции, скрытая динамика как раз и составляют сложную структуру подтекста. Именно этот феномен

чеховских рассказов является главной переводческой проблемой и требует глубокого анализа. Специфические языковые проблемы связаны с неверной интерпретацией отдельных ситуаций и неадекватным подбором лексики. Приведем несколько примеров.

Рассказ «Студент» (1894 г.), по воспоминаниям родных и друга А.П. Чехова писателя И.А. Бунина, был любимым его рассказом. Вечером холодной страстной пятницы студент духовной академии Иван Великопольский по дороге домой подходит погреться к костру, который развели на своем огороде две вдовы, и вспоминает евангельскую историю, когда так же в холодную ночь в ожидании суда первосвященника над Иисусом грелся у костра апостол Петр и, испугавшись расспросов, три раза отказался от Него. Рассказ студента оказывает такое сильное эмоциональное воздействие на женщин и на него самого, что он вдруг ощущает, что их всех в этот момент посетило некое откровение о единстве времени и непрерывной связи прошлого с настоящим. И жизнь кажется ему чудесной и полной высокого смысла.

Можно предположить, что это не просто рассказ-зарисовка, а пасхальный рассказ-проповедь. В нем автор присутствует как сочувствующий, сопереживающий, одухотворяющий природу рассказчик, который открывает нам духовную связь прошлого и настоящего в их простой обыденности. Поэтому при определении стратегии его перевода следует обратить внимание на передачу этих оттенков авторских интенций, а также на представленные автором картины природы, тесно связанные с настроением его героя.

Например, потрясающим по выразительности является описание предпасхального холодного, неуютного вечера и душевного уныния студента в начале рассказа, когда он *думал о том, что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре и что при них была точно такая же лютая бедность, голод; такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета — все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше.*¹

В переводе Райнхольда фон Вальтера (Reinhold von Walter, 1960) это состояние размышления подчеркнуто модальностью необходимости — студент не может не думать об этом: *Der Student ... musste nun daran denken, dass genau der gleiche Wind zu Rjuriks Zeiten geweht hatte, dann auch zu den Zeiten des grimmen Iwan, auch unter dem Za-*

¹ Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 томах. Т.7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 366–367.

ren Peter, und dass unter diesen Fürsten genau das gleiche Elend und der Hunger herrschten; auch damals — dieselben durchlöchernten Strohdächer, Unbildung, dumpfer Kummer; dieselbe Öde ringsum, die gleiche Finsternis; das Gefühl, unter einem ewigen Druck dahinzuleben — alle diese fürchterlichen Dinge waren, sind und werden sein, und wenn auch tausend Jahre darüber vergehen, das Leben wird nie besser werden.²

Такую же безысходность почувствовал и переводчик Кай Боровский (Kay Borowsky, 1978): (Und jetzt) ...**musste** der Student daran denken, dass genau der gleiche Wind...**geweht** und dass ...die gleiche bittere Armut und der gleiche Hunger **geherrscht hatten**... all diese Schrecken **gab** es, gibt es und wird es immer geben, und davon, dass noch einmal tausend Jahre vorübergehen, wird das Leben nicht besser werden.³

Но он передает евангельские события, используя плюсквамперфект, как бы противопоставляя одну временную ось другой, а Р. фон Вальтер, употребляя стержневые глаголы в претерите, связывает эти события в одну ткань повествования.

Речь главного героя, внешняя и внутренняя, богатая эмоциональными оттенками, определяет динамику развития действия и противопоставлена речевому поведению женщин. Одна произносит всего две коротких фразы, а другая выражает свои чувства только мимикой и жестами. Если сравнить два перевода фразы: *Ach, какая то была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности унылая, длинная ночь!*⁴, то очевидно, что К. Боровский, используя и графику (восклицательные знаки), и парцелляцию, и причастную конструкцию модального глагола, передал эту динамику точнее и глубже: *Ach, was war das für eine schreckliche Nacht, Mütterchen! Eine unbeschreiblich trostlose, nicht enden wollende Nacht!*⁵

Вариант перевода Р. фон Вальтера менее эмоциональный и менее динамичный, что видно уже из знаков препинания — запятых, которыми отмечена интонация перечисления, — и спокойной точки в конце: *Ach, was war das doch für eine furchtbare Nacht, Großmutter, eine überaus drückende, lange Nacht.*⁶

Даже коннотация обращения *Mütterchen* у К. Боровского звучит задушевнее, чем нейтральное *Großmutter* у Р. фон Вальтера.

² *Tscheckow A.P. Rothschilds Geige. Erzählungen. Aus dem Russischen übersetzt und herausgegeben von Reinhold von Walter. Freiburg im Breisgau: Herder KG, 1960. S. 62–63.*

³ *Tscheckow A. Erzählungen. Übersetzung von Kay Borowsky. Stuttgart: Reclam, 1978. S. 106–107.*

⁴ *Чехов А.П. Указ. соч. Т. 7. С. 367.*

⁵ *Tscheckow A. 1978. Op. cit. S. 107.*

⁶ *Tscheckow A.P. 1960. Op. cit. S. 63.*

Рассказ «Архиерей» был опубликован в 1902 г., когда тема смерти все чаще появлялась в произведениях Чехова. Это еще одна пасхальная история на страстной седмице, рассказ-исповедь, рассказ в рассказе о преосвященном викарии епископе отце Петре, умном, преданном своему служению, добром, любящем и тяжело больном человеке, нашедшем смысл жизни на духовном поприще. Здесь мы сравнили три перевода: 1960 г. (Райнхольд фон Вальтер / Reinhold von Walter), 1978 (Кай Боровский / Kay Borowsky), 2016 г. (Барбара Конрад / Barbara Conrad).

Повествование состоит из череды нахлынувших воспоминаний человека перед смертью, сменяющих друг друга как кадры кинематографа. Стратегией перевода и, соответственно, конструктивной критики можно выбрать передачу этой кинематографичности авторского повествования, в котором фиксируются наиболее важные моменты жизни епископа Петра.

Автор подчеркивает силу любви этого человека к церкви и всему, что с ней связано, называя ее неискоренимой, а ощущение отцом Петром себя на службе деятельным, бодрым, счастливым: *...любовь его к церковным службам, духовенству, к звону колоколов была у него врожденной, глубокой, неискоренимой; в церкви он, особенно когда сам участвовал в служении, чувствовал себя деятельным, бодрым, счастливым.*⁷

Градацию предикатов в конце предложения, передающих подъем состояния души отца Петра, сохранил и абсолютно адекватно передал Р. фон Вальтер: *...seine Liebe für die Gottesdienste in der Kirche, für den geistlichen Stand, für das Glockengeläute war ihm eingeboren, war tief eingewurzelt in ihm und unausrottbar. In der Kirche fühlte er sich, besonders wenn er selber amtierte, tätig, rüstig, glücklich.*⁸

К. Боровскому не удалось сохранить эту четкость оригинала в сопоставлении частей речи — вместо легкого прилагательного он использовал тяжеловесное словосочетание: *...seine Liebe zum kirchlichen Dienst, zur Geistlichkeit, zum Klang der Glocken war ihm eingeboren und tief und fest in ihm verwurzelt; in der Kirche, besonders, wenn er selbst am Gottesdienst teilnahm, war er voll Tatendrang, wohlgenut und glücklich.*⁹

Б. Конрад отказалась от приема градации, а подчеркнула модальной частицей **ja** счастье как высшее состояние души: *Seine Liebe zu den Gottesdiensten, zur Geistlichkeit, zum Klang der Glocken war*

⁷ Чехов А.П. Указ. соч. Т. 8. С. 469.

⁸ Tschechow A.P. 1960. Op. cit. S. 57–58.

⁹ Tschechow A. 1978. Op. cit. S. 300

*ihm angeboren, sie war tief und fest verwurzelt; in der Kirche fühlte er sich, besonders wenn es die Messe mit zelebrierte, frisch und munter, ja glücklich.*¹⁰

Динамика эмоционально-экспрессивных выражений в рассказе очень разнообразная и соотносится с характеристикой персонажей. Самые теплые, добрые слова автор подбирает для высказываний отца Петра, например, невольное радостное восклицание, когда тот получает известие о приезде матери: *Это, значит, я ее в церкви видел давеча! O gott!*¹¹ В русском языке данное речевое клише может быть выражением радости, удивления, неожиданности, досады.

Каждый переводчик интерпретировал эту прагматику по-своему. Р. фон Вальтер перевел данное восклицание с оттенком «не верится, не может быть»: *Das heißt also, ich habe sie vorhin in der Kirche gesehen! O Gott!*¹² К. Боровский передал выражение удивления и искренней радости: *Dann habe ich sie also doch vorhin in der Kirche gesehen? O mein Gott!*¹³ Б. Конрад подчеркнула выражение удивления: *Da habe ich sie also doch eben in der Kirche gesehen! Mein Gott!*¹⁴

Православные понятия и реалии естественным образом входят в ткань повествования в чеховских рассказах, сделать их такими же естественными в структуре содержания немецких переводов, конечно, очень сложно, поскольку в мире немецкого языка доминируют понятия других христианских конфессий. Названия православных церковных служб, ритуалов, звания, должности, одежда, головные уборы православного духовенства и т.п. представляют собой определенные переводческие трудности и проблемы, поскольку для них в немецком языке нет однозначного перевода. Как алгоритм их переводческой интерпретации можно предложить транскрипцию и соответствующие комментарии переводчика, что, к сожалению, очень редко встречалось в немецких переводах.

Подводя итог проведенной апробации нашей модели категориально ориентированного конструктивно-критического анализа перевода жанра рассказа, хотелось бы, в первую очередь, подчеркнуть необходимость раскрытия и адекватной передачи средств выражения категории автора, которая определяет эмоциональный фон и все оттенки модальности текста, что особенно важно при

---

¹⁰ *Tscheckow A.* Die Dame mit dem Hündchen. Erzählungen 1896–1903. Aus dem Russischen neu übersetzt von Vera Bischtzky u.a. München: dtv, 2016. S. 431.

¹¹ *Чехов А.П.* Указ. соч. Т. 8. С. 458.

¹² *Tscheckow A.P.* 1960. Op. cit. S. 42.

¹³ *Tscheckow A.* 1978. Op. cit. S. 287.

¹⁴ *Tscheckow A.* 2016. Op. cit. S. 416.

учете его особой чеховской публицистичности. Представляется, что именно категория автора связана с разработкой стратегии и, соответственно, критики перевода, поскольку она чаще всего доминирует в тексте. Хронотоп рассказов, как правило, сжат в пространстве и во времени и ограничивается какими-то внешними рамками. Категория динамики в чеховских текстах представлена часто в кинематографичном переплетении фрагментов рассказа в рассказе или реплик героев и связана, в первую очередь, с проблемой духовной перемены в человеке.

Для перевода любого текста, а художественного — в особенности, вообще нет заранее определенных «рецептов», потому что одни и те же факторы и параметры текста являются для одного переводчика «камнем преткновения», а для другого не составляют никакого труда. Творческие возможности и поведение любого человека очень трудно предсказать заранее, а язык как средство человеческого общения невозможно разложить на составляющие и до конца исследовать. Поэтому такая проблема как тайна писательского и переводческого творчества будет существовать вечно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филолог. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб: Филологический факультет СПбГУ. М.: Академия, 2004.
2. *Булгаков С.Н.* Чехов как мыслитель // А.П. Чехов: pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX — начала XX в. (1887–1914). Антология. Сост. Сухих И.Н. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2002. С. 537–565.
3. *Выготский Л.С.* Психология искусства. М.: «Искусство», 1986.
4. *Горбачевская С.И., Меркиш Т.А.* Уровни переводческого анализа текста короткого рассказа (из опыта перевода рассказов В. Борхерта на русский язык) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 97–105.
5. *Костинова, О.И.* Интерпретация как основа деятельности критика переводов (К вопросу о переводе заглавия романа «Преступление и наказание») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 4. С. 42–51.
6. *Латышев Л.К., Семенов А.Л.* Перевод: теория, практика и методика преподавания: учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2005.
7. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: «Искусство — СПб», 2005. С. 14–285.
8. *Марчук Ю.Н.* Модели перевода: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. М.: Академия, 2010.

9. *Мережковский Д.С.* Старый вопрос по поводу нового таланта // А.П. Чехов: pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX — начала XX в. (1887–1914). Антология. Сост. Сухих И.Н. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2002. С. 55–79.

10. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р.Валент, 2004.

11. *Химич В.В.* О художественной системе А.П. Чехова // Филологический класс. 2004. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-hudozhestvennoy-sisteme-a-p-chehova> (дата обращения: 20.10.2025).

12. *Шмеман Александр*, протопресвитер. Православный мир: прошлое и настоящее URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/pravoslavnyj-mir-proshloe-i-nastojashee (дата обращения: 01.11.2025).

13. *Brinker K.* Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. 4. Aufl. Berlin: Schmidt, 1997.

Svetlana I. Gorbacevskaja

THE ORTHODOX WORLD OF CHEKHOV'S SHORT STORIES IN GERMAN TRANSLATIONS

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; sgaeiou@yandex.ru

Abstract. The article discusses the problems of scientific criticism of literary translation. The research material was translations of short stories. The purpose of the study is to determine the spiritual semantic dominants of the analyzed texts, including emotional, evaluative and pragmatic components, based on the analysis of the role of Orthodox concepts and realities in the structure of the content of the stories, and to find an algorithm for their translation interpretation, which can become a starting point for searching for relevant translation equivalents and for constructive and critical analysis of the finished literary translation. The chosen strategy is based on a categorically oriented model of analysis of the original text, namely, an appeal to the ways of transmitting the categories of the author, chronotope and text dynamics, the most important in the genre of the story. The author's category, author's intentions, and hidden dynamics make up the complex structure of the subtext. This phenomenon of Chekhov's short stories is the main translation problem and requires an in-depth analysis. Specific language problems are associated with misinterpretation of individual situations and inadequate vocabulary selection.

Keywords: artistic translation, translation model, translation strategy, constructive and critical analysis of translation, author's category, chronotope, text dynamics

For citation: Gorbacevskaja S.I. (2026) The Orthodox world of Chekhov's short stories in German translations. *Lomonosov Linguistics and Intercultural*

About the author: Svetlana I. Gorbachevskaja — PhD in Philology, Associate Professor at Department of German language and culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; sgaeiou@yandex.ru

REFERENCES

1. Alekseeva I.S. 2004. *Vvedenie v perevodovedenie: Ucheb. posobie dlia stud. filolog. i lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenij* [Introduction to Translation Studies: Textbook for student of philology and linguistic faculty of higher education] Saint Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Moscow, Akademiia. (In Russ.)
2. Bulgakov S.N. 2002. Chekhov kak myslitel' [Chekhov as a thinker]. In Sukhikh I.N. (ed.). *A.P. Chekhov: pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russkoi mysli kontsa XIX — nachala XX v. Antologiiia* [A.P. Chekhov: pro et contra. Chekhov's creative work in Russian Thought of the late 19th — early 20th centuries (1887–1914). The anthology]. Saint Petersburg, Russkii khristianskii gumanitarnyj institut, pp. 537–565. (In Russ.)
3. Vygotskii L.S. 1986. *Psikhologiiia iskusstva* [Psychology of art]. Moscow, «Iskusstvo». (In Russ.)
4. Gorbachevskaja S.I., Merkish T.A. 2020. Urovni perevodcheskogo analiza teksta korotkogo rasskaza (iz opyta perevoda rasskazov V. Borkherta na russkii jazyk) [Short Story Text Translation Analysis Levels (based on the Experience of Translating W. Borchert's Stories into Russian)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 97–105. (In Russ.)
5. Kostikov O.I. 2003. Interpretaciia kak osnova deiatel'nosti kritika perevodov (K voprosu o perevode zaglaviia romana «Prestuplenie i nakazanie») [Interpretation as a basis for criticism of translations (On the issue of translating the title of the novel “Crime and Punishment”)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 42–51. (In Russ.)
6. Latyshev L.K., Semenov A.L. 2005. *Perevod: teoriia, praktika i metodika prepodavaniia: ucheb. posobie dlia stud. perevod. fak. vyssh. ucheb. zavedenii* [Translation: theory, practice and teaching methods: a study manual for translation faculty students]. Moscow, Akademiia. (In Russ.)
7. Lotman Iu.M. 2005. Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of a literary text]. In Lotman Iu.M. *Ob iskusstve* [About Art]. Saint Petersburg, Iskusstvo, pp. 14–285. (In Russ.)
8. Marchuk Iu.N. 2010. *Modeli perevoda: ucheb. posobie dlia stud. uchrezhdenii vyssh. prof. obrazovaniia* [The models of translation: a study manual for higher education students]. Moscow, Akademiia. (In Russ.)
9. Merezhkovskii D.S. 2002. Staryi vopros po povodu novogo talanta [An old question about a new talent] In Sukhikh I.N. (ed.). *A.P. Chekhov: pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russkoi mysli kontsa XIX — nachala XX v. Antologiiia* [A.P. Chekhov: pro et contra. Chekhov's creative work in Russian Thought of the late 19th — early 20th centuries (1887–1914). The anthology]. Saint Petersburg, Russkii khristianskii gumanitarnyj institut, pp. 55–79. (In Russ.)

10. Retsker Ia.I. 2004. *Theoriiia perevoda i perevodcheskaia praktika. Ocherki lingvisticeskoi teorii perevoda* [Translation theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation]. Moscow, R.Valent. (In Russ.)

11. Khimich V.V. 2004. O khudoshestvennoi sisteme A.P. Chekhova [About the artistic system of A.P. Chekhov]. *Filologicheskii klass*, no. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-hudozhestvennoy-sisteme-a-p-chehova> (accessed: 20.10.2025). (In Russ.)

12. Shmeman Aleksandr, protopresviter. *Pravoslavnyi mir: proshloje i nastoiashchee* [The Orthodox World: Past and Present]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/AleksandrShmeman/pravoslavnyj-mir-proshloe-i-nastojashee> (accessed: 01.11.2025). (In Russ.)

13. Brinker K. 1997. *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. 4. Aufl.* Berlin: Schmidt. (In Germ.)

Статья поступила в редакцию 04.11.2025;
одобрена после рецензирования 03.12.2025;
принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 04.11.2025;
approved after reviewing 03.12.2025;
accepted for publication 15.12.2025.

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

О.В. Щербаков, З.Г. Прошина

СТРАТЕГИИ СОЗДАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЛАНДШАФТОВ В МАРКЕТИНГОВЫХ ЦЕЛЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; sherbakov.oleg2009@yandex.ru, proshinazoya@yandex.ru

Аннотация. Городское коммуникативное пространство — или лингвистический ландшафт — состоит из информационных и символических элементов. В то время как первый тип знаков нацелен на информирование горожан, второй тип более сложен для восприятия и может отражать сложные социальные процессы. Такие знаки создаются не с целью передачи информации, а для повышения привлекательности места, создания необходимой атмосферы и, наконец, в маркетинговых целях. В статье приводится анализ символических ресурсов лингвистических ландшафтов Москвы и Санкт-Петербурга, а также выявляются три стратегии по их созданию: стратегия использования прецедентных феноменов, стратегия имитации межличностного общения и стратегия соавторства символического коммуникативного акта. При анализе использован геосемиотический подход для более комплексной оценки роли символических элементов в языковом и социальном контексте. В рамках каждой стратегии проанализированы средства речевой выразительности, нацеленные на создание определённого прагматического эффекта. Сделан вывод о том, как символические элементы городского лингвистического ландшафта дополняют современный рекламный дискурс, опираясь на создание эмоциональной связи с адресатом, и каким потенциалом они обладают для развития креативной экономики в будущем.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, лингволандшафтные исследования, социолингвистика, городская лингвистика

Щербаков Олег Вячеславович — аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; sherbakov.oleg2009@yandex.ru

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, proshinazoya@yandex.ru

© Щербаков О.В., Прошина З.Г., 2026

Для цитирования: Щербаков О.В., Прошина З.Г. Стратегии создания символических ресурсов лингвистических ландшафтов в маркетинговых целях (на материале Москвы и Санкт-Петербурга) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 1. С. 179–194. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-12

Введение

Городские лингвистические ландшафты — неотъемлемая часть коммуникативного пространства любого города. Их изучением занимаются в рамках лингволандшафтных исследований — одной из наиболее молодых дисциплин на стыке лингвистики, социологии, урбанистики и экономики, объектом которой является совокупность языковых знаков в городском пространстве и их функции. В нашей работе под лингвистическим ландшафтом города мы будем понимать совокупность языковых объектов в городском пространстве, существующих как в письменной, так и в устной форме. Такого же определения придерживается, например, исследователь Е. Шохами [Shohamy, 2019: 27], которая признаёт мультимодальный характер лингвистического ландшафта.

Истоки лингволандшафтного направления сформировались ещё в начале XX века. Так, языковед Б.А. Ларин в 1928 году выпустил работы «О лингвистическом изучении города» [Ларин, 1928 (а)] и «К лингвистической характеристике города» [Ларин, 1928 (б)]. В работах автор указывает на то, что «язык города» не получает должного внимания со стороны исследователей, а языки в основном изучаются без обращения к их лингвистическому окружению. Положения Б.А. Ларина, по мнению языковеда Л.П. Крысина, стали основополагающими для отечественной социолингвистики [Крысин, 2021: 9].

Российский учёный В.В. Иванов отмечает, что анализ языкового ландшафта «проделал путь от количественной оценки присутствия тех или иных языков в условиях двуязычного города до комплексного инструмента для оценки функционирования языков в публичной городской среде, влияния на эти процессы официальной и неофициальной языковой политики, а также отдельно взятых акторов» [Иванов, 2023: 434]. Следуя такой формулировке цели лингволандшафтных исследований, учёные изучают языковые объекты с точки зрения двух видов их функций: коммуникативной (инструментальной, информативной) и символической (функция фетишизации языка). Впервые эти две функции были разграничены

в работе исследователей Р. Лэндри и Р. Бури, которые считаются основателями лингволандшафтного направления социолингвистики [Landry, Bourhis, 1997: 25].

В отношении первой функции Р. Лэндри и Р. Бури отмечали, что лингвистические ландшафты помогают определить языковые характеристики, распространённость языка на определённой территории — это функция непосредственной передачи информации [Landry, Bourhis, 1997: 25]. Вторая, символическая, функция отражает статус использованных языков в сознании «пользователей» языкового ландшафта. Х. Келли-Холмс называет эту функцию лингвистическим фетишем, так как в этом случае выбор языка и конкретного слова обусловлен не их значением, а тем, как это слово выглядит, какие ассоциации с ним возникнут у потенциальных потребителей и как определённые языки могут способствовать созданию необходимых ассоциаций в их сознании [Kelly-Holmes, 2020: 39].

Изучая языковые объекты лингвистических ландшафтов, выполняющие коммуникативную функцию, исследователи в России и за рубежом сосредотачивают своё внимание на нескольких аспектах. Например, одно из наиболее популярных направлений лингволандшафтных исследований в России — эрратологическое. Фокус внимания учёных в таких исследованиях в основном направлен на поиск ошибок при переводе названий объектов лингвистических ландшафтов, а также на выработку стратегий по избежанию таких ошибок в будущем [Малёнова, 2021; Лю Цзинпен, 2019]. Часто фокус внимания исследователей также направлен на языковые особенности рекламы в городском пространстве [Красных, 2012; Пешкова, 2017; Голикова, 2020; Прошина, Ривлина, 2020; Чугаева, Воскресенская, 2023]. Многие работы также посвящены посвящены городской ономастике — направлению в лингвистике, изучающему наименование объектов — и изучению урбанонимов — собственных имён пространственных объектов [Горбаневский, 1994; Гальцова, 2011; Асанов, 2014; Голомидова, 2017; Федосюк, 2022].

Символические языковые объекты, по нашему мнению, менее изучены и более сложны в исследовании, так как напрямую связаны с социальным контекстом в данный период исторического развития общества. Х. Келли-Холмс полагает, что язык именно в своей символической функции, а не только коммуникативной, стал полноценным инструментом современного маркетинга по всему миру, в то время как большинство компаний используют в символической функции именно иностранные языки, полагая,

что они повышают статус компании в глазах потребителей [Kelly-Holmes, 2020: 40].

Под символическими ресурсами языкового ландшафта города мы понимаем совокупность элементов, которые используются в городском коммуникативном пространстве в символической функции преимущественно в коммерческих (маркетинговых) целях. Язык в таких случаях активно коммодифицируется, то есть используется в качестве товара, который «продают» адресату.

Цель нашего исследования — проанализировать символические ресурсы лингвистических ландшафтов Москвы и Санкт-Петербурга и определить коммуникативные стратегии и средства речевой выразительности, которые использованы при их создании. Результаты работы позволят охарактеризовать речевые процессы, происходящие в современном городском пространстве и социальном контексте.

Методы и материал

Мы проанализировали 200 объектов лингвистических ландшафтов Москвы и Санкт-Петербурга, которые выполняют символическую функцию. Выбор городов обусловлен их высоким уровнем разнообразия символических лингволандшафтных ресурсов.

При изучении собранного материала мы применили семиотический подход, который был предложен западными авторами Р. и С.В. Сколлон [Scollon and Scollon, 2003]. Он основан на большом количестве лингвистических, социальных, семиотических, антропологических и культурных теорий, учитывает всю совокупность факторов, оказывающих влияние на интерпретацию знака: социальный актор, порядок взаимодействия, визуальная семиотика и семиотика пространства. Истоки такого подхода можно найти и в работах представителей Тартуско-московской семиотической школы. Ю.М. Лотман в коллективной монографии «Труды по знаковым системам» 1984 года отмечал, что город — это «сложный семиотический механизм», в котором сталкиваются различные национальные, социальные, стилевые коды и тексты, «город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в мощный генератор новой информации» [Лотман, 1984: 35–36]. Современные исследователи также применяют данный подход: например, Е.В. Медведева рассматривала достопримечательности в качестве знаков с целью выявить новые пласты содержания городских текстов, обеспечить фиксацию культурной памяти в городской среде и реализовать творческую

функцию текста города [Медведева, 2020], а также анализировала функционирование и формальные и семантические модификации метафоры «город-сад» в тексте города [Медведева, 2021].

Результаты и обсуждение

По результатам анализа мы выделили три стратегии создания символических ресурсов в городском лингвистическом ландшафте. Важно отметить, что некоторые примеры совмещают в себе сразу несколько стратегий. Рассмотрим их подробно.

Стратегия использования прецедентных феноменов

Прецедентный текст — термин, который введён советским и российским лингвистом Ю.Н. Карауловым для обозначения текстов, которые хорошо знакомы языковой личности и её окружению, включая предшественников и современников, и обращение к которым в дискурсе данной языковой личности возобновляется неоднократно в силу познавательной и эмоциональной значимости [Караулов, 2010: 216]. В качестве прецедентных текстов могут выступать отрывки из произведений литературы и песен, цитаты известных людей, фразеологизмы и так далее. При этом такие тексты могут быть частично трансформированы.

Летом 2025 года в витринах кафе “Eggsellent” в Москве, которое специализируется на завтраках, разместили календарь “Partisan-press”, на котором напечатаны даты с августа 2025 года по июль 2026 года, а также крупная надпись розовым цветом: «Не откладывай на завтрак». На сайте кафе приводится пояснение, что создатели этого элемента «вдохновились тем, что теперь кафе на Парке культуры в пятницу и субботу работает до 22:00, и если вам вдруг захотелось завтрак вечером в пятницу — его даже не надо откладывать на утро»¹. В основе фразы — прецедентный текст, переосмысление цитаты американского учёного и просветителя Бенджамин Франклина «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня» с помощью каламбура и эффекта двойного прочтения путём субституции лексической единицы «завтра» на «завтрак» и усечения. Опущение второй части идиомы акцентирует внимание на языковой игре и неожиданной замене. Сочетание этих приёмов нацелено на создание юмористического эффекта и запоминающегося образа через воздействие на эмоции адресата. Так как прецедентные тексты культурно маркированы, используя в качестве символическо-

---

¹ Eggsellent : [сайт]. URL: <https://eggsellent.ru/shop/tproduct/671936364-175219326942-kalendar-eggsellent-x-partisan-press> (дата обращения: 13.10.2025).

го элемента такой текст, бизнес апроприирует элемент культуры в своих — в первую очередь коммерческих — целях. Учитывая, что надпись выполнена значительно более крупным и ярким шрифтом, чем даты календаря, можно прийти к выводу, что в данном случае главным назначением плаката является его использование не в качестве календаря, а в качестве символического элемента, элемента декора пространства.

Неверно, по нашему мнению, относить данный пример к чисто рекламному тексту. Одной из ключевых особенностей рекламного жанра является воздействие на адресата с целью продвижения какого-либо товара или услуги. Несмотря на то что рассматриваемый лингвистический объект действительно оказывает эмоциональное и эстетическое воздействие на читателя, функция продвижения не осуществляется в полной мере. Такая стратегия, скорее, не нацелена на получение сиюминутной выгоды и может оказаться более выигрышной в долгосрочной перспективе, так как может образовывать вокруг бренда сообщество единомышленников, которые будут видеть в бизнесе не просто коммерческое предприятие, а место, в котором ценятся эмоции и нет давления в виде кричащей рекламы. Влияние на потребителя при таком сценарии можно охарактеризовать как «мягкое», которое минимизирует отторжение и усиливает лояльность.

В апреле 2023 года в Москве открылся екатеринбургский магазин сувениров «Ель». В витрине магазина разместили неоновую вывеску с надписью «Дорогая моя, Москва!» Представляется, что в основе этого элемента — ещё один прецедентный феномен, а именно отрывок из песни о Москве времён Великой Отечественной войны «Дорогая моя столица», которая с 1995 года также является официальным гимном столицы России. Как и в ранее рассмотренном примере, в данном случае наблюдается структурно-семантическая трансформация прецедентного текста, а именно усечение прецедентного предложения «Дорогая моя столица, золотая моя Москва!», замена компонента «столица» на имя собственное «Москва», а также дополнительный элемент пунктуации, который, как нам представляется, не соответствует пунктуационной норме русского языка. Аппелляция к коллективной исторической памяти, символу патриотизма, любви к городу и стойкости духа советского народа в один из самых тяжёлых периодов истории может означать попытку эмоционального воздействия на адресата и потенциального потребителя с помощью чувств ностальгии и гордости, а также чувства социального одобрения, которое формируется за счёт узнаваемого

текста. Выбор прецедентного текста для символического элемента коррелирует с ассортиментом и дизайном магазина. На его полках представлены сувениры о Москве, которые выполнены как в виде современных элементов, так и в историческом дизайне. В продаже также доступны исторические изделия, например, архивные книжничестические открытки и книги, а также карты Москвы разных лет и коллекционные значки. В интерьере пространства использованы элементы типичного советского декора — деревянные стеллажи, кресла, торшеры. В качестве музыкального оформления выбраны узнаваемые мелодии — например, «Вся жизнь впереди» (ВИА «Самоцветы») и «Нет тебя прекрасней» (ВИА «Поющие гитары»).

Прецедентные феномены в большом количестве были обнаружены в символической коммуникации между книжным магазином «Подписные издания» в Санкт-Петербурге и покупателями. Такие элементы размещаются внутри магазина, между первым и вторым этажом, на специальном подсвечиваемом носителе. В качестве рассматриваемых текстов используются в основном отрывки из песен: «И если никто не простудится, то всё пренебреженно сбудется» (Братья Гримм — «Кустурица»), «И этот город останется также загадочно любим» (Мумий Троль — «Такие девчонки»), «Эту мелодию тебе может быть напоёт шум дождя, просто обернись уходя» (Дискотека Авария — «Если хочешь остаться») и так далее. Все эти прецедентные тексты выполняют фатическую функцию установления эмоционального контакта, а книжный магазин с помощью таких актов символической коммуникации позиционирует себя не просто как коммерческое предприятие, а как место социальной и культурной коммуникации, апеллируя к чувству ностальгии.

Стратегия имитации межличностного общения

С помощью символических ресурсов может создаваться прагматический эффект, который заключается в трансформации коммерческого пространства, где вместо коммерциализированного общения в парадигме «покупка-продажа» доминирует межличностное общение как средство формирования положительной эмоциональной связи с брендом. Например, в интерьере сувенирного магазина «Friend Function» в Москве размещён плакат «Partisanpress» с надписью «Спасибо, что пришел». Модель ритуализированного межличностного общения между адресантом (бизнесом) и адресатом (потребителем) воспроизводится с помощью этикетной фразы и отсылает к акту благодарности за то, что потребитель выбрал это место и выделил время на посещение магазина. Также следует от-

метить, что во фразе опущено личное местоимение «ты», а на менее формальный тон указывает форма глагола второго лица единственного числа. В совокупности эти характеристики указывают на попытку сближения с клиентом через неформальную коммуникацию и формирование у адресата пресуппозиции личной значимости, «желанного гостя».

В витрине школы искусств и книжного магазина “Masters” в Москве (закрыт в октябре 2025 года) был размещён символический элемент в виде надписи: «Твои мечты имеют значение. Твое развитие имеет значение. Твое творчество имеет значение. Ты имеешь значение». Данный элемент олицетворяет автора — центр творчества и книжный магазин, создаёт эффект персонального обращения, а в качестве ядерных элементов синтаксического параллелизма используются лексические единицы, которые отображают специфику данного места: «развитие», «творчество» и, как следствие, «мечты». Семантическая градация (от «мечт» к «тебе» в целом) лишь усиливает эмоциональный эффект. Данный элемент является своеобразным «эмоциональным якорем», с помощью которого достигается положительное маркетинговое воздействие на адресата: символический элемент, размещённый в витрине, не «кричит», тем самым имея потенциал привлечь больше потенциальных потребителей, чем традиционная реклама.

В сентябре 2025 года проект «Это знак» и сервис для знакомств «VK Знакомства» разместил в Санкт-Петербурге «знаки с посланиями», которые на самом деле являются рекламной кампанией сервиса: под каждым таким «знаком» размещён QR-код, который ведёт в приложение сервиса. В рамках кампании было создано четыре символических элемента, имитирующих общение с адресатом и апеллирующих к его эмоциям: «Однажды кто-то полюбит тебя так, как ты заслуживаешь», «Тот самый человек придет в твою жизнь в самый неожиданный момент», «Человеку нужен человек. Твой уже рядом!», «Вы очень скоро встретитесь и поймете, что неслучайно».

Рассматриваемая стратегия также активно применяется при создании актов символической коммуникации на одноразовых стаканах — одно из самых частотных мест размещения символических ресурсов в современном городском лингвистическом ландшафте. Например, у сети кофеен “Сofix”, которая на момент написания работы насчитывает более 200 филиалов, зафиксировано уже несколько подобных проектов. Так, весной 2024 года в партнёрстве с уже упомянутым проектом «Это знак» были выпущены одноразовые стаканы со следующими текстовыми элементами: «О тебе тоже

кто-то мечтает», «Всё, что ты чувствуешь, имеет огромное значение», «Позволь себе быть неидеальным», «Спустя год ты будешь счастлив, что начал именно сегодня» и так далее. Другой пример — коллекция одноразовых стаканов сети кофеен «Здрате» в Москве и Подмоскowie, на которых размещены вторичные символические элементы — фото плаката «Моё утро начинается с чашки крепкой нервной системы» и подписи к данному фото: «Все твои эмоции имеют огромное значение». В первом случае отметим использование иронии и создание комического эффекта, который достигается с помощью неожиданной замены референта («кофе») на абстрактно-физиологическое понятие («нервная система»). Автор рефлексировал над современным культом продуктивности, при котором поддержание психического равновесия становится таким же ежедневным ритуалом, как и употребление кофе. В совокупности с подписью к данному элементу вновь создаётся прагматический эффект солидарности, основанный на апроприации терапевтического дискурса и его трансформации в инструмент эмоционального брендинга.

Стратегия соавторства символического коммуникативного акта

В рамках данной стратегии автор сообщения лишь запускает процесс коммуникации, а адресат является её соавтором. Способствуют реализации такой стратегии символические коммуникативные элементы, характеризующиеся семантической открытостью. Так, в уже ранее рассмотренном магазине сувениров “Friend Function” в Москве размещён ещё один символический элемент — плакат с надписью «Сейчас самое время». Идиоматическую конструкцию «самое время» можно охарактеризовать как положительно маркированную в сознании представителей российского лингвокультурного сообщества. Дейктический маркер настоящего времени «сейчас» минимизирует риск активации негативных ретроспективных переживаний (нужно было раньше) и проспективных установок (когда-нибудь потом). Отсутствие объекта (самое время для чего?) делает эту фразу универсальным символическим объектом-мотиватором, открытым для дальнейших интерпретаций адресатом. Успешность такого инструмента маркетинговой коммуникации может заключаться в следующем: при размещении в микроландшафтах своих заведений языковых символических элементов, характеризующихся семантической открытостью и одновременно мотивирующим потенциалом, предпринимателям не нужно адаптировать такую коммуникацию под разные виды целевой аудитории, что минимизирует

риски ошибочного таргетинга. В результате процесса дешифрования адресатом и индивидуального смыслового наполнения семантически открытого сообщения в сознании потребителя формируется ассоциативный комплекс, который положительно маркирован с эмоциональной точки зрения, так как основан на личностно значимых ментальных репрезентациях, а также связан непосредственно с тем местом, где эти эмоции были получены, вновь выступая в роли «эмоционального якоря» бренда.

Схожий принцип актуален и для плаката «Просто это красиво» в том же пространстве. Можно предположить, что референт местоимения «это» не определён намеренно, чтобы адресат смог вложить в него любой значимый для него в конкретный период времени смысл. Наречие «красиво» можно так же охарактеризовать как оценочное и субъективное, не поддающееся единому безусловному определению. Следуя такой гипотезе, данный элемент можно тоже охарактеризовать как семантически опустошённый. Одновременно с этим возможно и другое истолкование рассматриваемого символического ресурса лингвистического микроландшафта пространства, связанного с маркетинговым приёмом эвристики аффекта. Это явление обозначает подсознательный процесс, когда решения принимаются исключительно на основе эмоций в данный период времени. Ключевым при восприятии адресатом в таком случае может стать не семантически опустошённое местоимение «это», а оценочное «красиво». При восприятии эмоционально окрашенной лексемы или фразы адресат начнёт мысленно искать ближайшие доступные объекты для проецирования этой яркой эмоции. Так, наиболее вероятным сценарием будет перенос положительной эмоции на сам плакат, на его авторов. В число наиболее возможных ассоциаций также могут войти какие-то определённые товары, которые размещены рядом с этим плакатом, или непосредственно магазин, его атмосфера, ассортимент товаров, формат обслуживания.

Данная стратегия также нашла отражение в символических элементах кофейни «Всё классно» в Санкт-Петербурге, на входе в которую размещено 40 плакатов (в пять рядов по восемь символических элементов в каждом). Среди них — несколько фраз, характеризующихся семантической открытостью: «В тебе столько всего классного» и «Не придумали слово, чтобы назвать это состояние». Эти фразы можно охарактеризовать как намеренно незавершённые на семантическом уровне, что является стимулом адресату к соучастию и собственному смыслопорождению.

Заключение

Таким образом, нами выделены три стратегии создания символических ресурсов в лингвистических ландшафтах Москвы и Санкт-Петербурга: стратегия использования прецедентных феноменов, стратегия имитации межличностного общения и стратегия соавторства символического коммуникативного акта. В рамках данной стратегии применяются различные креативные языковые решения: использование различных видов языковой игры, эллиптических конструкций, эмоционально окрашенной и семантически опустошённой лексики.

Представляется, что рассмотренные символические элементы являются новым видом рекламы, в которой ключевой становится не функция продвижения, а креативная составляющая, изучать которую важно без отрыва от семиотического и физического пространства, а также социального контекста. Так, многочисленные отсылки к терапевтическому дискурсу и большая популярность таких креативных лингвистических проектов в социальных сетях могут свидетельствовать о высоком спросе на эмоциональную поддержку среди населения крупных городов. Данная тема активно коммодифицируется предпринимателями, которые стремятся установить с потребителем эмоциональную связь, выходящую за рамки привычной для бизнеса парадигмы коммерческих отношений. Такой вид связи в долгосрочной перспективе может оказаться более эффективным. Использование прецедентных текстов в свою очередь может отражать рост внимания к прошлому, к чувству ностальгии по ушедшему, более спокойному миру.

Все эти тезисы подтверждаются результатами масштабных социальных опросов. Так, во время Петербургского международного экономического форума в 2025 году генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения В.В. Фёдоров привёл результаты изучения трендов в социальных сетях среди россиян, к которым он отнёс тренд на антистресс-контент, ностальгию по утраченному миру, дефицит живого общения и поиск идентичности. Можно заметить, как все эти тренды находят отражение в рамках рассмотренных нами примеров и стратегий.

Выявленные стратегии могут стать основой развития символической городской коммуникации в будущем, особенно в рамках развития креативной экономики в России, где главным «активом» становятся креативные решения. Такой вид экономики закреплён в Федеральном законе № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», который вступил в силу

в феврале 2025 года, и сформирует будущую исследовательскую повестку не только для экономистов, но и социологов, политологов и лингвистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асанов А.Ю.* Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2014.
2. *Гальцова А.С.* Лингвокультурологический потенциал петербургской топонимии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.
3. *Голикова Т.А.* Методология лингволандшафтных исследований в России: аналитико-тематический обзор // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2020. № 4(54). С. 149–166.
4. *Голомидова М.В.* Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 1. С. 11–30.
5. *Горбаневский М.В.* Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994.
6. *Иванов В.В.* Развитие теоретических принципов исследований языкового ландшафта в контексте городского многоязычия // Полилингвальность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 426–435.
7. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: ЛКИ, 2010.
8. *Красных В.В.* Современный большой город как перекресток миров (виртуальное vs. реальное, вербальное vs. невербальное, свое vs. чужое) // Полифония большого города: сб. науч. ст. М.: МИЛ. 2012. С. 75–83.
9. *Крысин Л.П.* Очерки по социолингвистике. М.: Флинта, 2021.
10. *Ларин Б.А.* О лингвистическом изучении города // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977а. С. 175–189.
11. *Ларин Б.А.* К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977б. С. 189–199.
12. *Лю Цзинпэн.* Лингвистический ландшафт: исследование и анализ перевода с русского на китайский язык в крупных городах России // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2019. № 2. С. 121–129.
13. *Малёнова Е.А.* Перевод языковых средств конструирования городского лингвистического ландшафта как фактор формирования имиджа территории // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2021. Т. 6. № 2. С. 94–102.
14. *Медведева Е.В.* От города-сада к городу-парку: о функционировании урбанистической метафоры в тексте города // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 68–78.
15. *Медведева Е.В.* Семиотика достопримечательностей и ее роль в формировании текста города // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 134–142.
16. *Пешкова Н.П.* Лингвистический ландшафт полиэтничного города. Особенности вербального воздействия // Вопросы психолингвистики. 2017. № 4. С. 108–118.

17. Прошина З.Г., Ривлина А.А. Английский язык в России как вариант и как дополнительный языковой ресурс // Английский язык на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и за его пределами / Ред. М.Б. Раренко. М.: ИНИОН, 2020. С. 73–89.

18. Федосюк М.Ю. О причинах роста англизмов и продуктивности неидиоматичных номинаций в русском языке наших дней. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 9–19.

19. Чугаева В.С., Воскресенская И.В. Лингвистический ландшафт Новосибирска и Белгорода через призму рекламы, урбанонимов, эргонимов // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 2(49). С. 381–398.

20. Kelly-Holmes H. The Linguistic Business of Marketing // The Business of Words: Wordsmiths, Linguists, and Other Language Workers. / C. Thurlow (ed.). London and New York: Routledge, 2020. Pp. 36–50.

21. Landry R., Bourhis R. Linguistics Landscapes and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study // Journal of Language and Social Psychology. 1997. Vol. 16. Pp. 23–49.

22. Shohamy E. Linguistic landscape after a decade: An overview of themes, debates and future directions // Expanding the Linguistic Landscape: Linguistic Diversity, Multimodality and the Use of Space as a Semiotic Resource (edited by Martin Pütz and Neele Mundt). Bristol: Multilingual Matters, 2019. Pp. 25–37.

Oleg V. Shcherbakov, Zoya G. Proshina

**STRATEGIES FOR CREATING SYMBOLIC RESOURCES
IN LINGUISTIC LANDSCAPES FOR MARKETING
PURPOSES (A CASE STUDY OF LANDSCAPES
FROM MOSCOW AND ST. PETERSBURG)**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
sherbakov.oleg2009@yandex.ru, proshinazoya@yandex.ru

Abstract. The urban communicative space — or linguistic landscape — is composed of informational and symbolic elements. While the first type of sign aims to inform city residents, the second type is more complex to perceive and may reflect intricate social processes. Such signs are created not for the purpose of conveying information, but to enhance the appeal of a place, create a desired atmosphere, and ultimately serve marketing objectives. The article provides an analysis of the symbolic resources in the linguistic landscapes of Moscow and St. Petersburg and identifies three strategies for their creation: the use of precedent phenomena, the imitation of interpersonal communication, and the co-creation of symbolic communicative acts. The analysis employs a geosemiotic approach to enable a more comprehensive assessment of the role played by symbolic elements within their linguistic and social context. For each strategy, the means of speech expressiveness aimed at achieving a specific pragmatic effect are analyzed. The conclusion highlights how symbolic elements of the urban linguistic landscape

complement contemporary advertising discourse by relying on the creation of an emotional connection with the addressee and explores their potential for the development of the creative economy in the future.

Keywords: linguistic landscape, linguistic landscape studies, sociolinguistics, urban linguistics

For citation: Shcherbakov O.V., Proshina Z.G. (2026) Strategies for creating symbolic resources in linguistic landscapes for marketing purposes (a case study of landscapes from Moscow and St. Petersburg). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(29), pp. 179–194. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-12 (In Russ.)

About the authors:

Oleg V. Shcherbakov — PhD student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; sherbakov.oleg2009@yandex.ru

Zoya G. Proshina — Dr. Habil. in Philology, Professor, Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, proshinazoya@yandex.ru

REFERENCES

1. Asanov A.Yu. 2014. *Urbanonymiya goroda Tambova v lingvokognitivnom aspekte* [Urbanonymy of the city of Tambov in the linguocognitive aspect]. PhD diss. abstract. Tambov. (In Russ.)
2. Gal'tsova A.S. 2011. *Lingvokul'turologicheskii potentsial peterburgskoi toponimii* [Linguacultural potential of St. Petersburg toponymy]. PhD diss. abstract. Saint Petersburg. (In Russ.)
3. Golikova T.A. 2020. Metodologiya lingvolandshaftnykh issledovaniy v Rossii: analitiko-tematicheskii obzor [Methodology of linguistic landscape research in Russia: an analytical and thematic review]. *Bulletin of TvSU. Series "Philosophy"*, no. 4(54), pp. 149–166. (In Russ.)
4. Golomidova M.V. 2019. Urbanonimy kak resurs upravleniya vospriyatiem gorodskogo prostranstva [Urbanonyms as a resource for managing the perception of urban space]. *Communication Studies*, vol. 6, no. 1, pp. 11–30. (In Russ.)
5. Gorbanevskii M.V. 1994. *Russkaya gorodskaya toponimiya: problemy istoriko-kul'turnogo izucheniya i sovremennogo leksikograficheskogo opisaniya* [Russian urban toponymy: problems of historical and cultural study and modern lexicographic description]. Dr. (habil.) diss. abstract. Moscow. (In Russ.)
6. Ivanov V.V. 2023. Razvitie teoreticheskikh printsipov issledovaniy yazykovogo landshafta v kontekste gorodskogo mnogoyazychiya [Development of theoretical principles of linguistic landscape research in the context of urban multilingualism]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 3, pp. 426–435. (In Russ.)
7. Krasnykh V.V. 2012. Sovremennyi bol'shoi gorod kak perekrestok mirov (virtual'noe vs. real'noe, verbal'noe vs. neverbal'noe, svoe vs. chuzhoe) [The modern big city as a crossroads of worlds (virtual vs. real, verbal vs. non-verbal, one's own vs. other's)]. *Polyphony of the Big City: collection of scholarly articles*. Moscow, MIL, pp. 75–83. (In Russ.)

8. Karaulov Yu.N. 2010. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian Language and Linguistic Personality]. 7th ed. Moscow, LKI. (In Russ.)
9. Krysin L.P. 2021. *Ocherki po sotsiolingvistike* [Essays on sociolinguistics]. Moscow, Flinta. (In Russ.)
10. Larin B.A. 1977. K lingvisticheskoi kharakteristike goroda (neskol'ko predposylok) [Towards a linguistic characterization of the city (a few premises)]. In B.A. Larin. *History of the Russian Language and General Linguistics*. Moscow, Prosveshchenie, pp. 189–199. (In Russ.)
11. Larin B.A. 1977. O lingvisticheskom izuchenii goroda [On the linguistic study of the city]. In B.A. Larin. *History of the Russian Language and General Linguistics*. Moscow, Prosveshchenie, pp. 175–189. (In Russ.)
12. Liu Jingpeng. 2019. Lingvisticheskii landshaft: issledovanie i analiz perevoda s russkogo na kitaiskii yazyk v krupnykh gorodakh Rossii [Linguistic landscape: research and analysis of translation from Russian into Chinese in large cities of Russia]. *Moscow University Bulletin. Series 22. Translation Theory*, no. 2, pp. 121–129. (In Russ.)
13. Malenova E.A. 2021. Perevod yazykovykh sredstv konstruirovaniya gorodskogo lingvisticheskogo landshafta kak faktor formirovaniya imidzha territorii [Translation of linguistic means of constructing urban linguistic landscape as a factor in shaping the image of a territory]. *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, vol. 6, no. 2, pp. 94–102. (In Russ.)
14. Medvedeva E.V. 2022. Ot goroda-sada k gorodu-parku: o funktsionirovanii urbanisticheskoi metafory v tekste goroda [From the garden city to the park city: on the functioning of the urban metaphor in the city text]. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 68–78. (In Russ.)
15. Medvedeva E.V. 2020. Semiotika dostoprimechatel'nostei i ee rol' v formirovanii teksta goroda [Semiotics of landmarks and its role in the formation of the city text]. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 134–142. (In Russ.)
16. Peshkova N.P. 2017. Lingvisticheskii landshaft polietnicheskogo goroda. Osobennosti verbal'nogo vozdeistviya [Linguistic landscape of a multi-ethnic city. Features of verbal influence]. *Issues of Psycholinguistics*, no. 4, pp. 108–118. (In Russ.)
17. Proshina Z.G., Rivlina A.A. 2020. Angliiskii yazyk v Rossii kak variant i kak dopolnitel'nyi yazykovoi resurs [English in Russia as a variety and as an additional language resource]. In M.B. Rarenko (ed.). *English in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and Beyond*. Moscow, INION, pp. 73–89. (In Russ.)
18. Fedosyuk M.Yu. 2022. O prichinakh rosta analitizma i produktivnosti neidiomatichnykh nominatsii v russkom yazyke nashikh dnei [On the reasons for the growth of analytism and productivity of non-idiomatic nominations in the modern Russian language]. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–19. (In Russ.)
19. Chugaeva V.S., Voskresenskaya I.V. 2023. Lingvisticheskii landshaft Novorossiiska i Belgoroda cherez prizmu reklamy, urbanonimov, ergonimov [Linguistic landscape of Novorossiysk and Belgorod through the prism of advertising, urbanonyms, ergonyms]. *Theory of Language and Intercultural Communication*, no. 2(49), pp. 381–398. (In Russ.)

20. Kelly-Holmes H. 2020. The Linguistic Business of Marketing. In C. Thurlow (ed.). *The Business of Words: Wordsmiths, Linguists, and Other Language Workers*. London and New York: Routledge, pp. 36–50.

21. Landry R., Bourhis R. 1997. Linguistics Landscapes and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study. *Journal of Language and Social Psychology*, vol. 16, pp. 23–49.

22. Shohamy E. 2019. Linguistic landscape after a decade: An overview of themes, debates and future directions. In Pütz M, Mundt N. (eds.). *Expanding the Linguistic Landscape: Linguistic Diversity, Multimodality and the Use of Space as a Semiotic Resource*. Bristol: Multilingual Matters, pp. 25–37.

Статья поступила в редакцию 18.10.2025;
одобрена после рецензирования 25.11.2025;
принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 18.10.2025;
approved after reviewing 25.11.2025;
accepted for publication 15.12.2025.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУР

М.Х. Джабер

ГРАДИЕНТНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СДВИГ В СИНОНИМИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; to.kiritou@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья выполняется в рамках исследования механизмов градиентного семантического сдвига в синонимических рядах прилагательных, обозначающих личностные характеристики, в русском и китайском языках.

Работа посвящена рассмотрению семантической динамики внутри синонимического ряда с ядерным элементом лексемой «агрессивный», ее синонимов в русском языке, а также ряда китайских эквивалентов (таких как 侵略性, 攻击性, 强势 и др.). Цель статьи — выявление системных закономерностей концептуализации агрессии как характеристики человека в разносистемных языках, а именно — изменений эмотивной валентности и культурной нагрузки в синонимическом ряду.

Исследование выполняется в русле когнитивной семантики с опорой на интегративный методологический подход, сочетающий инструментарий теории прототипов, компонентного и концептуального анализа.

На примере детального сопоставительного анализа синонимических рядов дескриптивных прилагательных в русском и китайском языках демонстрируются структурные и коннотативные различия в динамике семантики элементов синонимических рядов двух изучаемых языков. Устанавливается универсальный характер градиентного сдвига эмотивной валентности от негативного полюса к позитивному при движении от ядра синонимического ряда к его периферии. Языковая реализация этого процесса обусловлена представлениями носителей русского и китайского языков об агрессии. Иллюстрируется глубокая связь между семантическими процессами, языковой картиной мира и системами ценностей русской и китайской культур.

Джабер Милана Хассановна — старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; to.kiritou@gmail.com

© Джабер М.Х., 2026

Ключевые слова: градиентный семантический сдвиг, синонимический ряд, прилагательное, коннотация, эмотивная валентность, языковая картина мира, сопоставительная лингвистика, русский язык, китайский язык

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-13

Для цитирования: Джабер М.Х. Градиентный семантический сдвиг в синонимических рядах прилагательных в русском и китайском языках // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 1. С. 195–206. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-13

Семантический сдвиг (*semantic shift / semantic change*) — это широкий зонтичный термин, охватывающий практически любое изменение лексического значения слова в диахронии [Bréal, 1897; Ullmann, 1962], причем не только денотативного, но и коннотативного компонента значения, включающего в себя эмоционально-оценочный компонент [Leech, 1974] и культурную нагрузку как совокупность ассоциаций, фоновых знаний, культурных кодов, связанных со словом в сознании носителей языка [Wierzbicka, 1992; Степанов, 1997; Телия, 1996].

В рамках исследования синонимических рядов применение концепции семантического сдвига имеет смысл, так как оно позволяет:

- проследить развитие отдельных синонимов в диахронии;
- проанализировать изменение структуры всего синонимического ряда;
- выявить культурные сдвиги.

Ключевым аспектом исследования является подробный многоэтапный анализ лексем русского языка и эквивалентных им по значению лексем китайского языка, а также их коннотативных полей по интегративной модели, синтезирующей методологические подходы А.А. Уфимцевой [Уфимцева, 1962], Г.Г. Молчановой [Молчанова, 2011] и Э. Рош [Рош, 1978], отличающейся вниманием к живой речи (применение корпусов и анализ языковых данных на прагматическом уровне) и культурному контексту. В рамках данного синтеза теория прототипов и структуры «ядро-периферия» (по Э. Рош) сочетается с компонентным анализом по А.А. Уфимцевой, дополненным элементами концептуального анализа по Г.Г. Молчановой, что позволяет выявить не только структурные, но и культурно обусловленные различия в организации синонимических рядов, констатировать изменение значения и описать механизм, направление и вероятные причины этого изменения, а также выявить связь

семантических процессов с культурными кодами и социальными трансформациями в русской и китайской лингвокультурах. Такой интегративный подход, сочетающий диахронический, структурный и когнитивный аспекты, соответствует современным тенденциям в исследовании семантического изменения, корни которого, как системного языкового явления, уходят в классические труды по языкознанию [Bloomfield, 1933; Blank, Koch, 1999].

На примере синонимического ряда с ядерным элементом «агрессивный» в русском языке можно выявить сложную картину межъязыковой асимметрии, представляющую значительный интерес для сопоставительной лингвистики и когнитивной семантики. Все рассматриваемые лексические единицы в этой подгруппе объединены общей темой — выражение агрессии и силы.

Семный анализ лексемы «агрессивный», проведенный на основе дефиниций авторитетных толковых словарей русского языка (БАС, МАС, ТС под ред. С.И. Ожегова, БТС РЯ под ред. С.А. Кузнецова), позволяет выявить ее устойчивую иерархическую семантическую структуру. Интегральным семантическим признаком, объединяющим все значения слова, является архисема «стремление к активному воздействию, подавлению или доминированию». Этот признак служит общим знаменателем для всех оттенков значения — от военного нападения до враждебного поведения или вредоносного воздействия.

Основу значения формируют ядерные семы, стабильно присутствующие в большинстве определений, к которым относятся, прежде всего, сема «враждебность, неприязнь», которая указывает на антагонистический, недружелюбный характер отношения, и сема «наступательность, склонность к нападению», акцентирующая инициативный, атакующий, а не пассивный характер действия¹. Именно эти две семы образуют семантическое ядро, актуальное для наиболее частотных употреблений, таких как «агрессивный человек» или «агрессивное поведение».

Периферию семантической структуры составляют дифференциальные семы, которые конкретизируют и уточняют значение в зависимости от контекста употребления:

---

¹ См.: Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. М.: Оникс, 2009. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965 (дата обращения: 02.09.2025).

- в политико-военной сфере актуализируется сема «захватничество, цель подчинения», сужающая значение до целенаправленного захвата территории или установления контроля, что проявляется в сочетаниях типа «агрессивная политика»;

- в межличностном общении значимой становится сема «вызывающий характер», подчеркивающая свойство действия провоцировать конфликт;

- в научно-технических контекстах, например, при описании сред или веществ, на первый план выходит сема «вредоносность, оказывающее вредное воздействие».

Оппозицию скрытой враждебности составляет сема «открытость, нескрываемость», имплицитно присутствующая в определениях.

Таким образом, значение лексемы «агрессивный» демонстрирует четкую градацию от универсального ядра к контекстно-обусловленной периферии. Его семантическое ядро, образуемое признаками «враждебный» и «наступательный», остается стабильным. Периферийные же семы («захват», «вред», «провокация») позволяют слову функционировать в различных дискурсах — от межличностного до политического и научно-технического, наглядно иллюстрируя механизм семантического сдвига в зависимости от условий употребления². При этом коннотативная окраска слова сохраняется в негативном регистре, поскольку даже в расширенных значениях сохраняется базовая сема активного вредоносного воздействия.

К синонимам рассматриваемой лексемы в русском языке относятся:

- прямые синонимы, характеризующие поведение или нрав, в т.ч. связанные со склонностью к дракам и конфликтам, как то: «враждебный» (открытая неприязнь и противопоставление), «недружелюбный» (отсутствие дружелюбия, холодность), «недоброжелательный» (плохие намерения по отношению к другим), «хищный» (жестокий, стремящийся к захвату добычи), «опасный» (представляющий угрозу), «задиристый» (склонный затевать ссоры, драки), «драчливый» (склонный к дракам);

- связанные с нападением и захватом, в частности «наступательный» (стратегия активного нападения), «нападающий» (находящийся в позиции атаки), «захватнический» (цель — захват чужой территории, ресурсов), «завоевательный» (цель — покорение кого-либо);

---

² Сочетаемость приводится по данным НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.09.2025)

- связанные непосредственно с военными действиями — «воинственный» (готовность к борьбе, боевой дух), «угрожающий» (содержащий в себе угрозу)³.

Эти синонимы образуют структурированный ряд, построенный по принципу прототипической семантики: ядро составляют слова с максимальной семантической близостью к исходному понятию, а на периферии располагаются единицы с частичным перекрытием значения. Структура ряда определяется через компонентный анализ и проверку сочетаемости в НКРЯ. Критерием распределения по ядру и периферии служит степень семантической близости к прототипу, измеряемая через общность дифференциальных сем и частотность сочетаемости с ключевыми существительными.

Проверка сочетаемости подтверждает структурное членение: ядерное «агрессивный» демонстрирует широкую сочетаемость («поведение», «политика», «маркетинг»), тогда как периферийные элементы ограничены узкими контекстами («захватнический» преимущественно сочетается со словами «война», «политика»).

Наиболее точным эквивалентом лексемы «агрессивный» выступает 侵略 и его производное 侵略性的, передающие значение военной или физической агрессии, захватнических действий и неизменно несущие ярко выраженную резко негативную коннотацию (например, 侵略战争 — захватническая война), для большинства контекстов, особенно с негативной окраской, являясь ядерным⁴. Это китайское слово также соответствует русскому «захватнический». «Враждебный» переводится как 敌意 (的) в знач. «содержащий явную неприязнь». «Напористый» находит эквивалент в 强势 (的) в знач. «сильный, доминирующий».

Семный анализ китайских эквивалентов раскрывает их специфику: 侵略性 содержит семы «нарушение границ» и «насильственный захват», восходящие к этимологии иероглифов 侵 (вторгаться) и 略 (захватывать). 强势 акцентирует семы «сила» и «доминирование» без компонента враждебности, а 攻击性 фокусируется на семах «атака» и «конфронтация».

Лексема 侵略 в китайском языке имеет более 10 синонимов различной структуры, среди которых следующие смыслообразующие морфемы — 侵 «захватывать, грабить; присваивать, узурпировать, овладевать; посягать, нападать; притеснять; вторгаться» (в древно-

---

³ URL: <https://glosum.ru/> (дата обращения: 10.09.2025)

⁴ Здесь и далее значения китайских слов см.: БКРС URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 08.09.2025); 在线新华字典, URL: <https://zd.hwxnet.com/> (дата обращения: 08.09.2025)

сти означал неурожайный год, голод), 略 «захватить, оккупировать» (второстепенное значение), 蚀 «коррозия; пожирать, поражать; портиться...», 腐 «тухлый, гнилой; перепрелый, разложившийся; испорченный, затхлый; вонючий; тленный...» и 犯 «преступать [закон], совершать (*преступление, ошибку*); нарушать [правила]; вторгаться в, врываться в, нападать на; подвергаться нападению»: 侵略的, 侵略性的, 侵蚀的, 侵蚀性的, 腐蚀的, 腐蚀性的, 侵犯的, 侵袭的, 挑衅的, 含有敌意的, 进攻(式)的, 攻击的, 采取攻势⁵.

Анализ словарных определений и частотных сочетаний с вышеописанными лексемами в русском и китайском языках позволяет выявить интересные закономерности в области семантики, культурных коннотаций и языкового влияния: в китайском языке прослеживается более четкое и структурное разделение сфер употребления слов, обозначающих напористость, доминирование и силу.

Слово 侵略性 прочно закреплено за негативными и деструктивными контекстами, такими как поведение человека или политика: 侵略性行为 — агрессивное поведение; 侵略性政策 — агрессивная политика и др. Оно несет однозначно отрицательную оценку, связанную с неспровоцированной атакой, нарушением границ и применением силы⁶.

Важным соответствием, которое имеет смысл выделить из списка синонимов, является лексема 攻击性, дословно означающая «имеющий нападающий/атакующий характер», а также «склонность к нападению», описывает инстинктивное поведение, связанное с защитой территории, борьбой за ресурсы, доминированием или охотой. Это нейтральный научный термин (具有攻击性的动物 — животное, проявляющее агрессию), который при этом является более описательным, чем 侵略 и его производные, и находит применение в более широком круге контекстов, прежде всего в биологии и психологии. Однако его коннотация также остается негативной.

В то же время, слово 强势, дословно переводящийся как «сильный по положению/характеру», что означает «сильный, могущественный, напористый», функционирует в сфере бизнеса, управления и социальных отношений, приобретая позитивный или как минимум нейтрально-оценочный оттенок: 强势领导 — сильный лидер. Оно описывает желаемые качества — доминирование на

---

⁵ 近义词反义词, URL: https://jinyifanyi.bmcx.com/%E4%BE%B5%E7%95%A5_jinyifanyi/ (дата обращения: 09.09.2025)

⁶ Сочетаемость здесь и далее приводится по данным Корпуса Пекинского университета BCC语料库 (北京语言大学语言智能研究院), URL: <https://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 09.09.2025)

рынке, уверенное лидерство, мощь бренда и является положительной характеристикой: 强势品牌 — сильный бренд. Это указывает на то, что в китайской лингвокультурной традиции сила и доминирование сами по себе не являются негативными; оценка зависит от контекста и формы проявления этой силы. Имеет место очевидный коннотативный сдвиг: 强势 лишено столь выраженной негативной окраски и часто несёт нейтральный или даже позитивный оттенок значения («напористый, волевой»). Выбор в пользу этого эквивалента оправдан в тех случаях, когда требуется смягчить негативную окраску исходного понятия или акцентировать его динамический и волевой аспект, а не враждебность.

В русском языке процесс формирования коллокаций находится под значительным влиянием современных английских калькированных выражений (например, агрессивный маркетинг — калька с англ. “aggressive marketing”, агрессивный рост / экспансия — калька с “aggressive growth / expansion”, агрессивные продажи — с “aggressive sales”, агрессивный инвестор — с “aggressive investor” и т.д.).

Важно отметить, что лексема «агрессивный» является заимствованием из французского языка, появившимся в русском еще в начале XX века и имеющим ключевую сему «нападение, наступление»⁷, что говорит об отсутствии положительных коннотаций до проникновения в русский язык более поздних англоязычных выражений.

Анализ сочетаемости говорит о двух различных лингвокультурных моделях. Китайская модель демонстрирует лексическую дихотомию на агрессию-разрушение (侵略性) и силу-доминирование (强势). Русская модель, напротив, использует одно семантически перегруженное слово «агрессивный» для передачи обоих концептов, что часто приводит к аксиологической неточности. Ключевое отличие обусловлено семантической и коннотативной диффузией лексемы «агрессивный». Если в русской языковой системе за ней закреплены значения, связанные с враждебностью и деструктивностью, то под влиянием английского языка в ряде контекстов она актуализирует семы, лишённые негативной оценки.

Можно также сделать вывод о том, что в китайском языке для передачи негативно окрашенных образов используется большее количество близких по значению слов-синонимов. В русском языке, наоборот, для передачи позитивного значения силы, аналогичного китайскому 强势, часто используется более широкий и нейтраль-

---

⁷ Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархурдова. М., «Просвещение», 1971.

ный спектр лексики (контекстных синонимов): «сильный лидер», «сильный бренд», «напористый человек», «жесткая конкуренция», где слово «сильный» лишено негативной коннотации и потому является более безопасным и частотным выбором для описания желаемых качеств, а слова «напористый» и «жесткий» занимают промежуточную позицию, также обозначая активность и силу, но с меньшим риском быть воспринятыми как отрицательные, чем «агрессивный».

Важно отметить, что, хотя 强势 не является прямым словарным синонимом к 侵略性, оно включается в анализ по следующим причинам:

1. Общность когнитивного признака (гиперо-сема): объединяющим признаком для всего ряда является «напористость, активное стремление к доминированию или достижению цели». Это широкая когнитивная категория, внутри которой происходит специализация значений: 侵略性 акцентирует сему «враждебность и нарушение границ», 攻击性 акцентирует сему «атака, нападение», 强势 акцентирует сему «сила, доминирование, уверенность», элиминируя компонент враждебности.

2. Контекстуальная синонимия и переводческая практика: 强势 функционирует как контекстуальный и культурно-адаптированный эквивалент для периферийных значений русского слова «агрессивный», что делает его анализ обязательным для полного понимания межъязыковой корреляции.

3. Градиентный характер семантического сдвига: включение 强势 позволяет наглядно продемонстрировать культурно-обусловленный семантический сдвиг. Мы видим не просто список синонимов, а градиентную шкалу: 侵略性 (резко негативное) → 攻击性 (нейтрально-негативное) → 强势 (нейтрально-позитивное).

Остальные элементы ряда (侵犯的, 挑衅的, 含有敌意的 и др.) в рамках настоящей работы являются уточняющими, специализированными синонимами к ядру (侵略性). Они детализируют различные аспекты агрессии: 侵犯 — акцент на посягательстве, нарушении (прав, границ), 挑衅 — акцент на провокации, вызове, 含有敌意的 — акцент на враждебном настрое, неприязни. Их анализ показывает, что ядро 侵略性 является самым широким по значению, а 侵犯的 и 挑衅的 — его гипонимами (более частными случаями).

Таким образом, включение 强势 в синонимический ряд является методологически обоснованным, так как позволяет перейти от узкого анализа «словарных» синонимов к более релевантному когнитивно-семантическому анализу всей категории, выявить и проде-

монстрировать вектор семантического и коннотативного сдвига от негативного полюса к позитивному, а также отражает реальную практику межъязыковой коммуникации и перевода, где значения передаются не только прямыми эквивалентами, но и культурно-адаптированными периферийными единицами.

На основании сравнения синонимических рядов прилагательных в русском и китайском языках можно сделать вывод о сдвиге эмотивной валентности и культурной нагрузки:

- при движении от ядра к периферии происходит ослабление семы «враждебность» и усиление семы «энергичность»;
- эмотивная окраска меняется с резко негативной на позитивную;
- культурная нагрузка (табуированность) максимальна у ядра и сводится к нулю на периферии.

Очевидно, что оба языка обладают сходной структурой организации синонимических рядов по принципу «ядро — периферия». Отличается сфера употребления соответствующих лексем. Китайский язык демонстрирует чёткое лексическое разграничение между понятиями 侵略性 и 强势, что отражает более тонкую смысловую градацию в описании агрессивного поведения. В русском языке, напротив, доминирует семантически расширенное употребление прилагательного «агрессивный», покрывающего оба значения, но неизменно сохраняющего негативную коннотацию. Данное обстоятельство обуславливает необходимость привлечения других прилагательных («решительный», «энергичный» и др.) для передачи позитивных или нейтральных коннотаций. Это иллюстрирует влияние культурных норм на языковую репрезентацию — китайская лингвокультура выработала более дифференцированную систему концептуализации напористости, позволяющую разграничивать её деструктивные и конструктивные проявления.

Так, структура синонимического ряда в китайском языке отличается большей дробностью. Он имеет бинарную организацию с двумя центрами: негативным (侵略性) и нейтрально-позитивным (强势), где 攻击性 занимает промежуточное положение. Это отражает культурную установку на разграничение деструктивной агрессии и социально приемлемой напористости.

Соотношение членов синонимических рядов в двух языках демонстрирует межъязыковую асимметрию. Русский ряд моноцентричен и строится вокруг семантически расширенного слова «агрессивный», тогда как китайский ряд полицентричен и обладает чёткой функциональной специализацией эквивалентов.

Семантический сдвиг в русском языке проявляется в расширении значения «агрессивный» под влиянием английских калек (aggressive marketing), что приводит к коннотативному диссонансу между исходной негативной семантикой и новыми позитивными контекстами. В китайском языке сдвиг имеет предсказуемый градиентный характер: от резко негативного 侵略性 к нейтрально-позитивному 强势, без семантической перегрузки отдельных единиц. Ключевое различие заключается в том, что китайский язык институционализировал сдвиг через лексическую дихотомию, тогда как в русском он вызывает прагматическую напряженность и необходимость в контекстных синонимах («сильный», «напористый»). Это свидетельствует о более тесной связи между языковой структурой и культурными нормативами в китайской лингвокультуре.

Наблюдаемый градиентный сдвиг эмотивной валентности от негативного полюса к позитивному, будучи универсальным для организации синонимических рядов в обоих языках, тем не менее, имеет различную языковую реализацию: в русском языке исходная негативная семантика лексемы «агрессивный» накладывает прагматическое ограничение на её употребление в позитивных контекстах. Данное явление представляет собой не что иное, как аксиологически маркированный сдвиг культурной нагрузки: вербализованный концепт, репрезентируемый в одной лингвокультуре как социально неодобряемый (табуированный), в другой может получать нейтральную или даже позитивную оценку. Так, лингвистические данные очевидно отражают культурные различия в восприятии агрессии.

Анализ синонимических рядов открывает перспективы для изучения механизмов категоризации качеств и свойств в разных лингвокультурах и способов их вербализации через систему прилагательных, а также демонстрирует не только семантические, но и культурные паттерны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Молчанова Г.Г. Когнитивные методы исследования в МКК: концепт-символ «Три сестры» в англ. и рус. лингвокультурах // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 3. С. 51–65.
2. Рош Э. Принципы категоризации // Теория и методология лингвистики. М.: Прогресс, 1978. С. 25–38.
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

5. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
6. Blank A., Koch P. Historical Semantics and Cognition. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999.
7. Bloomfield L. Language. New York: Henry Holt and Company, 1933.
8. Bréal M. Essai de sémantique. Paris, Hachette, 1899.
9. Leech G. Semantics: The Study of Meaning. Harmondsworth, Penguin Books. 1974.
10. Ullmann S. Semantics: An Introduction to the Science of Meaning. Oxford, Basil Blackwell, 1962.
11. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York, Oxford University Press, 1992.

Milana Kh. Dzhaber

GRADIENT SEMANTIC SHIFT IN SYNONYMOUS ADJECTIVES IN RUSSIAN AND CHINESE

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; to.kiritou@gmail.com

Abstract. The current article forms part of the broader research that investigates the mechanisms of gradient semantic shift within synonymic series of adjectives denoting personal characteristics in Russian and Chinese languages.

The paper is devoted to examining the semantic dynamics within a synonymous series with the lexeme “агрессивный” (aggressive) as a core element and its synonyms in Russian, as well as a number of its Chinese equivalents (such as 侵略性, 攻击性, 强势, etc.). The aim of the article is to identify systematic patterns in the conceptualization of aggression as a human characteristic in distantly related languages, namely, the changes in emotive valence and cultural load within the synonymous series.

The research is carried out within the framework of cognitive semantics, relying on the integrative methodological approach that combines the tools of prototype theory, componential analysis, and conceptual analysis.

Through a detailed comparative analysis of synonymous series of descriptive adjectives in Russian and Chinese, the structural and connotative differences in the semantic dynamics across the synonymic series in the two languages under study are demonstrated. The study establishes the universal nature of the gradient shift in emotive valence from the negative to the positive pole when moving from the core to the periphery of the synonymic row. It is also demonstrated that the linguistic embodiment of this shift is conditioned by the perceptions of aggression inherent to native speakers of Russian and Chinese. The study illustrates the profound interconnection between semantic processes, the language-specific conceptualization, and the value systems of Russian and Chinese cultures, contributing to the theory of semantic variation and intercultural communication.

Keywords: gradient semantic shift, synonymic series, adjective, connotation, emotive valence, linguistic worldview, comparative linguistics, Russian language, Chinese language

For citation: Dzhaber M.Kh. (2026) Gradient semantic shift in synonymous adjective series in Russian and Chinese. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(29), pp. 195–206. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-13 (In Russ.)

About the author: Milana Kh. Dzhaber — Senior Lecturer, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; to.kiritou@gmail.com

REFERENCES

1. Molchanova G.G. 2011. Kognitivnye metody issledovaniya v MKK: kontsept-simvol «Tri sestry» v angl. i rus. lingvokul'turakh [Cognitive Research Methods in Intercultural Communication: The Concept-Symbol “Three Sisters” in English and Russian Linguocultures]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 51–65. (In Russ.).
2. Rosh E. 1978. Printsipy kategorizatsii [Principles of Categorization]. In *Teoriya i metodologiya lingvistiki*. Moscow, Progress, pp. 25–38. (In Russ.).
3. Stepanov Yu.S. 1997. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)
4. Teliya V.N. 1996. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)
5. Ufimtseva A.A. 1962. *Opyt izucheniya leksiki kak sistemy* [An Attempt at Studying Lexis as a System]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russ.).
6. Blank A., Koch P. 1999. *Historical Semantics and Cognition*. Berlin, Mouton de Gruyter.
7. Bloomfield L. 1933. *Language*. New York, Henry Holt and Company.
8. Bréal, M. 1899. *Essai de sémantique*. Paris, Hachette.
9. Leech G. 1974. *Semantics: The Study of Meaning*. Harmondsworth, Penguin Books.
10. Ullmann S. 1962. *Semantics: An Introduction to the Science of Meaning*. Oxford, Basil Blackwell.
11. Wierzbicka A. 1992. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York, Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 24.08.2025;
одобрена после рецензирования 21.11.2025;
принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 24.08.2025;
approved after reviewing 21.11.2025;
accepted for publication 15.12.2025.

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.

Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 13.02.2026. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 11,88. Тираж 80 экз. Изд. № 13091. Заказ №

Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1,

Ленинские горы, д. 1, стр. 15. Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com.

Отд. реализации: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com.

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410 004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru
